

18. Available at: <http://booksee.org/g/Leonard%20Peikoff> (accessed 19.09.2016).

19. Ayn Rend. Otvety: Ob ehtike, iskusstve, politike i ehkonomike [Ayn Rand. Answers: About ethics, art, politics and economics]. Available at: <http://detectivebooks.ru/book/download/33847256/> (accessed 21.09.2016).

20. Ayn Rehnd. Monolog o dengah iz knigi «Atlant raspravil plechi» [Ayn Rand. Monolog about money from the book «Atlas Shrugged»]. Available at: <http://subscribe.ru/archive/economics.school.diagnostics/201012/22184420.html> (accessed 21.09.2016).

21. Enciklopedicheskij slovar krylatyh slov i vyrazhenij / Avtor-sostavitel Vadim Serov [Encyclopedia dictionary of winged words and popular expressions. Author-compiler Vadim Serov]. Moscow, «Lokid-Press» Publ., 2003. Available at: http://royallib.com/book/serov_vadim/entsiklopedicheskij_slovar_krilatih_slov_i_virageniy.html (accessed 21.09.2016).

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ISSN 0321-1215

НАУЧНЫЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ
ЖУРНАЛ
2018
№ 1 (43/100)
www.vruli.cfuv.ru

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР /
EDITOR-IN-CHIEF**

Курьянов С. О. / *Kuryanov S. O.*,
доктор филологических наук, доцент

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА /
DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF**

Иванова Н. П. / *Ivanova N. P.*,
доктор филологических наук, профессор

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ /
EXECUTIVE SECRETARY**

Курьянова В. В. / *Kuryanova V. V.*,
кандидат филологических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ /
EDITORIAL BOARD:**

Александрова И. В. / *Alexandrova I. V.*,
доктор филологических наук, доцент

Берестовская Д. С. / *Berestovskaya D. S.*,
доктор философских наук, профессор

Богданович Г. Ю. / *Bogdanovich G. Yu.*,
доктор филологических наук, профессор

Борисова Л. М. / *Borisova L. M.*,
доктор филологических наук, профессор

Гуменюк В. И. / *Gumeniuk V. I.*,
доктор филологических наук, профессор

Зябрева Г. А. / *Ziabreva G. A.*,
кандидат филологических наук, доцент

Капустина С. В. / *Kapustina S. V.*,
кандидат филологических наук

Новикова М. А. / *Novikova M. A.*,
доктор филологических наук, профессор

Остапенко И. В. / *Ostapenko I. V.*,
доктор филологических наук, доцент

Титаренко Е. Я. / *Titarenko Ye. Ya.*,
доктор филологических наук, профессор

Ященко Т. А. / *Iashchenko T. A.*,
доктор филологических наук, профессор

Издается с 1966 года.
В 1966–1991 г. издавался
во Львове – Черновцах и в
1993–2014 г. в Симферополе
как межвузовский научный
сборник. С 2015 г. издается
как научный филологический
рецензируемый журнал.

Выходит 4 раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского».

Журнал включен в
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство
ПИ № ФС 77-61824
от 18 мая 2015 года.

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ:

295007, Республика Крым,
г. Симферополь, пр. Вернадского,
2, ТА КФУ, кафедра
русской и зарубежной
литературы, редакции
журналов, к. 210.

Тел.: +7978 844-18-21.

E-mail: vruli1966@mail.ru

Печатается по решению
Научно-технического совета КФУ,
протокол № 07 от 25.12.2018.
Подписан к печати 25.12.2018.

Отпечатан в управлении
редакционно-издательской
деятельности ФГАОУ ВО «КФУ
им. В. И. Вернадского».

Авторские материалы могут не отражать точку зрения редакции. Рукописи не возвращаются. Любое воспроизведение материалов без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

2018
№ 1 (43/100)**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

- Денисов В. Д.* «История Малороссии» –
глазами Гоголя 3
- Блинова А. В.* Ф. М. Достоевский в восприятии
А. П. Чехова-читателя 24
- Иванова Н. П.* Антиномии романтического мировосприятия
в художественном мире А. П. Чехова 37

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ
МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА**

- Беляева А. Н.* Проблема психологизма
в романе Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»
и повести Н. М. Карамзина «Юлия» 50
- Коробкина Е. Н.* Специфика топосного сверхтекста
как хоротопа. Феномен балканского
хоротопного сверхтекста 59

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Добровольская В. Е.* Мнимые болезни героев
русских волшебных сказок: имитация
психических и речевых недугов
(СУС 532 «Незнайка» и СУС 361 «Неумойка») 82

**КРЫМСКИЙ ТЕКСТ И КРЫМСКИЙ МИФ
В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

- Крюкова Н. В.* Отдельные аспекты феномена
«литературы путешествий» по Крыму XIX –
нач. XX вв. как сверхтекста 100
- Толоконникова С. Ю.* Миф о Евпатории: образы
города в творчестве крымских поэтов 110

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

- Логвинова И. В., Орлова Е. М.* О необходимости
специального пособия для подросткового чтения 122
- Мешков В. А.* «Рассказы о философах» А. И. Домбровского
и современность 127

9. Vic B. B. Demokrit [Democritus]. Moscow, Mysl Publ., 1979. 212 p. (Mysliteli proshlogo).

10. Gricanov A. A. Empedokl [Empedocles] // Novejshij filosofskij slovar. Novejshij filosofskij slovar: 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe [Newest philosophical dictionary: 2-th issue, re-maked and supplemented]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyj Dom [Books House] Publ., 2001. 1280 p. (Mir ehnciklopedij).

11. Avanesov S. S. Empedokl: bozhestvennost i samoubijstvo [Empedocles: divinity and suicide] // УЧПЛЗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya [Philosophical antiquity knowing and classical tradition]. Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennyj universitet [State university of Novosibirsk] Publ., 2007. Vol. 1, No. 2. Pp. 147–171.

12. Cohen, Martin. Philosophical Tales. Being an alternative history revealing the characters, the plots, and the hidden scenes that make up the True Story of Philosophy. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2008. 284 p.

13. Novejshij filosofskij slovar. Novejshij filosofskij slovar': 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe [Newest philosophical dictionary: 2-th issue, re-maked and supplemented]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. 1280 s.

14. Objektivizm // Enciklopedicheskij slovar [Objectivism. Encyclopedia dictionary]/ pod red. prof. I. E. Andreevskogo. Sankt-Peterburg, F. A. Brokgauz, I. A. Efron Publ., 1890–1907. (T. 21a: Nehshvill' – Opackij. 1897. Pp. 481–957). P. 636.

15. Filosofskaya Enciklopediya. V 5-h t. / Gl. red. F.V. Konstantinov [Philosophical Encyclopedia. In 5-th vol. Chief redactor F.V. Konstantinov]. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya [Soviet encyclopedia] Publ. 1960–1970.

16. Objektivizm / Filosofskij enciklopedicheskij slovar [Objectivism. Philosophical encyclopedia dictionary]. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya [Soviet encyclopedia] Publ., 1983. 840 p.

17. Novaya filosofskaya ehnciklopediya: V 4 t. / In-t filosofii RAN, Nac. obshch.-nauchn. Fond [New philosophical encyclopedia: In 4-th vol. Institute of philosophy of Russian Academy of sciences, National social-sciences fund]. Moscow, Mysl Publ., 2010.

Keywords: *Greek history, Greek philosophy, Democritus, Socrates, Plato, Aristotle, objectivism, rational egoism, altruism, understanding of the world.*

References

1. Dombrovskaya G. S. Sladkaya katorga Anatoliya Dombrovskogo [Sweet drudgery of Anatoly Dombrowski] // Sladkaya katorga Anatoliya Dombrovskogo. Sbornik o zhizni i tvorchestve pisatelya [Collection on life and works of writer] / Sostavitel G.S. Dombrovskaya. Simferopol, Publ. «Dom pisatelej A. Dombrovskogo» Soyuzu RUB pisatelej ARK i Mezhdunarodnogo Soobshchestva pisatelskih soyuzov (Moscow), 2009. Pp. 5–51.
2. Dombrovskij A. I. Rasskazy o filosofah [The tales about philosophers] / Nauch. red. i avt. poslesl. E. Yudin. Moscow, «Molodaya gvardiya» Publ., 1975. 224 p. (Seriya «Kompas»).
3. Dombrovskij A. I. Rasskazy o filosofah // Izbrannoe v 8 tomah . T.3. [The tales about philosophers. Electing in 8 volumes. Vol. 3]. Simferopol, SONAT Publ., 2007. 672 p.
4. Dombrovskij A.I. Rasskazy o filosofah [The tales about philosophers]. Moscow, Terra Publ., 2004. 256 p.
5. Dombrovskij A. I. Rasskazy o filosofah [The tales about philosophers] / Uchebnoe posobie. Avtor proekta i sostavitel G.S. Dombrovskaya [Educational appliance. Author of project and compiler G.S. Dombrowska]. Simferopol, Publ. «Dom pisatelej im. A. Dombrovskogo», 2013. 320 p.
6. Selivanov F. A. Rasskazy o filosofah [The tales about philosophers] Tyumen, 2002. Available at: <http://pandia.ru/text/77/29/79119.php> (accessed 19.09.2016).
7. Mozhejko M. A. Istina // Novejshij filosofskij slovar [Truth. Newest philosophical dictionary]. Novejshij filosofskij slovar: 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe [Newest philosophical dictionary: 2-th issue, re-made and supplemented]. Minsk, Interpresservis; Knizhnyj Dom [Books House] Publ., 2001. 1280 p. (Mir ehnciklopedij).
8. Dombrovskij A. I. Altar Isidy // Izbrannoe v 8 tomah. T.3 [Isida's Altar. Electing in 8 volumes. Vol. 3]. Simferopol, SONAT Publ., 2007. 672 p.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 882.09:929

«ИСТОРИЯ МАЛОРОССИИ» – ГЛАЗАМИ ГОГОЛЯ*

Денисов Владимир Дмитриевич,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ)
(г. Санкт-Петербург, РФ); e-mail: vladdenisoff@mail.ru*

В статье дан анализ, когда и почему Гоголь занялся историей Малороссии, на какие источники опирался, каким образом ее интерпретировал, каковы были его выводы.

Ключевые слова: *раннее творчество Н. В. Гоголя, «Вечера на хуторе близ Диканьки», поэтическая история Малороссии, запорожцы и малороссийские козаки¹, диалог русской и украинской культур.*

Обращение Гоголя к истории своей родины было связано с преподаванием всеобщей истории в Патриотическом институте и завершением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1832). После этого он стал сочетать занятия всемирной, русской и малороссийской историей, штудировать источники, а больше всего – летописи. В письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. Гоголь упомянул «летописи Конисского, Шафонского, Ригельмана», утверждая, что из источников, названных адресатом, он не знает всего две, и по-

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта №14-04-00510, поддержанного РГНФ.

просил у него выписки из неопубликованных летописей (X, 298–299)². Позже он использовал сведения из летописей Грабянки и Самовидца, «Летописи Малой России, или Истории Казаков запорожских и Казаков украинских» (1788) Ж. Б. Шерера [15] и книги Г. де Боплана³ «Описание Украйны» [2].

Впервые о своем труде Гоголь решил упомянуть в письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г.: «Теперь я принялся за историю нашей единственной бедной Украйны. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, что до меня не говорили» (X, 284). А 23 декабря 1833 г. он сообщил А. С. Пушкину, что «достал летопись без конца, без начала, об Украйне, писанную, по всем признакам, в конце XVII века», и что в Киеве (если ему дадут место профессора в Киевском университете) он хочет закончить «историю Украйны и юга России» (X, 290). Позже, в письме М. П. Погодину от 11 января 1834 г., Гоголь с восторгом признался: «Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории, малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» (X, 294). Видимо, Гоголь в то время считал **художественными** и «мысли» о всеобщей и украинской истории, и «пламенный слог» их воплощения. В статье «О преподавании Всеобщей Истории» (1834) утверждалось, что она обязана «составить одну величественную полную поэму <...> Слог профессора должен быть увлекательный, огненный <...> Каждая лекция профессора непременно должна... в уме слушателей... представляться стройною поэмою...» (VIII, 26, 28, 30). Такой размах замыслов требовал всё новых и новых материалов...

В начале 1834 г. в газетах «Северная Пчела» и «Молва», а также в журнале «Московский Телеграф» Гоголь напечатал «Объявление об издании Истории Малороссийских казаков», где утверждал: «...еще не было полной, удовлетворительной истории Малороссии и народа, действовавшего в продолжение почти четырех веков независимо от России», не было показано, «как образовал-

18. Режим доступа: <http://booksee.org/g/Leonard%20Peikoff> (дата обращения 19.09.2016).

19. Айн Рэнд. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике. Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/download/33847256/> (дата обращения 21.09.2016).

20. Айн Рэнд. Монолог о деньгах из книги «Атлант расправил плечи». Режим доступа: http://subscribe.ru/archive/economics.school_diagnostics/201012/22184420.html (дата обращения 21.09.2016).

21. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Автор-составитель Вадим Серов. М.: «Локид-Пресс», 2003. Режим доступа: http://royallib.com/book/serov_vadim/entsiklopedicheskiy_slovar_krilatih_slov_i_virageniy.html (дата обращения 21.09.2016).

«THE TALES ABOUT PHILOSOPHERS»
OF A. I. DOMBROWSKI
AND THE PRESENT

Meshkoff Valeriy Alekseevich,

*Ph.D. of Engineering Sciences,
member of the editorial board of the newspaper
«Crimean Affairs Review» (Evpatoria, Russia),
e-mail: M25V02A1948@yandex.ru*

The article shows that the Crimean writer-philosopher A.I. Dombrowski to a certain extent was the discoverer of the popular-scientific «philosophical genre», at least in the USSR. His «The tales about philosophers», published more than 40 years ago, since it has reprinted many times and translated into other languages. At high artistic merits of the book, it is a useful educational tool and a popular exposition of the history of philosophy. This allows «The tales about philosophers» to be in claiming today, on the background of a few similar publications in Russia and abroad. As example, the analysis of the «philosophy» of Ayn Rand shows the value of the Dombrowski book for unmasking the false idealistic doctrines and for working-out realistic objective understanding of the world.

6. Селиванов Ф. А. Рассказы о философах. Тюмень, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/29/79119.php> (дата обращения 19.09.2016).

7. Можейко М. А. Истина // Новейший философский словарь. Новейший философский словарь: 2-е изд., переработанное и дополненное. Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с. (Мир энциклопедий).

8. Домбровский А. И. Алтарь Иисуса // Избранное в 8 томах. Т.3. Симферополь : СОНАТ, 2007. – 672 с.

9. Виц Б. Б. Демокрит / Б. Б. Виц. – М. : Мысль, 1979. – 212 с. (Мыслители прошлого).

10. Грицанов А. А. Эмпедокл // Новейший философский словарь. Новейший философский словарь: 2-е изд., переработанное и дополненное. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с. (Мир энциклопедий).

11. Аванесов С. С. Эмпедокл: божественность и самоубийство // Философское антиковедение и классическая традиция. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2007. – Т. 1. – № 2. – С. 147–171.

12. Cohen, Martin. Philosophical Tales. Being an alternative history revealing the characters, the plots, and the hidden scenes that make up the True Story of Philosophy. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2008. – 284 p.

13. Новейший философский словарь. Новейший философский словарь: 2-е изд., переработанное и дополненное. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.

14. Объективизм // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. (Т. 21а: Нэшвилль – Опацкий. 1897. С. 481–957). – С. 636.

15. Философская Энциклопедия. В 5-х т./ Гл. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская энциклопедия, 1960–1970.

16. Объективизм / Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

17. Новая философская энциклопедия : В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. Фонд. – М. : Мысль, 2010.

ся... *воинственный народ*, казаки, означенный совершенной оригинальностью характера и подвигов», и его «место в истории мира»; и потому автор брал на себя этот труд. Намечая главные цели, он набросал развернутый план предисловия: «...представить обстоятельно, каким образом отделилась эта часть России; как образовался в ней этот воинственный народ <...> как он три века с оружием в руках добывал права свои и упорно отстоял свою религию; наконец, как нечувствительно исчезало воинственное бытие его и превращалось в земледельческое; как мало-помалу вся страна получила новые взамен прежних права и наконец совершенно слилась с Россией». Далее сообщалось, что автор «около пяти лет собирал... с большим старанием материалы» и «половина... истории почти готова», но с выпуском он медлит, «подозревая существование многих источников... неизвестных, которые, без сомнения, где-нибудь хранятся в частных руках». Поэтому предлагалось присылать ему «какие бы то ни было материалы: записки, летописи, повести бандуристов, песни, деловые акты, особливо относящиеся к первобытной Малороссии...» (IX, 76-77).

В письме М. А. Максимовичу от 12 февраля 1834 г. Гоголь обещал «Историю Малороссии», написанную «в шести малых или в четырех больших томах», «от начала до конца» (X, 297). Но И. И. Срезневскому, который откликнулся на «Объявление» и предложил прислать нужные материалы, 6 марта 1834 г. Гоголь написал о том, что «недоволен польскими историками», а к украинским «летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями <...> И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи...» (X, 298–299). И это приговор задуманной **научной** «Истории»!

Именно в марте-апреле 1834 г., по мнению исследователей, была вчерне набросана повесть «Тарас Бульба» – своеобразный «поэтический» отклик Гоголя на компилятивные научные труды, летописи, тенденциозные сочинения... и это, видимо, дискредитировало в его глазах прежний замысел. А позднее в «Отчете по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год» утверждалось, что Гоголь «занимается... разысканием и разбором для Истории малоросси-

ян, которой два тома уже готовы, но которые, однако ж, он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть многих мест, где происходили некоторые события» [цит. по изд.: 11, с. 150]. Началом большого исторического сочинения и обещал стать «Отрывок из Истории Малороссии», опубликованный весной 1834 г. вместе со статьей «О малороссийских песнях» [4]. Но напрасно читатель стал бы здесь искать фактической точности, перечня дат и событий – даже «приложения и ссылки» были отложены «за недостатком места» (VIII, 592), ибо, согласно идее «поэтической истории народа», концепция автора оказалась воплощена живым, образным повествованием, своего рода исторической «поэмой» о козаках как основе нации, ее стержне, «соли земли». Видимо, потому Гоголь в «Отрывке из Истории Малороссии» не разделяет Козачество на Запорожское и «остальное». Он вообще обходит столь актуальные тогда вопросы о происхождении козаков и самого слова «козак», которые каждый автор считал необходимым ставить заново и уже по-своему излагать.

В первую очередь, это вопрос об отношении к запорожцам. В украинском фольклоре запорожец – народный Герой, легко берущий верх над врагами, демоническими силами и самой смертью. Обычно представление в народном театре «оканчивалось дракою Запорожца со смертью, побиением и бегством последней, уничтожением черта пред Запорожцем...» [10, XVI-XVII]. – Но в повести Гоголя «Пропавшая грамота» (1831) выясняется, что удалец-запорожец, не уступающий ни в чем козаку, посланцу гетмана, когда-то продал душу черту, а потому и козак вынужден идти к нечистой силе. В повести «Ночь перед Рождеством» (1832) бывший запорожец Пузатый Пацюк (Крыса) фантастически ленив, прожорлив и «сродни черту», как считают селяне, хотя для них он «знахарь» (I, 222-223). Приехавшие в Петербург депутаты от запорожцев показаны наивными детьми, но, в то же время, хитрыми, грубыми, надменными, невежественно-жестокими. Подобная «двойственность» их образов обусловлена трактовкой запорожцев в отечественной историографии, публицистике и литературе того времени.

С конца XVIII в. запорожские козаки (не малороссийское Козачество), как правило, изображались «изменниками» и «разбойника-

знания из чувственного опыта и исследовал полученное т.о. знание с т. зр. его достоверности, очевидности, реальности и объема» [18, т. 2, с. 449]. У Локка многое взяли материалисты, а Айн Рэнд здесь просто «моська, лающая на слона».

7. Получается, что материальный продукт производит не труд миллионов людей, а «бизнесмены». А поскольку при капитализме «материальное благополучие» выражается в деньгах, то не удивительно, что и мерилом «добродетели» у Айн Рэнд становятся деньги: «Деньги всегда остаются результатом вашей деятельности и отказываются становиться на ваше место. Деньги – продукт добродетели» [21]. Утопическое представление о деньгах из утопического романа, на который Айн Рэнд часто ссылается и часто цитирует в своих «философских трудах».

8. Кстати, марксизм-ленинизм тоже отвергал «буржуазный альтруизм» как проявление индивидуализма, хотя понятие альтруизма противоположно понятию эгоизма [17, с. 21]. Но если придерживаться по совету Айн Рэнд «разумного эгоизма», то почему надо отказываться от «разумного альтруизма»?

Список использованных источников

1. Домбровская Г. С. Сладкая каторга Анатолия Домбровского // Сладкая каторга Анатолия Домбровского. Сборник о жизни и творчестве писателя / Составитель Г. С. Домбровская. – Симферополь : Издательство «Дом писателей А. Домбровского» Союза РУБ писателей АРК и Международного Сообщества писательских союзов (М.), 2009. – С. 5–51.
2. Домбровский А.И. Рассказы о философах / Науч. ред. и авт. послесл. Э. Юдин. М.: «Молодая гвардия», 1975. 224 с. (Серия «Компас»).
3. Домбровский А. И. Рассказы о философах // Избранное в 8 томах. – Симферополь : СОНАТ, 2007. – 672 с.
4. Домбровский А. И. Рассказы о философах / А. И. Домбровский. – М. : Терра, 2004. – 256 с.
5. Домбровский А. И. Рассказы о философах / Учебное пособие. Автор проекта и составитель Г. С. Домбровская. – Симферополь : Изд-во «Дом писателей им. А. Домбровского», 2013. – 320 с.

2. О том, что Домбровский был в курсе этих исследований, говорит один из его последних романов «Алтарь Исида». Герои этого фантастического произведения – правители Атлантиды, философски рассуждают о сотворении мира: «Может ли Ничто без участия какого-либо творца создать из себя мир? <...> Сравнение и, значит, определение Ничто невозможно. Ничто есть абсолютная невозможность чего бы то ни было <...> из всех суждений о мире разумно принять лишь одно: мир существует вечно и никем не сотворен» [8, с. 603–604].

3. Автор утверждает это на собственном опыте, в том числе и опыте создания данной статьи. После знакомства с книгой Домбровского далее следует использовать философские словари и энциклопедии, и при необходимости обращаться к приведенным там ссылкам на первоисточники.

4. Здесь и далее английский текст приводится в переводе автора данной статьи.

⁵ Еще в советское время отмечалось: «Отвергая О<бъективизм>, марксизм раскрывает одновременно его апологетическую социальную функцию» в современной буржуазной философии [17, с. 453]. Но сегодня, отвергая учение марксизма-ленинизма, забывают о его справедливой критике буржуазного общества и капиталистической системы.

6. А. И. Домбровский называет Локка «выдающимся английским философом-материалистом» [5, с. 93]. Но в советском философском словаре он только «английский философ-просветитель и политический мыслитель» [17, с. 324]. Говоря об «отцах-основателях» Айн Рэнд имеет в виду, что его политическая философия «нашла отражение в воззрениях идеологов Американской революции 1775–1783 – Франклина, Адамса и Джефферсона» [18, т. 2, с. 450]. Неверно суждение Айн Рэнд об эпистемологии (теории познания) Локка, т.к.: «В „Опыте о человеческом разуме“ Локк изложил целостную систему эмпирической философии, одной из главных задач которой было доказать неосновательность допущения в познании каких-либо умозрительных предпосылок и вместе с тем метафизики, занимающейся трансцендентными проблемами. Он предложил грандиозную модель происхождения всего человеческого

ми». Для этого были свои причины... В 1708 г. после измены гетмана Мазепы часть запорожцев влилась в его войско и сражалась с армией Петра I, а затем ушла в днепровские низовья к Крымскому хану. Поэтому Старая Сечь на острове Чертомлык в 1709 г. была разрушена регулярными войсками, запорожцы объявлены врагами России, а если кого-то из них ловили, то обязаны были повесить. В 1733 г. запорожцы отказались помочь польскому мятежу против русских, и в 1734 г. их официально помиловали, разрешили вернуться к охране российских границ и основать Новую Сечь (но уже на Днестре под Никоподем). Она постепенно превратилась в центр антифеодального движения и была разорена после разгрома Пугачевщины в 1775 г. Тогда многие запорожцы ушли в Турцию – и в устье Дуная основали Сечь Задунайскую, как бы вновь, с точки зрения России, переметнулись к врагу и потому сами стали врагами. Иначе стали воспринимать запорожцев лишь после того, как войско задунайцев во главе с кошевым Осипом Гладким к началу русско-турецкой войны в 1828 г. перешло на российскую сторону, повернув оружие против турок. Подобная перемена отношения к запорожцам и Сечи на рубеже 30-х годов отразилась в стихах Н. - Маркевича [10], в подборе запорожских песен и дум в сборниках И. Срезневского и М. Максимовича – **наряду** с традиционной демонизацией запорожцев (ей по-своему отдал дань в «Вечерах» и Гоголь).

Второй – не менее острый, связанный с первым вопрос о том, как связаны запорожцы и малороссийское Козачество. В «Краткой летописи Малой России с 1506 по 1776 год» рассказано, что «поляки, владеющие Киевом и Малою Россиею» хотели «в работе и подданстве людей малороссийских украинских содержать, которые, не приобыкнув жить в невольничьей службе, избрали себе место пустое около Днепра, ниже порогов Днепровых, на жилье, где в диких полях, упражняясь в звериных и рыбных ловлях, при том Бусурман, на море разбиваючи, укрощали, называясь Козаками от древних Козаров, рода славено-российского, при Кагане еще служивших в походах на Грецию <...> Король Жигмунт I» (Сигизмунд I), в ответ на разорение Малой России татарским ханом, в 1516 г. «собрал охотного войска как поляков, так и козаков многое число, которые заво-

евали турецкий Белгород и возвращаясь с корыстями, как на них напали турки и татары, хотя отнять корысти, то они и тех нападших на себя победили, и от того времени не только козаки, но и поляки назывались козаками, аки бы вольными бесплатежными воинами. От того ж времени козаки малороссийские, чрез храбрость и силу, отменную и повсюду гремящую славу приобрели, воюя часто с турками, и в тех войнах к алчбе и жажде, к морозу и зною приобькли.

Каким же порядком и ныне еще живут, какое у них оружие и пища, о сем всякому известно быть может, да они ж в праздности жить никогда не любят, и для малой славы великую нужду принимают, и море переплывать отваживаются, и в лотках подьежая под турецкие города и разоряя оные, с корыстями в дома возвращаются, и для... военных дел их за честь вменяли из высоких польских фамилий быть у них Гетманами...» [7, с. 4–6].

Итак, если верить «Летописи...», козаками стали украинцы, бежавшие от польской «неволи» за пороги Днепра, «в дикие поля» (степи), они же «разбивали» басурманов (мусульман) на море. Намечены их исторические связи с хазарами и Хазарским каганатом, в начале X в. занимавшим часть Северного Кавказа, Крыма, Приазовья и Приднепровья. Козаки и запорожцы ничем не различаются: у них общие «древнее имя», происхождение, занятия.

Потом многие отечественные историки также представляли козаков основой всего народа, не отделяя от них Запорожской Сечи, – в отличие от западноевропейских авторов, в основном прославлявших запорожцев как лучшую и коренную часть козаков. Так, французский историк и дипломат Ж. Б. Шерер, восхищаясь тем, что именно запорожцы долгое время спасали и себя, и Европу от «наступления полумесяца», видел у «граждан этой республики» (Сечи) спартанское воспитание, постоянную готовность к бою, как у римлян; они всегда отважно защищали свой край и не зарились на чужие земли [15, с. 4].

Версию, иначе объяснявшую все прежние, выдвинул Н. М. Карамзин. В т. V «Истории государства Российского» (1813) происхождение козаков он возводил к племенам «Торков и Берендеев», обитавших с дохристианских времен «на берегах Днепра, ниже Киева» (где потом жили козаки). Те «назывались *Черкасами*: Ко-

На этом фоне даже человеку с высшим образованием нелегко найти в философских изданиях и публикациях нравственные и моральные ориентиры для руководства в своей жизни и деятельности. Этот вакуум и будут заполнять издания, пропагандирующие лжеучения и лже-философии, подобные «учению» Айн Рэнд, а зачастую, еще вреднее и опаснее для общества. Крайними примерами этого являются, например, сайентология, различные «религиозные» сектантские учения, и даже «сатанистские». Недаром Айн Рэнд заявляла, что за умы «битва ведется на поле этики и философии». Нынешний откат в «средневековье» можно объяснить тем, что сегодня российские философы пока остаются в долгу перед обществом, не сумев сформулировать ясные философские положения, адекватные современным задачам развития российского государства и способствующие моральному и нравственному прогрессу общества. Современные научно-популярные книги, подобные «Рассказам о философах», которые продолжали бы работу А.И. Домбровского, ориентировали читающую публику, служили образовательным пособием, особенно для молодого поколения, сегодня отсутствуют. Философия не может изменить массовое сознание людей, но она может воздействовать на их разум. Как утверждал классик, идеи философов могут овладевать массами, становиться реальной силой.

Но идеи могут быть и ошибочными, и вредоносными, и кононавистическими. В таких случаях они приносят много горя и бед, пока следующие им люди поймут, что их в очередной раз обманули.

Книга А.И. Домбровского «Рассказы о философах» и сегодня помогает в выборе правильного миропонимания, основанного на реализме и вере в науку. Она указывает направление, по которому тысячелетиями шла философская мысль и развивалась культура, и ясно указывает ложные отклонения от этого пути.

Примечания

1. Селиванов Федор Андреевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Тюменского государственного института искусств и культуры, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России.

обосновывающей расовое превосходство и право на уничтожение «недочеловеков». А «философия» Айн Рэнд есть «научное обоснование» американского капитализма как «высшего достижения разума», с правом решать глобальные проблемы политики и экономики с позиции силы. Фактически сущность этой «философии» в США была выражена еще в начале XIX века: «Пусть наша страна всегда будет правой в своих отношениях с другими. В любом случае это – наша страна, права она или не права». В конце XIX века другой патриот США высказался в этом плане более разумно: «Права она или нет, это моя страна. Если она права, мы поддержим ее в этой правоте, если не права – надо ее поправить» [22].

Но как показывает современная действительность, и в политике, и в философии «патриоты США и американского капитализма» типа Айн Рэнд априори считают себя правыми во всех вопросах, в том числе в общественных науках и философии. Но разумно ли российскому обществу, российской общественной мысли бездумно прививать на свою почву американскую «идеологию» и «философию»? Является ли для России главной целью развития уподобиться Америке, стать «второй Америкой»?

С началом перестройки, распадом СССР и «развитием демократии» в культурное и общественно-политическое пространство российского общества стали без официального противодействия проникать самые разнообразные секты, «учения», религии и т.п. Каждая как правило имеет свою «философию» или «идеологию». Стали издаваться книги, как художественные, так и «философские» и других жанров, которые раньше по тем или иным причинам, в СССР не издавались. Марксистско-ленинская философия и идеология утратили свое монопольное значение, компартия перестала быть руководящей для общества. Возросло влияние основных религий – православной, мусульманской и других, тоже несущих свою философию и идеологию.

Однако противодействия и критики «учений» Айн Рэнд и многих подобных, как правило, выступающих со «своей философией», со стороны философского сообщества, в том числе российского, явно недостаточно. Их вредоносность в «борьбе за умы», особенно незрелой молодежи, явно недооценивается.

заки также» – согласно официальным актам и документам Русского государства во 2-й пол. XVI – 1-й пол. XVII веков. Эти и другие доказательства позволили автору сделать вывод, что «Торки и Берендеи, называясь *Черкасами*, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем *Козаков* составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, и снискали особенное покровительство» Государей Польских; а запорожцы всегда «были частью Малороссийских» козаков, и потому «сочинения о *Козаках Запорожских* <...> в 948 году» – просто «басни» [6].

Итак, по мысли историка, козаки произошли от полуазиатских разбойничьих племен (все тогда знали, что *черкесы* разбойники), обитавших в Древней Руси близ Киева, принявших Православие, почти русских, а потом уже совсем с ними «смешавшихся». Затем они образовали Христианскую Республику в «опустошенных татарами местах», защищали Литву и Польшу, за что польские короли преобразовали их войско. А запорожцы были теми же козаками – но *холостами*, более жестокими, не знавшими занятий «кроме войны и грабежа». Так обнаруживается цель автора: показать козаков не совсем русскими и не совсем разбойниками, в их массе «растворив» запорожцев. И тогда «азиатское» в них объясняется просто: «разбойничья кровь!» – На том же будут основываться писатели, изображая козаков разбойниками.

Позднее авторы брали одну из приведенных версий происхождения и названия козаков или предлагали свою – обычно «философическую», объединявшую несколько вариантов. В известном Гоголю-гимназисту сочинении «Малороссийская деревня» (1827) пре-

подаватель Нежинской гимназии высших наук И. Г. Кулжинский писал о «том незабвенном в летописях времени, когда козаки, основав из себя народ независимый и гордый, долго оставались предметом соблазна для честолюбия и спокойствия своих соседей. О происхождении сих могучих сынов брани и раздора можно то же сказать, что говорится о происхождении римлян. Шайка молодых людей, недовольных собою и, может быть, собственным сердцем, удалилась от взоров людей в обширные степи и, основавши там свое общество, страшными воинскими криками дала знать людям о своем существовании» [8]. Здесь козаки объявлены «сынами брани и раздора», но эта «шайка» юношей потом становится «народом» и угрожает соседям. В официозной «Истории Малой России» (Гоголь ее знал) сообщалось: «Козаками назывались все военноположенные в Малой России. Так было и у татар <...> Вообще татары именовали Козаками всех вольных бездомных людей, промышлявших военным ремеслом» [1].

Примечательна точка зрения российского переводчика книги Боплана: «Украина, родная нам и по вере, и по языку, и по происхождению ее обитателей, отторгнута была литовцами от России в бедственные времена татарского владычества и вместе с Литвою в XIV столетии досталась Польше. С сего времени многие россияне, не терпевшие владычества поляков, соединились на берегах Днепра, в южных степях Украины, опустошенных татарами, построили селения, крепости – и под именем казаков с XVI в. прославились в истории удалством редким, невероятным. Рожденные для войны, с молоком матерним всасывая страсть к битвам, ненависть к мусульманам, они долго служили стражами литовским и польским владениям против татар и турков, ежегодно выплывали в Черное море, производили отважные поиски в Крыму, в Малой Азии, даже в окрестностях Константинополя. Воинственная жизнь, зависимость от поляков, непрерывные связи с татарами изменили их обычаи, самый язык, но вера и любовь к Отечеству всегда напоминали им, что они – сыны России. Так, еще в первую, счастливую эпоху царствования Иоанна Грозного, любимый вождь их, князь Дмитрий Вишневецкий, пылая ревностью служить под знаменами древнего своего Отечества, предлагал Иоанну все южные днепровские об-

лософских» опусах. Подробный анализ художественных произведений Айн Рэнд требует отдельного рассмотрения. Фактом же является то, что «философия» Айн Рэнд приводит ее к человеконенавистническим утопическим идеям устройства общества и их основная цель – апология американского капитализма и его «верховного права» в мире.

В то же время «идеализм» Айн Рэнд носит иной характер, нежели классический «субъективный идеализм», присущий философам, признающим существующим только свое сознание [5, с. 214]. Но это и не «объективный идеализм», не отрицающий материальное, но полагающий, что имеется «духовное первоначало» [17, с. 197]. «Философия» Айн Рэнд имеет дело с идеализированным миром, существующим только в ее сознании, и на страницах ее утопических произведений. В этом и заключается ее «идеализм», который близок к тому понятию, что употребляется в обыденном языке, а в «философском смысле идеализм в этической области означает отрицание обусловленности морального сознания общественным бытием и признание его первичности» [17, с. 197]. Идеализм Айн Рэнд заключается в том, что она подобно философам-утопистам, в том числе и сторонникам коммунистического учения, полагала, что общество изменится «к лучшему», если примет ее «философию». На этом пути потерпел крах марксизм-ленинизм, пытавшийся воспитать «сознательных строителей коммунизма» своим учением, а не реальным изменением «бытия».

Исторические события, произошедшие после распада СССР и доминирования США в решении международных проблем, привели мир к большим военным конфликтам, невиданному разгулу терроризма, нестабильности и хаосу. При этом характерно, что многие лица в руководстве США относят себя к поклонникам «учения» Айн Рэнд. Последствия политики США, опирающейся на это лжеучение, судя по последним событиям в мире, уже давно ощущают основные слои мирового сообщества, и возникает противодействие этой политике в таких странах, как Китай, Индия, Россия и др.

К чему это может привести, мы видели в XX столетии: превращение Германии в государство с фашистской идеологией, «научно»

рали рабов“» [18, т.1, с. 91]. Как отмечает Домбровский: «И такова особенность идеализма: он способен рядиться в различные одежды, он многолик. <...> Фашистские идеологи ссылались в своих проповедях на Ницше» [5, с. 212–213].

Но ведь Айн Рэнд выступает с атеистических, и вроде бы материалистических позиций, в чем же тогда заключается ее идеализм? Конкретного ответа на этот вопрос мы не найдем у Домбровского, в таких случаях следует обращаться к научным философским изданиям. В советском источнике отмечалось: «Современные философы-идеалисты редко признают свою принадлежность к идеалистическому лагерю» [17, с. 197].

В настоящее время российская философская школа, используя советский опыт, находится в «условиях идеологической раскованности» [18, т. 1, с. 5]. Соответственно, с учетом современного состояния науки в статье об идеализме отмечается: «Однако вопрос о том, как обосновать существование мира вне нас, остается открытым и в современной философии». Неудивительно, что в итоге заключается, что «выбор между субъективным идеализмом и реализмом (под которым понимается объективный идеализм и материализм), подобен выбору между религией и атеизмом, т. е. определяется личной верой, а не научным доказательством» [18, т.2, с. 74].

Материализм считал, что сознание, как и разум «есть свойство высокоорганизованной материи» [5, с. 214], т. е. «материя первична». Объективный идеализм полагает, что сознание первично, т. е. оно существовало до возникновения «материи» или вместе с «материей». Этот вопрос уже затрагивался выше. Общим для этих философских принципов является признание объективности факта существования материи. В этом смысле Айн Рэнд является приверженцем материализма, и это признает, хотя ее «учение» противоречиво и нелогично.

Художественные произведения Айн Рэнд относят к жанру социальной утопии, социальной фантастики, и они, по мнению самой писательницы, служат выражением, устами персонажей, ее основных философских идей. Например, такова речь Галта в романе «Атлант расправляет плечи», к которой она часто апеллирует в своих «фи-

ласти. Обстоятельства не позволили привести в исполнение сию великую мысль, и Казаки Украинские в смуты Самозванцев явились если не врагами России, по крайней мере – своевольными хищниками; эту вину они загладили, избавив в пол. XVII в. Малороссию от власти иноплеменников и возвратив Отечеству древнее достоинство оного. Никогда история Малороссии не была так любопытна, как в первой половине XVII в., когда Богдан Хмельницкий готовился ударить челом Русскому Государю: в это время казаки явили доблесть героев» [2, VI–VII].

Сам Боплан описывал козаков, в первую очередь, как *запорожцев*, «искусных во всех ремеслах, необходимых для общежития: плотников для постройки домов и лодок, тележников, кузнецов, ружейников, кожевников, сапожников, бочаров, портных и т.д.»; они «весьма искусны в добывании селитры, которою изобилует Украина, и в приготовлении пушечного пороха <...> Все казаки умеют пахать, сеять, жать, косить, печь хлебы, готовить яства, варить пиво, мед и брагу, гнать водку и проч. <...> Впрочем, справедливо и то, что они вообще способны ко всем искусствам, хотя некоторые из них опытнее в одном, чем в другом. Встречаются также между ими люди с познаниями высшими, нежели каких можно было бы ожидать от простолюдинов. Одним словом, казаки имеют довольно ума, но заботятся только о полезном и необходимом, особенно о вещах, которые нужны для сельского хозяйства.

Плодородная земля доставляет им хлеб в таком изобилии, что они часто не знают, куда девать оный...»; а «в мирное время охота и рыбная ловля составляют главное занятие казаков». У них русская – «греческая вера», и они соблюдают посты, обходясь без мяса, но никогда – без напитков! Все они «без различия пола, возраста и состояния, стараются превзойти друг друга в пьянстве и бражничестве, и едва ли найдутся во всей Христианской Европе такие беззаботные головы, как казацкие <...> нет на свете народа, который мог бы сравниться с казаками в пьянстве: не успеют пропаться и вновь уже напиваются... в досужее время», – зато в походе или на каком-то предприятии они трезвы. «Соединяя с умом, хитрым и острым, щедрость и бескорыстие, казаки страстно любят свободу, смерть предпочитают рабству и для защищения неза-

висимости часто восстают против притеснителей своих – поляков: на Украине не проходит семи или осьми лет без бунта. Впрочем, коварны и вероломны, а потому осторожность с ними необходима; телосложения крепкого, легко переносят холод и голод, зной и жажду; в войне неутомимы, отважны, храбры или, лучше сказать, дерзки и мало дорожат своею жизнью. Метко стреляя из пищалей, обыкновенного своего оружия, казаки наиболее показывают храбрость и проворство в *таборе*, огороженные телегами, или при обороне крепостей <...> сотня их в *таборе* не побоится ни тысячи ляхов, ни нескольких тысяч татар. Если бы конные казаки имели такое же мужество, как пешие, то были бы, по мнению моему, непобедимы. Одаренные от природы силою и ростом видным, они любят пощеголять, но только тогда, когда возвращаются с добычею, отнятою у врагов, обыкновенно же носят одежду простую»; все они «пользуются крепким здоровьем <...> Немногие из них умирают на постели и в глубокой старости: большая часть оставляет свои головы на поле чести» [2, с. 5–8, 10].

Эти наблюдения и рассуждения были краеугольным камнем при рассмотрении истории Малороссии, основывался на них и Гоголь. Описанные Бопланом черты характера и жизни козаков (отвага, мужество, предприимчивость, пьянство в быту, но трезвость в походе, защита *табором* и под.) стали важнейшими в структуре художественных и художественно-публицистических козацких образов у Гоголя. Он и доверял этим сведениям очевидца, и переосмысливал, и/или по-другому истолковывал их. Так, в черновых набросках писатель резюмирует приведенные выше наблюдения Боплана: «Этот народ не имел строгой расчетливости и размера на всю жизнь, следствие местоположения, беспечность, равнодушие к богатству и неуверенность в нем. Часто всё, накопленное трудами, обращало <сь> в одну праздничную попойку, в увеселение и забвение на одну минуту.

<Отсюда идет> Особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам <...> Улица делается всеобщим собранием <...>

Всё, что до наслажденья относилось, всё это имел народ. Он в этом не отказывал себе никогда. Разнообразие разных блюд, совершенно... отличных в разные времена года, в разных случаях»

питализма – альтруистическая мораль. До тех пор пока людям внушают, что нравственность требует жертвовать собой, продолжительное существование капитализма невозможно. Счастливое, успешное, процветающее общество не может стоять на этических нормах, которые диктуются нищетой, самопожертвованием и самоограничениями и их же поддерживают. Этот конфликт уничтожает цивилизацию. А бизнесмены, создатели материального благополучия⁷, неизбежно становятся его первыми беспомощными жертвами» [20].

Особую ненависть и неприятие у Айн Рэнд вызывают традиционные понятия и ценности, выработанные человеческим обществом за долгий путь своего развития: альтруизм, гуманизм, коллективизм, социализм и др. Им она противопоставляет свой «разумный эгоизм»⁸. Его можно определить словами русских писателей, Ремизова в повести «Крестовые сестры» (1910) и религиозного философа Мережковского, оказавшегося в эмиграции: «человек человеку – бревно».

Все это нетрудно понять, усвоив содержание книги А. Домбровского в качестве не только учебного пособия для подростков, но и современного средства для самообразования в области философских наук. На этой основе и становится понятно, что под одеждами «философии» может скрываться проповедь человеконенавистнических идей, опасность распространения которых до поры до времени может не осознаваться даже в обществе с достаточно высоким культурным и интеллектуальным потенциалом.

Последний очерк Домбровского рассказывает о немецком философе-идеалисте, «идеологе реакционной буржуазии» Фридрихе Ницше (1844–1900). Утверждение о том, что «мир неразумен и хаотичен» привело Ницше к выводам: «Следует покончить с такими моральными предрассудками, как чувство вины, ответственности, сострадания, любви к ближнему, товарищества, жалости. <...> Могущество, сила, способность – вот истинные человеческие ценности» [5, с. 212]. Нетрудно видеть здесь переключку с «разумным эгоизмом» Айн Рэнд – это те же элементы «ницшеанства» в слегка смягченном и завуалированном виде. Еще до Айн Рэнд Ницше «решительно отвергал альтруизм, видя в нем одно из выражений „мо-

Непризнанная в мире научной философии, Айн Рэнд в свою очередь отвергает не только достижения прошлого, но и труды современников. Считая себя решившей все основные философские проблемы, она берется учить обывателя «как жить», политиков – как руководить и действовать, писателей и художников – как творить и т. п. Ее «философия» оказалась востребованной после Второй мировой войны, когда США и ее союзники стали на путь «холодной войны» с СССР на базе идеологии антикоммунизма.

Вот суждения Айн Рэнд (1976) по поводу американской агрессии во Вьетнаме: «Было ли у нас право, согласно нормам правосудия, вторгнуться во Вьетнам? Если страна не признает личные права собственных граждан, она не может притязать ни на какие права в государственном масштабе или на международной арене. Следовательно, любой, кто хочет напасть на диктатуру или полудиктатуру, имеет на это моральное право...» [20].

Нетрудно здесь увидеть перекличку с современными «однополярными» действиями США в отношении других государств. Кстати, Айн Рэнд считала, что США имеет право нападения на СССР, потому что там тоталитаризм и коммунистическая диктатура, а останавливало только то, что противник имел сильную армию и ядерное оружие: «Если мы станем воевать с Россией, я надеюсь, невинные будут уничтожены вместе с виноватыми. Там невинных людей немного, а те, кто есть, живут не в больших городах, а в основном в концентрационных лагерях. Никто не обязан мириться с агрессией и отступаться от своего права на самозащиту из страха кому-то навредить, виновному или невинному» [20].

Еще в 1961 году Айн Рэнд внушала американцам: «И вы сможете спасти мир, не потеряв жизни ни одного американца, потому что все тоталитарные монстры развалятся сами собой. Эта битва ведется на поле этики и философии. Не верьте в силу России, не верьте ее угрозам. Русские обратятся в бегство, как дважды бежали во время войны с Финляндией. Россия побеждает только по недосмотру. Единственное, что может ее остановить, – это крепкая антиальтруистическая американская мораль» [20].

Внутри Америки Айн Рэнд считала богатых людей «наиболее угнетаемым меньшинством» и советовала в 1963 году: «Враг ка-

(VIII, 600). Комментируя похвалу Боплана: «... надобно отдать справедливость украинским девицам. Хотя свобода пить водку и мед могла бы довести до соблазна, но торжественное осмеяние и стыд, коим подвергаются они, потеряв целомудрие, удерживают их от искушения» [2, с. 77], – Гоголь размышляет: «Как просто, как высоко постигнуто это удержимое средство... Человек ничего так не боится, как стыда», – и видит именно в этом причины народной «вольности в обращении» (VIII, 600).

Другой, более важный для нас пример. В гоголевских записях по истории Украины есть примечание к основному тексту, явно вписанное позднее других на чистой странице: «Около порогов водился род диких коз – сугаки, с белыми лоснящимися рогами, с мягкой, атласною шерстью» [5]. – Это краткое переложение рассказа Боплана о «животном, которое по-русски называется сугаком. Величиною оно с козу, ноги имеет весьма тонкие, на голове два рога белые и лоснящиеся, шерсть мягкую, гладкую и нежную, как атлас, когда животное линяет <...> Я пробовал его мясо: вкусом оно не уступает козлятине...» [2, с. 92]. И это «лишнее», немотивированное примечание о водившихся у днепровских порогов «диких козах» (его затем Гоголь ввел в текст исторической статьи), вероятно, следует понимать как указание на то, что слово «козак» все же произошло от «козы».

По Гоголю, в образовании козацкой страны важнейшую роль сыграл географический фактор. Великая Степь породила монгольское хищное нашествие, и оно, разрушив бессильную Древнюю Русь и погрузив в рабство северную и среднюю Россию, дало «происхождение новому славянскому поколению» на юге – в Степи и Приднепровье (VIII, 42). Эти места были оставлены народом, он «столплялся» на однообразно-мрачных болотистых русских равнинах и здесь начал смешиваться с «народами финскими», становясь «бесцветен», как сама природа. А покинутые земли постепенно заселили «выходцы из Польши, Литвы, России» (VIII, 43).

Окончательное отделение Украины и разрыв связей с остальной Россией произошли после завоевания юга «великим язычником» Гедимином, который «ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления...» (VIII, 43-44). То есть

«отчизна славян» – в отличие от самой России, избежав длительного татарского владычества, – сохранила бульшую чистоту и самобытность культуры («...со всеми языческими поверьями, детскими предрассудками, песнями, сказками, славянской мифологией, так простодушно... смешавшейся с христианством». – VIII, 43). Так как Украина не имела никаких естественных пограничных преград (степь да поле) и «никакого сообщения» между своими частями, ей суждено было стать «землей опустошений и набегов», «землей страха». И «потому здесь не мог и возникнуть торговый народ», а возник «народ воинственный... отчаянный, которого вся жизнь... повита и взлелеяна войною»: сюда пришли те, чья «буйная воля не могла терпеть законов и власти...» (VIII, 45–46). А далее показано, как на землях Южной России восточные и западные славяне, черкесы и татары (европейцы и азиаты) объединялись Православной верой и как в них «самопроизвольно» возрождался воинственный *норманнский дух*.

Великая Степь как пространство свободного разгула различных стихий сводит исконное и чужеродное, православие с инославием (католическим, исламским, языческим), родовое с индивидуальным, и это дает начало новому народу, что «составляется» из «пестрого сборища самых отчаянных людей пограничных наций», где не только россияне, поляки, литовцы, но и «дикий горец», и «беглец исламизма татарин» (VIII, 47). И «эта толпа... составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо – превративший мирные славянские поколения в воинственные... одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу» (VIII, 46).

Собственно, пафос статьи – принципиальное историко-географическое различие двух родственных славянских народов. Так, в рукописном отрывке <Размышления Мазепы> Гоголь отчетливо говорил о «самобытном государстве», принадлежавшем «народу, так отличному от русских, дышавшему вольностью и лихим козачеством, хотевшему пожить своею жизнью» (IX, 84). М. А. Максимович – отчасти вслед за Карамзиным – объяснял различие тем, что в Малороссии народную

В каком-то смысле есть лишь один философ – Аристотель. Иногда он ошибался – непогрешимых людей не бывает, – но охватил все принципиально важное. Некоторые менее значимые истины были открыты менее крупными философами. Например, Джон Локк высказал определенные ценные соображения о политике, опираясь на Аристотеля. Он был учителем „отцов-основателей“. Но только в политике; в метафизике и эпистемологии Локк был сущим бедствием. Он отошел от Аристотеля и отрицал, что мы можем воспринимать реальность⁶. Этим он открыл дорогу множеству проблем, созданных стараниями современных философов. <...> Итак, пусть будет три „А“: Аристотель, Аквинский и Айн Рэнд» [20].

Если обратиться к очерку Домбровского «Спор (Джон Локк и Готфрид Лейбниц)» [5, с. 102-111], то мы убедимся, что это Лейбниц относился к метафизикам, а Локк выступал в споре с ним с позиций, близких материализму. Мы убеждаемся, что познания дамы, называющей себя «философом», и претендующей на свою «философию», не отвечают в этой области даже содержанию популярного очерка.

Заметим, что Фома Аквинский (1225/1226–1274) – средневековый теолог и философ, один из крупнейших представителей схоластики XIII века. Он приспособил учение Аристотеля, в частности о душе и Боге, к религиозным потребностям своего времени и среды. В 1879 его учение было признано официальной философской доктриной католицизма (Энциклика Льва XIII «Этерни патрис») [13]. Что могла у него и Аристотеля позаимствовать атеистка Айн Рэнд, это разве что запутанные рассуждения обо всем на свете. Но у Фомы все «доказательства» основаны на существовании Бога. Поэтому, скорее всего писательнице приглянулись некоторые его определения, например «истина есть соответствие предмета и представления».

В другом месте писательница утверждала: «Из существовавших философов, мысли которых переполнены мистическими противоречиями, я обязана только Аристотелю. Ничья иная философия не соответствовала моим идеям полностью, и мне пришлось создать собственную, чтобы мои персонажи и мои идеи стали понятны читателю» [20].

щему осознать закон тождества или придать ему понятийное выражение. Но имплицитно он всегда был в нашем сознании» [20].

«Имплицитный» в переводе с английского означает «подразумеваемый, невыраженный». Разум и чувства есть часть человеческого сознания, которое во времена Аристотеля понималось как душа. Диалектико-материалистическая традиция анализа «рассматривала С<ознание> как функцию мозга, как отражение объективного мира, необходимый компонент предметно-практической деятельности человека» [13]. В рассуждениях Айн Рэнд содержится только «каша» из декартовских «врожденных идей» и эмпиризма английского философа-материалиста Джона Локка (1632–1704), считавшего, что «опыт чувств – источник всех человеческих знаний; в человеческом разуме не содержится ничего такого, чего не было бы прежде в чувственном опыте; в чувствах нам открываются качества вещей» [5, с. 93].

Не обсуждая здесь современное философское представление о сознании, душе, познании и истине, отметим, что Айн Рэнд со своей «философией обывателя» далека от научных споров об этих вещах, проблем и поисков исследователей. Поэтому и отсутствует ее имя даже в новейших философских словарях, и в ученом мире никто ее философом не считает. Айн Рэнд задавали (не без юмора) вопрос: «Кроме Аристотеля и Айн Рэнд есть ли еще философы, открывшие значимые философские истины?».

Но юмор напрочь отсутствует как в «философских трудах», так и в литературных произведениях писательницы. Как говорится, ничтоже сумняшеся, она заявляла: «Да, Фома Аквинский. Он вернул Европе философию Аристотеля в конце эпохи Средневековья. Это был интеллектуальный отец Ренессанса. Его главное достижение – прояснение и развитие многих идей Аристотеля. <...> Он писал о философии и религии и пытался примирить одну с другой. Это высвободило философию из рамок религии, и временами философия, разумеется, побеждала, ведь он был последователем Аристотеля, т.е. поборником разума. Он не был мистиком, но ценностью с нашей точки зрения обладает лишь одна половина его трудов – светская, аристотелевская. Его религиозные трактаты – ошибка или надувательство, точно не знаю.

«массу.. составили не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется, азиатцы. Недовольство и отчасти угнетение свели их в одно место, а желание хотя скудной независимости, мстительная жажда набегов и какое-то рыцарство сдружили их. Отвага в набеггах, буйная забывчивость в веселье и беспечная лень в мире – это черты диких азиатцев – жителей Кавказа, коих невольно вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в его костюме, с его привычками. ...коренное племя получило совсем отличный характер, облагороженный и возвышенный Богданом Хмельницким» [9].

По мысли Гоголя, Степь и соответствующая свобода проявления евроазиатских начал формируют на Украине особый славянский характер, что отличается от великорусского «яркостью», энтузиазмом, воинственностью. Именно козаки как наследники древнерусского государства, заслонившего Европу от монголов, спасают ее от нашествия «магометанского». Это можно соотнести с историческими размышлениями А. С. Пушкина в наброске статьи «О ничтожестве литературы русской» (1834): «России определено было высокое назначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы: варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработченную Русь... Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...» (Примечание Пушкина: «А не Польшею, как еще недавно утверждали европ.<ейские> журналы: но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и не благодарна») [13].

Единство козаков – этих самоотверженных, «безбрачных, суровых... железных поборников веры Христовой» определяет религиозный «энтузиазм» (VIII, 46). Но, в отличие от средневековых католических рыцарей или исконных их врагов – мусульман, представителям воинствующего православия вообще чужд религиозный аскетизм: будучи «неукротимы, как их днепровские пороги», они не знают воздержания, обетов, постов... Это христианско-республиканское юношеское «братство... разбойничьих шаек», когда все «общее – вино, цехины, жилища», живет «азиатским буйным наслаждением» набега, а после него козаки впадают в «беспечность» языческих «неистовых пиршеств и бражничества» (VIII, 48). – Но

«пьянство, излишество в пище и питии» христианство считает признаком языческого «распутства» (1-е Петра 4:3), да и в народной культуре порождения земли – золото и зелье («горелка», табак) – обычно понимаются как бесовские [3].

Изображая жизнь козаков, Гоголь использует ассоциации с библейским Адамом (его имя означало ‘взятый из земли’): их укрытия – «землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах»; козак кажется «страшилищем бегущему татарину», вылезая «внезапно из реки или болота, обвешанный тиной и грязью...» (VIII, 47-48; в черновой ред. было сравнение козака с «подземным гномом» – «духом земли» в европейской мифологии). О том же говорят и прямые природные уподобления: «гнездо этих хищников», «неукротимы, как... пороги», «с быстротою тигра» – и скрытое сравнение с лесными «шайками медведей и диких кабанов». Такие же уподобления в статье Гоголя «О движении народов в конце V века» (1834) характеризовали древних германцев: «Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звуке ее, как молодые, исполненные отваги тигры»; они тоже использовали «пещеры для первоначальных... жилищ или сохранения сокровищ» (VIII, 119, 120). Сопоставимы и вольнолюбие воинов, и неукротимость их в бою — наряду с беспечностью и «бесчувственной ленью» в домашней жизни, – и страсть к пиршествам.

При этом вольное христианско-республиканское «братство» козаков явно соотносится с древнерусской «вечевой республикой», а их «азиатские набеги» похожи и на половецкие, и на походы князей против половцев – как в «Слове о полку Игореве»: оно с момента публикации в начале XIX в. оказало воздействие на русскую литературу [см.: 12]. Так, А. С. Пушкин знал и высоко ценил «Слово...», цитаты оттуда М. А. Максимович сделал эпиграфами к разделам сборника украинских народных песен (1834). О древнерусской воинской повести напоминает и фольклорная метафора статьи Гоголя («...земля эта... уважена костями, утучнена кровью». – VIII, 45). В «Слове о полку Игореве» Великая Степь представляла «землей незнаемой», неким запретно-чуждым пространством, об опасности которого сама природа как бы предупреждала солнечным затмением и где стихийные силы губили нарушивших запрет. Столь

зума», правильными предсказаниями на их основе и т.п., как это принято в науке [5, с. 66]. Вот ее объяснение: «Понятие доказательства истинности основывается на понятии разума и из него вытекает. Вне разума доказательств не существует. <...> Сначала дадим определение разума. Разум с неизбежностью опирается на информацию, которой снабжают нас органы чувств, на то, что мы воспринимаем, – не на данные наших органов восприятия или чувства, а на результаты перцепции (данные органов чувств, автоматически интегрированные умом или мозгом). С этого начинается человеческое знание. Это следует считать самоочевидным, поскольку таково содержимое нашего сознания, а о сознании нельзя вести речь, не установив как факт, что оно начинается с восприятия сущностей материального мира вне нас. Теперь необходимо установить, что такое разум. Наш разум занят конструированием абстрактных понятий с помощью конкретных и абсолютных определений, выделяя из воспринятого материала то, что видится нам общего в неких сущностях или же их отличает» [20].

Мы видим, что никакого определения разума не дается, а появляется суждение о сознании, которое якобы «начинается с восприятия сущностей материального мира вне нас», и есть не что иное, как материалистическое понятие «бытие определяет сознание». Добавим, что Айн Рэнд является атеисткой, что мы не считаем «отягчающим обстоятельством», но это во многом объясняет ее «философию». Далее она продолжает: «Понятие доказательства истинности стоит в иерархической зависимости от понятий разума, аксиомы и свидетельства. Доказать, что нечто является истинным, – значит логическим путем пройти по нисходящей до базовой аксиомы или отправной точки восприятия. (Подробности ищите в моих работах и у Аристотеля.) „Подтверждение обоснованности выводов разума“ или „доказательство законов логики“ – это внутренне противоречивые понятия. Разум и логика есть то, что позволяет нам доказать что-либо; они первичны. Законов логики не доказывают, они имплицитны вашему чувственному опыту. Закон тождества вы воспринимаете вместе с первым проблеском света. Конечно, потребуется еще много перцептивных и концептуальных знаний, чтобы годам к двенадцати-пятнадцати мы могли по-настоя-

единственное орудие познания и единственное руководство к действию, а главная цель человека в жизни – добиваться личного счастья, не жертвуя собой ради других. Личное благополучие она ставит превыше интересов государства. Разумный эгоизм для нее – источник прогресса человечества. А капитализм – высшее достижение людского разума» [19].

Уже отсюда можно заключить, что «ценность» Айн Рэнд состоит именно в апологетической проповеди⁵ «идеалов» американского общества, в котором она оказалась в 1925 году, эмигрировав из России. В советское время о существовании Айн Рэнд мы не знали, ее книг в СССР не издавали. Они понадобились теперь, чтобы эти «идеалы» и эту «философию доступную и понятную для простого обывателя» прививать в постсоветском обществе в России, Украине, по всему миру. По замыслу популяризаторов, это «учение» должно заменить «марксистско-ленинскую философию», и заодно, как ни странно, православные религиозные идеалы. Нетрудно показать, обладая знаниями в объеме книги Домбровского «Рассказы о философах», несостоятельность этой суррогатной «популярной философии».

Например, утверждение, что «разум – единственное орудие познания и единственное руководство к действию» явно не соответствует современным научным представлениям.

Достаточно обратиться к рассказу Домбровского о философе Декарте (1596–1650), чтобы убедиться, что в этом тезисе нет ничего нового: «По мнению Декарта, основным орудием получения и проверки научных знаний является деятельность разума, а эта последняя становится возможной потому, что разуму от рождения даны определенные понятия, идеи (так называемые врожденные идеи). На их основе человек и упорядочивает данные, которые ему доставляют органы чувств. <...> Только разум может удостоверить истину» [5, с. 77–78, 81].

А вот как Айн Рэнд отвечает на вполне философский вопрос «Как с помощью разума доказать, что выводы разума обоснованны?». Она не знает, как еще Ф. Бэкон (1561–1626) утверждал, что «лучшим доказательством <истины> является опыт» в сочетании с экспериментами, логической непротиворечивостью «выводов ра-

же стихийно и решение князя Игоря достигнуть «земли незнаемой». Его поход, замышлявшийся как богатырский подвиг, предстает неразумным, во многом «слепым», ибо, возвышая героя, противопоставляет его другим князьям, нарушает договоры с половцами, а затем разрушает мир и согласие на Руси, угрожая целостности государства. Степь здесь – неведомое, чуждое, губительное пространство стихий и одновременно простор, манящий испытать себя, свои силы, безоглядно освободить желания, дающий «волю» (и – понятно – своеволие!), что обнажает богатство или пустоту души и тем отторгает личность от общества. Причем сам амбивалентный пространственный образ Степи тогда был ориентирован на Азию, на иноязычный, иноверческий, чудесно-демонический Восток. И потому традиционные черты этого образа переосмысливаются автором в «Отрывке из Истории Малороссии».

Степное – вот главное для Гоголя в Козачестве! Это стихийное, «евразийское», исходящее из противоположных начал, обычно непримиримых и в то же время генетически присущих европейцам. Ведь, как показано в статье «О движении народов...», фундамент новой, христианской Европы закладывает не только само противостояние почти оседлого земледельческого населения волнам варваров и азиатских кочевников из Великой степи – готов и гуннов, но и постоянная вынужденная ассимиляция и гуманизация варваров. По мысли Гоголя, эти тенденции действуют и на другом краю Европы в иное время, когда развитие азиатской языческой экспансии ведет к появлению противостоящего ей Козачества, сохраняющего традиции коренной европейской вольности и природной «греческой религии» в то время, когда гибнет Византия.

Соединяя европейское и азиатское, оседлое и кочевое, воинственное и мирное, земледельческое («саблю и плуг»), козаки противостояли, в первую очередь, «магометанству» и католичеству, роскоши, привитой арабами (мусульманами) европейской цивилизации. Так «составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, – народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие

и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию – и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование» (VIII, 49).

Эту характеристику поясняют следующие положения статьи «Мысли о географии». Азия – это «колыбель... младенчество» человечества, «где все так велико и обширно, где люди так важны, так холодны с вида и вдруг кипят неукротимыми страстями: при детском уме своем думают, что они умнее всех; где все гордость и рабство; где все одевается и вооружается легко и свободно, все наездничает; где турок рад просидеть целый век, поджав ноги и куря кальян свой, и где бедуин как вихорь мчится по пустыне; где вера переходит в фанатизм, и вся страна – страна вероисповеданий, разлившихся отсюда по всему миру», – а Европа, согласно этому «возрастному» взгляду, представляет полное развитие и «зрелость ума» человека. В 1-й ред. статьи было отчетливее: по «возрасту» и значению «первое место должна занимать Азия, как колыбель человечества; второе Африка, как жаркое юношество; третье Европа – зрелость и мужество; четвертое Америка» (VIII, 101).

Столкновение противоречивых начал (христианских и явно не христианских, по сути, демонических) как бы само порождает чудесное, связанное с Божьим Промыслом и «чудесными» средними веками, когда образуется Козачество (его, как позднее скажет Гоголь, «вышибло из народной груди огниво бед»). – II, 46), с апокалипсическим разрушением мира и столь же естественным противостоянием человека дьявольскому разрушению: козацкий городок, стертый татарами «до основания», «как будто чудом, строился вновь <...> Казалось, существование этого народа было вечно» (VIII, 48). Чудесное присуще и народному сознанию, в котором «простоудшно» смешались языческая «славянская мифология... с христианством», возвышенный религиозный энтузиазм и явно «земная», языческая чувственность.

Еще одно противоречие – назовем его этическим – в отношении козаков к женщине и семье. Похищать «татарских жен и дочерей» в жены, как это делали «разгульные холостяки», явно не похристиански (вероятно, влияли традиции «удалых выходцев» с «Кавказа»), то есть черкесов, им «приписывают» основание Черкас, «где

изма и являющегося интеллектуальным обоснованием капиталистических ценностей в противовес популярному в годы её активной писательской деятельности (1936–1982) социализму».

Прочитав эти характеристики, естественно обратиться к философскому словарю, т.к. в статье об Айн Рэнд в Википедии какие-либо ссылки на научную философскую литературу отсутствуют. Например, в использованном нами выше весьма объемном научном «Новейшем философском словаре» [13], ни Айн Рэнд, ни статьи об «объективизме Айн Рэнд» не обнаруживаем.

Хотя об объективизме можно было прочитать еще в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1897) [14–15, с. 636], в советских философских изданиях утверждается, что понятие объективизма было разработано Лениным «в борьбе против взглядов» противников марксизма: «Ленин употребляет термин объективизм в положительном смысле, подчеркивая противоположность диалектического материализма субъективизму» [16, т. 4, с. 125]. Ленин подчёркивал, что марксист «... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость» (ПСС, т. 1, с. 418) [17, с. 453]. В современных философских изданиях [13, 18] статьи об объективизме вообще отсутствуют.

Судя по всему, Айн Рэнд, ее ученикам и популяризаторам это или неизвестно, или игнорируется, и в Википедии есть большая статья только об «объективизме Айн Рэнд». И подобно Ленину, они тоже претендуют на «свой объективизм». Т.о. имеются все признаки «учения», к философии как науке не имеющего отношения. В аннотации к книге «Объективизм: философия Айн Рэнд» Леонарда Пейкоффа, ученика и последователя Айн Рэнд утверждается: «Объективизм, известный теперь во всем мире, пользуется особенной популярностью на своей родине, в Америке. Во многом потому, что Айн Рэнд впервые сделала философию доступной и понятной для простого обывателя, связав сложнейшие идеи с реальной жизнью (курсив – В. М.). Айн Рэнд абсолютно чужды идеи коллективизма и жертвенности, она проповедует, что разум –

Таким образом, рассмотренные издания демонстрируют и в этом случае различный подход к жанру «рассказов о философах». Но если книгу Селиванова нельзя рассматривать как популярное изложение истории философии, то книги Домбровского и Коэна к этому жанру относятся. Разница в том, что Домбровский должен был придерживаться классического и объективного взгляда на историю философии в рамках тогдашней идеологии. Кроме того, его книга первоначально предназначалась для читательской подростковой аудитории 14–17 лет. Со временем оказалось, что она также интересна и полезна взрослому читателю.

Мартин Коэн был свободен от этих ограничений, его книга адресована взрослой и более продвинутой аудитории читателей. Она во многом отражает субъективные взгляды и интересы автора. Он стремится по-новому популярно осветить историю философии, не ограничивая себя партийными или идеологическими рамками. Например, у него есть приложение «Женщины в философии и почему их немного?». Действительно, например, в книгах Домбровского и Селиванова нет рассказов о женщинах-философах, внесших вклад в историю этой науки.

Мартин Коэн считает это несправедливым и приводит впечатляющий перечень умных и мудрых женщин, имевших отношение к философии и философам, начиная от Древней Греции и до конца XIX века. Поскольку Коэн излагает субъективный и альтернативный взгляд на историю философии, вопрос о том, какой объективный вклад внесли эти женщины в развитие философии, остается у него без ответа.

Однако женщины, претендующие на вклад в философию, были и в XX веке. В контексте этой тематики представляет интерес, может ли книга Домбровского помочь в оценке новоявленных «философских» учений, которым была открыта «зеленая улица» на постсоветском пространстве. Одним из таких «философов» является американская писательница Айн Рэнд (1905–1982), активно популяризируемая некоторыми «почитателями» в России и Украине в последние десятилетия. Из Википедии можно узнать, что она «философ, создательница философского направления объективизма, основанного на принципах разума, индивидуализма, разумного эго-

было главное сборище и местопребывание козаков...» – VIII, 47, 49). Далее, как сказано в статье «О малороссийских песнях», ни мать, ни жена, «ничто не в силах удержать» козака дома: «Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей» (VIII, 91). Поэтому есть две «половины жизни народа»: суровый ратно-кочевой мир «гульливых рыцарей набегов» и оседлый «женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовью» (VIII, 91–92). Противоречие сохраняется, пока для козаков «узы этого братства... выше всего, сильнее любви» (VIII, 91), хотя семья – это «уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6).

Таким образом, история Козачества соединила старое и новое, восточное и западное, кочевое и оседлое, чудесное и обычное, Божественное и дьявольское. Этому способствовали противоречивые историко-географические (в современном понимании – геополитические), а также экономические (отсутствие торговых связей, уничтожение труда земледельца) и этические факторы, религиозные идеалы. Но для Максимовича, Срезневского и Гоголя единственной **настоящей историей** Козачества – «живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописью», заключившей в себе «дух... изображаемого народа» (VIII, 91–92), – были только народные песни.

Основанием для таких утверждений, видимо, был тезис Гердера о том, что народные песни воплощают «дух нации» [14], а потому без них невозможно создать поэтическую историю. В письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. Гоголь восклицал: «Моя радость, жизнь моя, песни, как я вас люблю. Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями <...> Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные: они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей...» (X, 284). О возможности постигнуть Историю и «дух народа» по его песням Гоголь писал 6 марта 1834 г. И. И. Срезневскому: «Если бы наш край не имел такого богатства песен – я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все

летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору» (X, 299). А в «Отчете по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год» сообщалось, что Гоголь готовит к печати работу «о духе и характере народной поэзии славянских народов: сербов, словенов, черногорцев, галичан, малороссиан, великороссиан и прочих» [11, с. 150].

Итак, две статьи о Малороссии в Журнале Министерства Народного Просвещения, принадлежавшие (судя по фамилии Ногол') типичному малороссу, представляли Введением в научно-поэтическую историю его народа. Правомерность такой концепции определяли и научные познания автора (разумное, логическое), и видимое художественное мастерство (чувственное, интуитивное), и врожденный, и жизненный, благоприобретенный опыт художника и ученого, чье духовное развитие определено развитием народа. И потом, когда Гоголь перепечатывает статью под названием «Взгляд на составление Малороссии» с датой «1832» в сборнике «Арабески» (1835) вместе со статьей «О малороссийских песнях» и заявляет, что уже написал исторический роман, датируя его главы 1830 г., – он дает понять, что все его художественные и нехудожественные малороссийские произведения составляют, при всей разнородности, единую картину прошлого и настоящего народной жизни, а каждое из них – своего рода ступень поэтического постижения истории Украины её художником-ученым.

Примечания

** В слове *козак* и производных (обозначавших, по Гоголю, воинское единство, какое сложилось в особых исторических условиях и стало основой народа) сохраняется написание черновых редакций, которое в то время цензура, как правило, заменяла на *казак* и подобные.

*** Везде цит. по изд.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: Т. I–XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952, указывая в круглых скобках том – римской цифрой, страницу – арабской.

**** Гийом Левассер де Боплан (около 1595–1685), французский инженер и военный картограф, с 1631 по 1647 г. находился на польской военной службе, принимал участие в походах. Его «Описание Украй-

нения» [5, с. 38]. Такое понимание соответствовало взглядам марксистско-ленинской философии 1970-х годов.

Однако вопрос о том, кто и когда искажал Аристотеля, является спорным. Его труды, как указывает Коэн, пропали при гибели Александрийской библиотеки, но в 80 году до н. э. отдельная коллекция его манускриптов была найдена в яме в Малой Азии римскими солдатами. Книги отправили в Италию, где их «тщательно копировали». В V веке из «варварского Рима» манускрипты попали в Персию, где арабы их сохраняли многие столетия. В Европу они попали от «язычников» только после «Темных веков» и в XII–XIII вв. были переведены на латынь. С тех пор Аристотель как философ стал занимать место Платона [12, с. 17–18]. Как отмечает Домбровский: «В критике философии своего учителя Платона, в учении о познании, он вплотную подходит к материализму» [5, с. 38]. За это советская философия готова была ему многое простить.

В художественной части очерка Домбровский ограничивается рассказом о взаимоотношениях Аристотеля с Александром Македонским. Философ был учителем будущего завоевателя, и на этом фоне освещаются его некоторые философские мысли и идеи из его работ. Если Александр чему-то и научился от Аристотеля, то явно не философии. Когда он стал взрослым, он не забывал своего учителя, обеспечивал ему условия для безбедной жизни и научной работы. Но после его ранней смерти Аристотелю пришлось бежать из Афин от недругов, и через год он тоже скончался. Внимание к Аристотелю и желание как-то «приблизить» его к материалистам, объясняется суждением Карла Маркса, назвавшего этого философа величайшим мыслителем древности. При этом игнорируются, например, его теории о высших и низших человеческих особях: к первым относились мужчины, ко вторым женщины, ниже были варвары, еще ниже – рабы. Однако наряду со многими ошибочными и курьезными сочинениями, многие его работы вошли в золотой фонд науки, и не только философии. Тем не менее, более точен в его оценке Коэн, показав противоречия его философии с его реальными жизненными установками, противоречивое влияние его трудов на развитие науки.

тем, подобно Селиванову, М. Коэн описывает его невзрачную внешность: очень тонкие ноги, маленькие глаза, шепелявый голос. Зато Аристотель обращал на себя внимание одеждой, обилием колец и изысканной прической. Коэн сообщает, что знавшие философа оставили сведения, как «Аристотель любил принимать ванны из теплого оливкового масла, и что хуже, потом это масло продавал» [12, с. 14].

Коэн считает, что факты доказывают: репутация Аристотеля в течение его жизни и долгое время впоследствии, и близко не приближалась к репутации Платона. Насмехались над «унылой болтовней пустого Аристотеля», в эпиграммах называли его «пустоголовым». При всей знаменитости Аристотеля и влиянии его трудов на философию, именно ему вменяют в вину тысячелетний застой в развитии науки, потому что многие его ошибочные идеи, теории и заблуждения были подхвачены самыми реакционными и схоластическими религиозными деятелями, и часто оказывали решающее влияние на преследование всякой новой мысли в обществе. В борьбе с научными и религиозными догмами, основанными на учении Аристотеля, отдали жизни многие передовые мыслители своего времени.

Достаточно отметить, что женщин и рабов Аристотель считал низшими существами. Только мужчины, не принадлежащие к рабам, были непосредственно созданы богом и имели душу. Он считал, что сердце есть центр сознания, и оно бьется только у мужчин. Мозг служит только для охлаждения крови, а в задней части головы есть «пустое место», где находится душа и пр. [12, с. 15–17]. Заметим, что в рассказе Селиванова о любви Аристотеля и рабыни Герпиллиды, которую он выкупил у своего покровителя и друга Гермия, все эти вещи остаются «за скобками».

В рассказе Домбровского об Аристотеле тоже отражен канонический взгляд на жизнь и учения этого философа. В предисловии говорится: «В средние века учение Аристотеля было искажено в платоновском духе и в таком виде канонизировано католической церковью; оно превратилось в теоретическую основу средневековой схоластики и надолго затормозило развитие философии в Европе. Разумеется, сам Аристотель не имеет к этому никакого отно-

ны» практически впервые познакомило западного читателя с Украиной, ее географией, экономикой, бытом и нравами жителей. Книга вызвала интерес в Европе, и потому в XVIII в. ее перевели на английский и немецкий языки.

Список использованных источников

1. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России : в 3 ч. 2-е изд., перераб. и доп. / Д. Н. Бантыш-Каменский. – М., 1830. – Ч. 1. – С. 14.
2. <Боплан Г. де> Описание Украйны, соч. Боплана / Пер. с фр. Н. Устрялов. – СПб., 1832. – 179 с.
3. Булашев Г. О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и веров. / Г. О. Булашев // Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. – Киев, 1909. – С. 342–346, 379–391.
4. Гоголь Н. Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга I, глава 1; О малороссийских песнях / Н. Гоголь // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1834. – № 4. – С. 1–26.
5. Гоголь Н. В. Записная тетрадь, из числа принадлежавших И. С. Аксакову. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.). Фонд 199. Ед. хр. 1. Л. 4.
6. Карамзин Н. М. История Государства Российского : в 12 т. (репринт 1-го изд.) / Н. М. Карамзин. – М., 1989. – Т. V. – С. 215–216.
7. Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 год <...> издана Васильем Григорьевичем Рубаном. СПб., 1777. 118 с.
8. Кулжинский И. Г. Малороссийская деревня. Историко-этнографический очерк / И. Г. Кулжинский. – М., 1827. – 136 с.
9. <Максимович М.> Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. – М., 1834. – Ч. 1-я. – С. IV–V.
10. <Маркевич Н.> Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича. – М., 1831. – С. XVI–XVII.
11. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М., 1971. – С. 150.

12. Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века / Ф. Я. Прийма. – Л., 1980. – 251 с.

13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. / А. С. Пушкин. – Л., 1937–1949. – Т. 11. – С. 268.

14. Чудаков Г. И. Отношение творчества Н. В. Гоголя к западноевропейским литературам / Г. И. Чудаков. – Киев, 1908. – С. 33–34.

15. Annales de la Petite-Russie, ou L’Histoire des Cosaques Sararogues et les Cosaques de l’Ukraine. Paris, 1788. P. 4.

GOGOL’S “LOOK AT THE PREPARATION OF THE LITTLE RUSSIAN”

Denisov Vladimir Dmitrievich,

Ph.D. in Philology, Professor at the Department of Russian language, Russian State Hydrometeorological University (RSHU) (St. Petersburg, Russia); e-mail: vladdenisoff@mail.ru

The article analyzes when and why Gogol engaged in the history of Little Russia, which sources relied, how it interpreted, what were its findings.

Keywords: *the early works of Nikolai Gogol, “Evenings on a Farm near Dikanka”, a poetic history of Little Russia, the Cossacks and the Little Russian Cossacks, the dialogue Russian and Ukrainian cultures.*

References

1. Bantysh-Kamensky D.N. Istoriya Maloy Rossii [History of Little Russia]: In 3 Parts. – 2nd ed., revised. and ext. Moskow, 1830. Part 1. P. 14.

2. <Boplan G. de> Opisanie Ukrainy [Description of the Ukraine]. Op. Boplan / Trans. with fr. N. Ustrialov. St. Petersburg., 1832. 179 p.

3. Bulashev G. O. Ukrainskiy narod v svoih legendah i religioznych vozzreniyah i verovaniyah. – Vyp. 1. Kosmogonicheskie Ukrainskie

В рассказе о самом Платоне Коэн анализирует его трактат об идеальном государстве «Республика», и находит противоречия и несуразности. При этом форма трактата представляет диалог между Сократом и неким Глауконом, которым и приписывает Платон все высказывания. Считается, что все труды Платона, «пять больших современных томов», сохранились. Но Коэн приводит цитату из «Краткой энциклопедии Западной философии и философов» об этих томах: «Они представляют не только величайший философский труд, но и величайшие в мире образцы литературы». Коэн приходит к парадоксальному выводу, что «Республику» Платона не следует трактовать как содержательные философские тезисы (или диссертацию): «Возможно ее, как и другие диалоги, следует читать, вместо этого, как коллекцию забавного хлама и анекдотов, собранных вместе кем-то, кто в действительности должен был скорее создавать поэзию» [12, с. 12].

Домбровский в своем рассказе о Платоне подтверждает, что в юности тот мечтал стать поэтом. Но вопреки упомянутой энциклопедии считает: «Из множества написанных Платоном произведений до нас дошло немного – более двадцати». Как философу Платону дается определение «родоначальник объективного идеализма». Художественная часть рассказа рисует отношения философа с Дионисием Младшим, властителем Сиракуз и Сицилии. Их диалоги – это разговор ученого и философа тех времен с «властолюбцем и невежественным гордецом, возомнившим себя мудрецом и великим поэтом». Мечта Платона создать с помощью молодого тирана идеальное государство, управляемое философами, как описано в трактате «Республика» оказалась химерой [5, с. 30–37].

Последний рассказ Мартина Коэна, который мы рассмотрим, посвящен одному из самых знаменитых древнегреческих философов, и называется «Аристотель Аристократ». Как и Селиванов, он упоминает ту же картину Рафаэля, но отмечает, что Платон на ней жестикулирует руками, воздетыми к небесам, как будто говоря: «Обращайтесь за истиной к совершенству небес». По контрасту, Аристотель, чья философия подразумевает сначала обращаться к обзору земных феноменов, указывает вниз, как будто говоря, «осмотритесь вокруг на то, что есть, если хотите узнать истину». За-

ная или мнимая способность Сократа при решении какой-нибудь сложной проблемы стоять неподвижно несколько дней. Как описывает ученик Сократа Платон: «Погруженный в некоторую проблему на рассвете, он стоял на одном месте, обдумывая ее, и когда он находил, что это трудная проблема, он не бросал ее, а стоял там же, стараясь понять. <Вечером> некоторые из ионийцев приносили свои коврики и подстилки и устраивались спать в <летней> прохладе: так они ожидали увидеть, простоит ли Сократ тоже всю ночь. Он стоял до рассвета и восхода солнца, затем уходил прочь, сотворив молитву Солнцу»⁴ [12, с. 4–5].

Обсуждая внешние черты Сократа и черты его характера, что донесли до нас диалоги Платона, Мартин Коэн задает много вопросов, остающихся без ответа. И главный из них: открывают нам эти сведения истинный облик философа и содержание его философии? Где истина и где вымысел, или миф, или легенда? Это совсем другой подход к истории философии, чем у Домбровского, и тем более Селиванова, которые в своих рассказах используют ту или иную версию событий жизни своих героев без критического анализа.

В частности, в рассказе о Сократе, Домбровский повествует о его конфликте с гражданским обществом Афин, обвинении и суде над философом, его полемике с судьями и его желании спастись от приговора путем бегства. На фоне этих событий Домбровский искусно использует мысли и идеи Сократа, показывая, как его поведение логично следует из его философских убеждений и учений. Сократ показан как мужественный человек, не боявшийся противостоять косности и невежеству современников, признававший бога только в душе человека. Он опередил свое время, но впоследствии «афиняне раскаялись в том, что осудили Сократа на смерть. Его обвинители были наказаны: одни изгнаны из Афин, другие казнены» [5, с. 29–30].

Всего этого нет в рассказе о Сократе М. Коэна, который считает философа «соблазняющим чародем», гипнотизирующим и себя и других с помощью неких магических трюков, с «большой властью очаровывать, чем прекраснейший флейтист или красноречивейший рассказчик» [12, с. 6]. И все это Коэн также извлек из трудов учеников Сократа, первым из которых признан Платон.

narodnie vozzreniya i verovaniya [The Ukrainian people in their legends and religious views and beliefs. Vol. 1. Cosmogonic Ukrainian people's attitudes and beliefs]. Kiev, 1909. Pp. 342-346, 379-391.

4. Gogol N. V. Otrivok iz Istorii Malorossii. Tom I, kniga I, glava 1; O Malorossiyskih pesn'ah [Excerpt from the History of Little Russia. Volume I, Book I, Chapter 1; About Little Russian songs] // Journal of the Ministry of National Education. 1834. № 4. Dep. II. Pp. 1-26.

5. Gogol N. V. Zapisnaya tetrad', iz chisla prinadlezhacshih I. S. Aksakovu [Notebook of the number belonging to I. S. Aksakov]. Department of Manuscripts of the National Library (SPb.). Fund 199. Unit storage 1. List 4.

6. Karamzin N. M. Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian State]: In 12 t. (a reprint of the 1st ed.). Moscow, 1989. T. V. Pp. 215-216.

7. Kratkaja letopis' Maloj Rossii s 1506 po 1776 god <...> izdana Vasil'em Grigor'evichem Rubanom [Brief chronicle Malaya Russia with 1506 for 1776 <...> published Vasily Ruban]. St. Petersburg, 1777. Pp 4-6.

8. Kulzhinsky I. G. Malorossiyskaja derevnja. Istoriko-jetnograficheskij ocherk [Little Russian village. Historical and Ethnographic Essay]. Moscow, 1827. Pp. 104-105.

9. <Maximovich M.> Ukrainskie narodnye pesni [Ukrainian folk songs]. Published by Michael Maximovich. Moscow, 1834. Chapter 1. Pp. IV-V.

10. <Markevich N.> Ukrainskie melodii [Ukrainian melodies]. Op. Nick. Markevich. Moscow, 1831. Pp. XVI-XVII.

11. Mashinskiy S. I. Hudozhestvennyj mir Gogolja [Gogol's Art world]. Moscow, 1971. P. 150.

12. Priyma F. Y. «Slovo o polku Igoreve» v russkom istoriko-literaturnom processe pervoj treti XIX veka [“Slovo o polku Igoreve” in Russian literary history during the first third of the XIX century]. Leningrad, 1980. 251 p.

13. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy [Full. cit. op.]: In 16 tons. Leningrad, 1937-1949. T. 11. P. 268.

14. Chudakov G. I. Otnoshenie tvorchestva N. V. Gogolja k zapadnoevropejskim literaturam [The ratio of creativity Gogol to Western literatures]. Kiev, 1908. Pp. 33-34.

15. Annales de la Petite-Russie, ou L'Historire des Casaques Saparogues et les Casaques de l'Ukraine. Paris, 1788. P. 4.

УДК 82-6

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
В ВОСПРИЯТИИ А. П. ЧЕХОВА-ЧИТАТЕЛЯ

Блинова Анастасия Викторовна,

*аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
(г. Симферополь, РФ)
e-mail: nastuxa_2006@list.ru*

В статье представлен анализ воспоминаний, высказываний, отдельных замечаний и размышлений А. П. Чехова о личности Ф. М. Достоевского, его художественных принципах и идейных заветах.

Ключевые слова: *воспоминания, письма, анализ, контакты, сопоставление.*

На сегодняшний день компаративное исследование творчества таких великих русских писателей, как Федор Михайлович Достоевский и Антон Павлович Чехов, представляет **актуальную** и неизученную в должной мере **проблему**, ведь сопоставление исканий столь непохожих по творческим позициям литераторов чаще всего вызывает недоумение. Тем не менее сравнительный анализ художественного наследия классиков позволяет острее осознать самую суть писательской индивидуальности каждого. Однако преж-

каким тот изображен на известном полотне „Афинская школа“ Рафаэля». В рассказе делается натужная попытка найти параллели в любви пожилого Аристотеля к молодой рабыне Герпиллиде и любви современного мужчины-философа. Но кроме внешнего сходства и того, что Виктор Сергеевич посвятил свою научную деятельность изучению трудов Аристотеля, никакой другой связи читатель не обнаружит.

Конечно, писатель имеет право на попытку создания книги о философах в духе развлекательных рассказов, не претендуя на популярное изложение истории философии, но следовало бы в этом случае дать книге другое название, чтобы не вызывать сравнение с книгой А. И. Домбровского. Более подходящее название, на наш взгляд, было бы «Так жили философы», в духе популярного названия «Так жили поэты».

Зарубежное издание, которое заслуживает сравнения с книгой Домбровского, принадлежит англоязычному автору Мартину Коэну (*Martin Cohen*). Он известен как преподаватель и писатель, специализирующийся в области философии, этики и образования, с особым интересом к компьютеризации. М. Коэн – автор нескольких книг, а с 1995 года являлся издателем журнала «Философ» (*The Philosopher*). В 2008 году вышла в свет его книга «Философские рассказы» (*Philosophical Tales*), которая в подзаголовке характеризуется как «настоящая альтернативная история, открывающая личности, сюжеты, и скрытые сцены, составляющие правдивый рассказ о философии» [12].

Понятно, что это может быть привычной для западных изданий рекламой, однако содержание книги показывает, что «рассказы о философах» Коэна охватывают период от Древней Греции до нашего времени, и достаточно представительны, чтобы претендовать на вариант изложения истории философии. Для сравнительного анализа с книгой Домбровского мы вновь ограничимся древнегреческими философиями.

У Мартина Коэна книга начинается рассказом «Сократ Чародей» (*Socrates the Sorcerer*), где автор анализирует различные сведения об этом философе, и рассказывает, какое впечатление у него складывается в результате. Наиболее Коэна поражает действитель-

таться божеством, но и как вытекающая из его философии попытка на самом деле стать богом. По легенде, боги действительно приняли его к себе, но не полностью – бронзовые сандалии философа были выброшены из вулкана [11]. Здесь тоже упоминание о сандалиях выглядит анекдотичным: почему на этом основании делается утверждение, что Эмпедокл был причислен к богам «не полностью»? Ведь сандалии, или одна сандалия, как у Селиванова, не являются частью ни тела, ни души Эмпедокла. С другой стороны писателю стоило бы «обыграть» это явно вымышленное событие как признак «очищения от скверны», ведь этими сандалиями философ ступал по «грешной земле».

Дальнейший сравнительный анализ «Рассказов о философах» Домбровского и Селиванова позволяет выявить главное принципиальное и идейное их различие. Книга Домбровского не только популярное изложение истории философии, но и серьезное художественное произведение. В то же время в начале каждого рассказа приводятся краткие сведения о философе, о его трудах и месте в развитии науки и общества. Поэтому книга Домбровского и может использоваться как учебное пособие, полезное не только учащимся школ и других учебных заведений, но и для самообразования³.

Книга Селиванова написана в ином ключе, это попытка преподнести рассказы о философах в современном развлекательном жанре, попытка показать, что ученые и философы тоже были людьми, и «ничто человеческое им не чуждо». Философия и философские идеи служат только фоном, некоторой духовной средой, которые имеют отношение к героям рассказов и событиям их жизни. Однако выбор для рассказов «бытовых» сюжетов приводит к тому, что на месте героя легко представить человека другой профессии или общественного положения, например, врача, художника, писателя, богатого банкира или человека власть имущего. А это значит, что для занимательности сюжетам не хватает оригинальности.

Таков и рассказ Селиванова «Рабыня Аристотеля», где параллельно истории любовных отношений древнегреческого философа, повествуется о любовной истории современного «Аристотеля», философа Виктора Сергеевича, который «похож на Аристотеля,

де чем обращаться к сравнению Чехова с Достоевским, следует уяснить отношение первого ко второму, проявленное в воспоминаниях, письмах, других свидетельствах их связей. Полученные результаты позволят максимально точно определить исходные основы восприятия младшим литератором творческого опыта старшего, а также установить, как понимал Достоевского Чехов.

Исходя из сказанного, **цель** данной публикации – охарактеризовать отношение А. П. Чехова к личности Ф. М. Достоевского, человека и художника.

М. П. Громов, изучая проблему творческих контактов Чехова с Достоевским, указывал на то, что писатель рубежа веков глубоко знал своего предшественника, и, по мнению ученого, эти знания отразились «не столько в суждениях о Достоевском (весьма красноречивых, но немногочисленных), сколько в формах искусства, в формах прямых или скрытых цитат, парафраз и особенно в формах литературной пародии» [2].

Действительно, воспоминаний и отдельных высказываний о Достоевском и его творчестве Чехов оставил совсем немного. Писатели не были лично знакомы, между ними не существовало переписки. Причиной этого, вероятно, могла быть разница в возрасте, в частности и тот факт, что Достоевский умер в 1881 году, когда Чехову был 21 год и он только торил писательский путь. Первый сборник рассказов Антоши Чехонте «Сказки Мельпомены» вышел в 1884 году, до этого прозаик печатал свою прозу в московских журналах «Будильник», «Зритель», «Мирской толк», «Свет и тень», «Природа и охота», газете «Новости дня» и в петербургских журналах «Осколки», «Стрекоза». К этому времени Ф. М. Достоевский был уже весьма авторитетным художником, создавшим великие романы. Не случайно император Александр II представил его своей семье.

Дневниковые записи и воспоминания друзей А. П. Чехова, касающиеся его взглядов на личность Ф. М. Достоевского, немногочисленны и в основном передают довольно прохладное отношение к знаменитому романисту. Вот как, например, в мемуарах В. И. Немировича-Данченко передан разговор с Чеховым о первом романе «Великого пятикнижия»: «Как-то он сказал мне, что не читал “Преступления и наказания” <...>.

– Берегу это удовольствие к сорока годам.

Я спросил, когда ему уже было за сорок.

– Да, прочел, но большого впечатления не получил» [5].

Б. А. Лазаревский вспоминает диалог с писателем о предшественнике: «Было слышно, что сочинения Достоевского производят на него [Чехова] тяжелое впечатление» [3]. Стоит упомянуть и оценку творчества Достоевского, данную самим Чеховым в письме к А. С. Суворину от 5 марта 1889 года: «Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь читаю. Хорошо, но очень уж длинно и нескромно. Много претензий». Согласно примечаниям к письмам Чехова, тогда писатель приобрел один из томов 12-томного полного собрания сочинений Достоевского, которое было издано в типографии братьев Пантелеевых в Санкт-Петербурге в 1888–1889 годах. Данное издание было осуществлено под редакцией и по инициативе А. Г. Достоевской. Составителем и автором биографического очерка о Ф. М. Достоевском являлся К. К. Случевский. Все 12 томов сохранились в Доме-музее Чехова в Ялте, что прямо свидетельствует о знакомстве автора с наследием мастера. Однако возникает вопрос: почему у А. С. Суворина Чехов приобрел издание братьев Пантелеевых? Ведь типографией самого Суворина были изданы два собрания сочинений Ф. М. Достоевского: в 1882–1883 гг. (в 14 т.) и в 1885–1886 гг. (в 6 т.). Оба обозначены также как «Издания А. Г. Достоевской», то есть осуществленные силами вдовы писателя. Возможно, к 1889 году тираж обеих выпусков был продан, и магазин приобрел новое, только что вышедшее издание братьев Пантелеевых. Обратим внимание, что в 1889 году Чехову было 29 лет и он уже знакомился с творчеством Достоевского. Вероятно, читал «Записки из Мертвого дома», ведь в 1890 году писатель отправится в путешествие на Сахалин, а готовясь к своей поездке, он проштудировал большое количество книг о тюрьмах России, среди которых были и «Записки» Достоевского.

А. В. Ханило, бывший главный хранитель Дома-музея А. П. Чехова в Ялте, которая была лично знакома с сестрой писателя Марией Павловной и его женой Ольгой Леонардовной Книппер, изучила книги из библиотеки ялтинского дома Чехова и обнаружила в некоторых из них пометы писателя (например, в книгах Л. Н. Тол-

ровольно ушел из жизни» [9, с. 38]. Дошедшая до наших дней легенда, которую интерпретирует Селиванов, также «говорит о том, что Демокрит из-за старости не пожелал дальше жить, и с каждым днем убавлял пищу. Когда же он почувствовал, что умирает, то, не желая испортить женщинам в доме праздник Фемосфорий, он искусственно продлил себе жизнь, приказав поставить около себя сосуд меда, и питался некоторое время его испарениями (по другой версии – поднося к ноздрям горячие хлебы)» [9, с. 85–86]. Таким образом, даже в легенде сохраняется логика, т.е. причинность, поступков Демокрита.

Тезис Демокрита о причинности и пытался интерпретировать в своем рассказе Селиванов, но не сумел логически выстроить сюжет. Подобная ситуация и в его рассказе о философе Эмпедокле, по легенде покончившем с жизнью, бросившись в жерло вулкана Этна. В рассказе происходит это после пира с друзьями, а почему «богатый и знаменитый» человек мог так поступить, можно только строить догадки. Одна из догадок: он уверовал в свое учение о переселении душ и их очищении от «скверны», и решил перейти в «другое воплощение».

«Прыжок в вулкан» всего лишь легенда, в философском словаре утверждается, что Эмпедокл «в конце жизни уехал в Пелопоннес, где и умер» [10]. Но Эмпедокл происходил из древнегреческого города Акраганта, находившегося на острове Сицилия, где расположен вулкан Этна. Следовательно, выстроить какой-то логически связный сюжет на подобную тему писателю не возбраняется, но Селиванову это и здесь не удастся. Нам рассказывается о философских идеях и поэтическом таланте Эмпедокла, его таланте врача, мудрости в решении земных дел, но все это никак не соотносится с финалом рассказа. В этом смысле характерен эпизод, когда ученикам философа, поднявшимся на вершину в поисках, «вулкан выплюнул сандалию Эмпедокла, которая упала к ногам Павсания». Это выглядит неуместно комичным и непонятно для чего придуманным.

В то же время дошедшая до нашего времени легенда связывает его смерть с идеей превращения человека в бога. Однако самоубийство Эмпедокла рассматривается не только как попытка счи-

земледелия и плодородия Деметры, «она не сможет воздать должное богине, которой была предана беспредельно». Она обращается к брату с претензией: «Тебя считают мудрым, ты учился когда-то у жрецов в Египте, у халдеев в Персии, посетил Индию и Эфиопию, а в Афинах беседовал с самим Сократом. Неужели ты не знаешь, как прожить еще три дня и не умереть?». Автор рассказа не увидел и никак не «обыграл» противоречия. Ведь для сестры логичнее было бы молить Деметру, чтобы брат не умер, помешав ей почитать любимую богиню. А не досаждал брату напоминанием о близкой смерти. Ведь получается, что сестра меньше доверяет богам, чем мудрости брата.

К тому же в этот момент уже в начале рассказа читателю становится понятен замысел писателя: Демокрит каким-то образом исполнит просьбу сестры. В описание последующих трех дней жизни философа вплетаются его воспоминания, философские идеи, афоризмы и изречения, встречи и беседы. Но заканчивается рассказ предсказуемо: «Умер философ на следующий день после праздника». Какого-то логического объяснения этому мы в рассказе не находим, кроме утверждения Демокрита в разговоре со своим учеником Диагором: «Я *должен был* (курсив наш. – В. М.) умереть сегодня. Но обещал сестре прожить еще три дня. А больше я жить не хочу. Со временем люди будут жить столько, сколько захотят. И научатся уходить из жизни по своей воле, когда устанут» [6].

Последние два изречения довольно странны в устах умирающего философа. Они никак не вытекают из рассказа о его учении, фрагменты которого вставлены в рассказ. А умение «уходить из жизни» можно понимать как самоубийство. Разве во времена Демокрита люди еще не были на это способны? Если Демокрит уже обладал благодаря мудрости способностью «уйти из жизни по своей воле», то он должен был сказать ученику: «Я *хотел* умереть сегодня, но обещал сестре прожить еще три дня. А больше я жить не хочу».

Тогда смерть Демокрита была бы подтверждением его философского тезиса, что в мире нет случайности, а есть всему причина и необходимость. Согласно историческим источникам, когда Демокрит почувствовал себя «совершенно немощным, он <...> доб-

стого «Война и мир», «Анна Каренина», в письмах И. С. Тургенева, в стихотворениях Н. А. Некрасова и проч.). Мы познакомились в ялтинском музее с Полным собранием сочинений Достоевского и изучили все 12 томов на предмет каких-либо чеховских помет, однако их обнаружить не удалось.

В чеховском эпистолярном находим также следующие признания: «Я был в оперетке, видел в итальянском переводе “Преступление и наказание” Достоевского, вспоминал наших актеров, наших великих, образованных актеров и находил, что в игре их нет даже лимонада. Насколько человечны на сцене здешние актеры и актрисы, настолько наши свиньи» (из письма сестре М. П. Чеховой от 29 сентября (11 октября) 1894 года, г. Милан). В данной цитируемой фразе обнаруживаем только констатацию факта «был в оперетке, видел в итальянском переводе “Преступление и наказание” Достоевского». Отношения к самому произведению и его автору не выражены, можно лишь убедиться в интересе к итальянской театральной постановке, к игре актеров, к переложению прозаического произведения на язык драматургии. В 1894 году Чехову было 34 года. Судя по воспоминаниям В. И. Немировича-Данченко, писатель мог еще и не прочесть роман «Преступление и наказание», но это остается лишь предположением.

В «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» за 1884 год отражен следующий факт. В середине января прозаик отправляет брату Александру письмо с высказыванием из Ф. М. Достоевского. Сам текст письма Чехова и цитата Достоевского неизвестны. Зато известно, что Александр ответил родственнику 20 января – он поблагодарил адресанта за переписанный эпистолярный фрагмент, извлеченный, по мнению авторов «Летописи...», из послания Федора Достоевского от 19 июля 1840 года к брату Михаилу. Переписать его Чехов мог по изданию «Биография, письма и заметки из записной книжки. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями», Т. I, Спб., 1883. Основываясь на этих данных, можно заметить, что цитата скорее всего была посвящена дружбе братьев (так как Достоевский пишет именно о необходимости этих отношений между ним и Михаилом Михайловичем: «Но приезжай скорее, милый друг мой; ради Бога при-

езжай. Ежели бы знал ты, как необходимо для нас быть вместе, милый друг!») [4].

В «Осколках московской жизни» обнаруживаем критический отзыв А. П. Чехова о брошюре «Новые христиане» К. Леонтьева. Брошюра эта, в свою очередь, посвящена критике религиозно-философских концепций Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Леонтьев, полемизируя с Достоевским, утверждает, что «начало премудрости (т. е. настоящей веры) есть страх, а любовь – только плод» [10]. Автор взывает к страху и палке – будто бы «истинно русским идеалам». Леонтьевскую позицию неприятия любви, а следовательно, и теории Достоевского Чехов осуждает и подчеркивает претензиозность критика: «Вы читаете и чувствуете, что эта топорная, нескладная галиматья написана человеком вдохновенным (москвичи вообще все вдохновенны), но жутким, необразованным, грубым, глубоко прочувствовавшим палку... Что-то животное сквозит между строк в этой несчастной брошюрке» [9]. Таким образом выявляются косвенные (через посредника – статью Леонтьева) идейные переклички Чехова и Достоевского, в данном случае характеризуя их как личностей, призывающих к любви.

В воспоминаниях А. Туркова приводится диалог Горького и Чехова, где последний утверждает необходимость и особую важность образования, без которого «государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожженного кирпича» [7]. Чехов излагал Горькому (который запомнил «горячие вроде бы даже не “чеховские” по своей патетике слова») свою собственную программу, прославлял учителей. Этот разговор, как кажется мемуаристу, является прямым подтверждением того, что Чехов был знаком со статьей Достоевского «Мечты и грезы», где с пафосом и страстью утверждалось, что «на просвещение мы должны ежегодно затрачивать по крайней мере столько же, как и на войско, если хотим догнать хоть какую-нибудь из великих держав» [7].

Обратимся к уже упомянутым воспоминаниям Б. А. Лазаревского, в которых содержится интересный диалог о Достоевском. «3-го сентября [1900 г.], по просьбе Чехова, я был у него очень рано, – в 7 часов утра. Я прошел прямо в столовую и увидел здесь Антона Павловича и Евгению Яковлевну, его мать. И по тону голоса и по

ба между материализмом и идеализмом, но единственной опорой в поиске объективной истины является только наука. Поэтому философия должна идти в ногу с современными достижениями науки, опираться на них, развиваться вместе с развитием науки. Сегодня мы можем убедиться в справедливости и актуальности суждения Домбровского: «Философия – развивающаяся наука. Цель философии – все более глубокое проникновение в сущность законов природы, общества и человеческого мышления. Знание о будущем мира лежит на путях такого поиска» [5, с. 13].

Рассматривая отдельные рассказы у Домбровского и Селиванова, можно обнаружить много общего в их формальном подходе. Выбираются события, переломные или значимые в жизни и судьбе героев, и на фоне авторской интерпретации этих событий и исторической обстановки используются в художественной форме их мысли, изречения, афоризмы, личные поступки, иногда и легенды, дошедшие до нашего времени.

Принципиальное различие этих авторов состоит в выборе для рассказа того события, значительного или не очень, на котором строится стержень сюжета. При этом интересно сравнить те рассказы, где одни и те же герои. Так, в рассказе о греческом философе Демокрите Домбровский в качестве сюжета избирает суд над ним в его родном городе Абдере в V веке до н.э. Это позволило писателю сжато и кратко представить читателю обстановку и законы того времени, суть обвинений, сам судебный процесс. На этом фоне, описывая полемику на суде, появляется возможность показать характер мышления философа, его зримый образ, суть его конфликтных противоречий с обывательским понятием о жизни и долге гражданина. Демокрит был оправдан, сумев доказать судьям, что его философский труд имеет большую ценность: «Судьи пришли к заключению, что растраченное философом богатство искупается тем богатством, которое он приобрел для себя и для своих сограждан, изучая науки в других государствах» [5, с. 20].

В своем рассказе о Демокрите, прожившем более ста лет, Ф. А. Селиванов в качестве сюжета избирает события последних трех дней жизни философа. Его столь же престарелая сестра переживает, что «если брат умрет сегодня или в праздник» в честь богини

но, или утверждающая, что первичен Бог, Творец и т. п., а материальный мир вторичен, пока не разрешен.

А. Домбровский сумел это искусно показать. В заключение своей книги он утверждает: «Вера как результат научного знания – единственная достойная человека форма веры. Всякая иная вера ведет человеческий разум к пропасти, в которой клубится мрак; такая вера – дорога в никуда» [5, с. 214]. В середине 1970-х годов в науке преобладал материалистический подход, и казалось, что физики знают о нашем мире почти все. Но на современном этапе оказалось, что это далеко не так. Ученые обнаружили, что известные формы материи и энергии составляют всего 5%, а остальные 95% относятся к «темной энергии» и «темной материи», свойства которых неизвестны.

Кроме того, современные научные теории, основанные на астрономических наблюдениях и измерениях, объясняют происхождение нашей Вселенной как результат «Большого взрыва» объекта, сосредоточенного практически в точке. Свойства этого объекта тоже фактически неизвестны, и есть расчеты, показывающие, что этот объект мог иметь нулевую массу, т.е. вся Вселенная возникла из «ничего»².

Для окончательного подтверждения этих теорий и расчетов в настоящее время был построен сверхмощный ускоритель – адронный коллайдер. С его помощью физики ищут частицу, так называемый «бозон Хиггса», который получил также название «частица Бога». Не так давно ученые объявили, что такая частица найдена. Но значит ли это, что тысячелетний спор решен, и что наша Вселенная родилась из «ничего» благодаря «акту сознания» или «акту творения»? Сегодня наука так утверждать не может, и вполне возможно, что ответа на этот вопрос мы никогда не получим.

Тем не менее, естественнонаучные исследования, эксперименты, теории имеют объективный характер и направлены на поиск объективной истины. Поэтому, если будет найдено и научно доказано, что наш мир кроме материи содержит и нечто сознательное, непознанное до сего времени, то это тоже будет объективная истина. Ценность и современность книги Домбровского именно в этом и состоит: он показал, что история философии есть в основном борь-

движениям Чехова было видно, что он чувствует себя лучше. Он много шутил и рассказывал о ялтинских нравах. Перешли к литературным темам. Чехов заговорил о Тургеневе и Достоевском. Было слышно, что сочинения Достоевского производят на него *тяжелое впечатление* [курсив наш. – Авт.]. Имя же Тургенева и заглавия его произведений он произносил другим голосом и с задумчивым выражением на лице.

– Однажды Достоевский сделал гадость, почти преступление, и сейчас же пошел к Тургеневу и подробно рассказал ему об этой гадости, с единственной целью причинить боль [Возможно, это был психологический поединок: Достоевский сознательно приписал себе дурной поступок, которого не совершал, с единственной целью – позлить Тургенева. – Прим. издателей воспоминаний]. Ну зачем такие выходки? – с грустью проговорил Антон Павлович.

– Мне кажется, Достоевский был нервнобольной человек, а иногда просто психически ненормальный. Ведь сколько он пережил... – сказал я.

– Да, его жизнь была ужасна... Талант он несомненно очень большой, но иногда у него не доставало чутья. Ах, как он испортил «Карамазовых» этими речами прокурора и защитника, – это совсем, совсем лишнее <...>» [3].

Сказанное свидетельствует, что к 1900 году Чехов уже был знаком и с произведениями Достоевского, и с его биографией. Он не находит в творчестве предшественника «чутья» – меры, той краткости, которой блестяще владел сам. Это еще раз подтверждает истину, что Достоевский и Чехов – писатели разные по своей художественной манере, по способу воплощения идей, по характеру поэтики.

В чеховской Записной книжке I (часть третья, датированная 1891–1904 гг.) находим ретрансляцию цитаты Родиона Раскольникова (впоследствии эта цитата будет перенесена в Записную книжку IV): «Чтобы умно поступать, одного ума мало» [8]. Напомним, записных книжек у Чехова всего было четыре: I – самая обширная, важная для творчества, куда писатель вносил заметки и факты, которые планировал переработать в литературные произведения; II и III – уже менее «творческие» по сравнению с первой; IV –

содержала те неиспользованные материалы для произведений, который автор переписывал сюда из первой. З. С. Паперный характеризовал эти книжки Чехова как переплетение записей жизненных событий и творческих замыслов [6]. Современник писателя К. С. Баранцевич констатирует, что записная книжка как таковая была очень важна для Чехова: «Создавал он их [произведения] втихомолку, занося в записную книжку образы и мысли, занося, где придется: дома, за обедом, ночью, на ступеньках крыльца <...> И эту свою записную книжку должно быть берег и прятал, потому что я никогда ее не видел...» [6]. «Сюжеты своих произведений, – пишет о Чехове его сестра Мария Павловна, – он мог хранить и не использовать долгое время, пока они у него не “созревали”» [6]. Процесс «созревания» вытекал именно из сделанных заметок – они служили своеобразным «банком» мыслей, сцен будущих сочинений.

Такие книжки появились у Чехова в зрелые годы, что свидетельствует о переходе к новой манере творчества – писание стало медленнее, напряженнее, с сосредоточенным обдумыванием каждой новой идеи. З. С. Паперный утверждает, что Чехов редко заносил философские мысли в дневник, в основном констатировал факты [6]. Отсюда делаем вывод, что цитата из романа Достоевского была необходима и важна для Чехова не просто как философское изречение, но как выражение особой точки зрения, возможно, близкой автору, или же, напротив, неприемлемой для него.

В письме Чехова к П. Ф. Иорданову от 20 марта 1898 года (из Ниццы) обнаруживаем: «Из книг, посланных мною из Ниццы по почте, Вы в своем письме не назвали одной: «Maximilian Harden. Literatur und Theater». В этой книге статья о Достоевском. Послал я ее прямо в библиотеку». Из Ниццы Чехов отправлял зарубежные книги в Таганрог, «чтобы положить начало иностранному отделению библиотеки <...> Всего 70 авторов, или 319 томов» (из письма П. Ф. Иорданову от 9 марта 1898 г.). Неустанная благотворительность Чехова, его стремление к просвещению, улучшению быта общества были отличительной чертой жизни писателя. Делал он все с истинным размахом чеховского рода – поэтому и купил западноевропейских классиков для иностранного отделения таганрогской библиотеки! Среди них – статья о Достоевском. Прочитана

ведения – художественные. В них повествуется о каком-либо периоде жизни философа, о его любви (недаром некоторые из них печатались под рубрикой „Уроки любви“). Но необходимо здесь подчеркнуть, что читатель знакомится и с идеями философа, о котором повествуется в сборнике» [6].

Таким образом, Селиванов делает акцент на художественности своих рассказов о философах, а его коллега утверждает, что в научной деятельности ученого привлекает «соединение научной строгости и эстетической раскрепощенности». Чтение книги также убеждает в том, что в ней Селиванов дает волю писательскому воображению и вымыслу. Насколько рассказы близки к действительности, читателю, далекому от философии, судить трудно.

А вот А. И. Домбровский об идее своих рассказов говорит прямо в своем авторском предисловии, с характерным названием «Что есть истина?»: «Моя задача – изложить историю трудного и благородного поиска истины популярно. Доля вымысла, которая будет сопутствовать изложению, служит тому же. Впрочем, этот вымысел присутствует в жизнеописаниях некоторых философов лишь настолько, насколько позволяют это сделать биографические сведения (часто очень скудные), оставленные нам историей. Допущения эти сделаны не в ущерб истине, и тем более не в ущерб читателям, они позволяют ярче представить тех философов, о которых идет речь» [5, с. 12].

Существенно, что определения понятия «истина» у Домбровского нет, но в предисловии он популярно описывает процесс поиска объективной истины с точки зрения классической философии. Если обратиться к философскому словарю, то мы обнаружим, что по поводу этого понятия в философской науке имеется множество частных подходов и трактовок. Кроме основной классической трактовки философы в последнее время разрабатывают неклассический подход, где истина «лишается объективного статуса», и постмодернистский подход, где само понятие истины отсутствует [7].

Кроме того, в рамках каждого подхода философы могут занимать либо материалистическую позицию, либо идеалистическую. Спор философов о том, какая позиция соответствует объективной истине: утверждающая, что материя первична, а сознание вторич-

прошлых веков. Глубоко владея излагаемым материалом, Домбровский сумел представить его не только на высоком научном уровне, но и с большим художественным мастерством.

Эти факторы имеют свое значение, но не только они. Очерки о философах расположены в хронологическом порядке, т.е. в определенной степени отражают историю развития философии как науки и философской мысли в разные века и эпохи. За тысячелетия сложился «золотой фонд» трудов и идей философов, имеющий общечеловеческую и вневременную культурную и нравственную ценность. Поэтому книга А. И. Домбровского является уникальным изданием, в художественной форме популяризирующим научные достижения и события жизни наиболее известных философов, память о которых сохранялась еще с тех времен, когда начала зарождаться современная цивилизация и культура.

Уникальность этого издания подтверждается тем, при поиске подобных изданий удалось обнаружить, что их совсем немного, и изданы они значительно позже, чем книга Домбровского. В обоих случаях их авторы тоже писатели и философы, поэтому представляется интерес сравнительный анализ этих изданий.

В 2002 году в Тюмени вышла книга под таким же названием, что у Домбровского. Автор¹ этих «Рассказов о философах» в предисловии не упоминает о своем предшественнике и его книге, хотя сведения о ней легко найти в Интернете. Вряд ли выбирая название для своей книги, он не знал, что книга с таким названием уже есть. Видимо, позиция этого автора состоит в том, что аналогичные издания советского времени не стоят внимания, о них следует забыть, а потому можно без объяснений взять уже обнародованное название.

Как говорится в аннотации к этому изданию: «В книге „Рассказы о философах“ повествуется о жизни и деятельности как отечественных, так и зарубежных философов – Аристотеля, Демокрита, Канта, Конта, Вл. Соловьева, П. В. Копнина и др. Книга предназначена тем, кто интересуется историей культуры, философией». В предисловии другого доктора философских наук, профессора К. Г. Рожко говорится, что «жанр этой книги философско-художественный». В авторском предисловии утверждается: «Названные произ-

или нет Чеховым – неизвестно, но интерес к личности, понимание значимости художника – налицо.

В «Пожертвованиях в пользу детей крестьян Самарской губернии» обнаруживаем фамилию жены Достоевского – Анны Григорьевны. Пожертвования совершались в Ялте. Чехов снимал квартиру на даче К. Иловойской «Омюр» с 23 октября 1898 года. 4 декабря писатель присутствовал на именинах начальницы женской гимназии В. К. Харкеевич. Вероятно, там и происходил сбор пожертвований. Анна Григорьевна Достоевская проживала в Ялте на даче Ратенек. Возможно, была на тех же именинах, где пожертвовала 10 руб., а может быть, передала деньги другим способом. Сведений о личном знакомстве Чехова и Достоевской не обнаружено.

Выявлено несколько свидетельств о понимании Чеховым особенностей художественного стиля Достоевского, манеры его письма и идейной основы. Такое понимание могло родиться лишь из прочтения большого количества произведений мастера. В письме к А. С. Суворину от 27 июля 1896 года обнаруживаем: «Ваш рассказ “Странное происшествие” прочел. Очень интересно. Похоже, будто это писали Вы, начитавшись Достоевского. Очевидно, в ту пору, когда Вы писали этот рассказ, манера Достоевского была в большем фаворе, чем манера Толстого». Еще в одном письме к Суворину, более раннем (1 ноября 1889 г.), находим: «Из “Наташи” же получилось нечто во вкусе Достоевского <...>». Речь идет о подготовке к изданию в «Новом времени» одного из рассказа г-жи Орловой, которые Суворин прислал Чехову на корректуру. Убежденность в том, что произведение получилось «во вкусе Достоевского» (заметим, после корректуры самого Чехова), возможна лишь при достаточном освоении наследия великого классика, понимании его творческих позиций.

В 1889 году Чехову было 29 лет, и если основываться на воспоминаниях В. И. Немировича-Данченко, то Чехов еще не успел познакомиться с наследием Достоевского (в частности, с романом «Преступление и наказание»). Однако приведенные факты свидетельствуют об обратном.

Еще одно письмо, подтверждающее реализацию интереса Чехова к Достоевскому, адресовано Е. М. Шавровой. 28 мая 1891 года

Чехов пишет: «<...> в таком сложном абсурде, как жизнь бедняжки Висновской, мог бы разобраться разве один только Достоевский». Речь идет о процессе Бартенева, который застрелил свою возлюбленную, актрису Висновскую. Этот сюжет и хотела положить в основу своего романа Шаврова, что Чехов счел «идеей почти сумасшедшей, даже бешеной». Мастером писать на такие темы он считает Ф. М. Достоевского. Чехов осознает Достоевского мастером трагедии, рисующим дикие надрывные ситуации, убийства и темную бездну человеческого подсознания. Однако эти изображения катастрофического явно не были близки сдержанному, предельно тактичному Чехову.

В письме к Н. А. Лейкину от 13 июля 1892 года писатель делает своеобразную реминисцентную отсылку к автору «Братьев Карамазовых»: «Бараков нет, трагедии будут разыгрываться в избах или на чистом воздухе». «В избе» и «На чистом воздухе» – названия глав последнего романа классика. В данном случае эта отсылка – еще одно подтверждение глубокого и детального знания книг предшественника, в частности «Братьев Карамазовых». В то лето Чехову было 32 года.

Позже писатель уловил «громадное, подавляющее» влияние А. С. Пушкина на Достоевского, о чем и сказал в письме к Я. С. Мерперту (29 октября 1898 г.), а это опять-таки доказательство поразительно чуткого отношения к наследию предшественника.

Особая философская идея Чехова высказана в письме к С.П. Дягилеву от 30 декабря 1902 года: «Теперешняя культура – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога – т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре». Это можно считать своеобразным заветом писателя. Некоторые исследователи (С. Г. Бочаров [1]) воспринимают это письмо как открытый выпад против Достоевского, который устами подпольного человека сказал, что «дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти». «По прямому сближению имени Достоевского с

сдачи ее первой части, он написал заявление об отказе от дальнейшей работы. Все работы на эти темы подлежали обязательному рецензированию ИМЛ (Институтом марксизма-ленинизма), который в результате, как выразился писатель, «буквально топчется на нем». В итоге трилогию пришлось закончить, но только на вторую часть от ИМЛ было около двухсот поправок. После этого писатель «вздыхнул с облегчением и сказал, что больше о философах писать не будет, так как они, особенно Маркс и Энгельс, „выели ему всю душу“» [1, с. 31–32]. Тем не менее, в дальнейшем Домбровский сделал исключение только для «философов-греков».

Конечно, с «Рассказами о философах» было не так тяжело, к тому же глава о Марксе и Энгельсе в ней не превышает дюжины страниц, но в издании 1975 года она открывала книгу. В небольшом предисловии вице-президент философского общества СССР, член-корреспондент АН СССР А. Г. Спиркин отмечал: «При огромном и постоянно растущем интересе молодежи и, в частности, старших школьников к философии мы практически пока не можем предложить им популярных книг – своего рода введения в философию и философские проблемы. А. Домбровский предпринял попытку в живой очерковой форме дать представление о философах и философии. Философские истины он постарался изложить как живые размышления живых и очень пронизательных людей» [2, с. 5]. Таким образом, Домбровский был в определенной степени открывателем научно-популярного «философского жанра», по крайней мере, в СССР.

Но если указанная трилогия о классиках марксизма с 1988 года, судя по всему, не переиздавалась, то «Рассказы о философах» в настоящее время выдержали 7 изданий, переводились на армянский и литовский языки, включались в 8-томник избранных художественных произведений писателя [2-5].

Это говорит о том, что книга востребована и сегодня, что она пережила политические и идеологические пертурбации, что она осталась современной. В условиях советской партийной цензуры автору удалось минимизировать, а в очерках даже полностью исключить ритуальные восхваления «классиков марксизма-ленинизма» и почти обязательное их цитирование по поводу философов

Анатолий Иванович Домбровский (1934–2001) вошел в историю советской русской литературы как писатель-философ. Хотя он является автором более 60 прозаических произведений многих жанров, его излюбленной темой были греческая история и греческие философы. Его первые повести и рассказы на эти темы предназначались для детского и подросткового возраста и выходили в основном в издательстве «Детская литература» в 1970–1980-х годах. Уже сами названия говорили о философской теме: «Тригогения Демокрита» (1980), «Великий стагирит» (1981), «Сад Эпикура» (1983).

К середине 1980-х годов Домбровский отходит от жанра детской литературы, и в 1990-х им создаются уже полноценные исторические романы: «Черный плащ для Перикла» (1994), «Чаша цикуты (Сократ)» (1997), «Великий стагирит (Аристотель)» (1998), «Платон, сын Апполона» (1998), «Золотой век Аспазии» (2001).

После смерти А. И. Домбровского продолжают выходить произведения на эти темы из его наследия, переиздаваться, в том числе на иностранных языках, уже знакомые читателям книги. Романы «Перикл» (2002) и «Точка опоры. Архимед» (2002) после издания в Крыму вышли в 2008 и 2009 годах на французском языке в переводе Жана Клода Фрича. Все это показывает уникальную приверженность Домбровского именно к теме жизни и творчества греческих философов на фоне исторических событий тех времен.

Начало этой большой работе было положено в середине 1970-х годов, когда увидела свет первая «философская» книга А. И. Домбровского «Рассказы о философах» (1975). С нее, как считал сам писатель, «начался новый период в его творчестве, „философский“, он возвращался к своему юношескому увлечению философией» [1, с.25]. Неудивительно, что книга открывается рассказами о греческих философах, которым позже Домбровский посвятит повести и романы: Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур.

Книга тогда не имела подзаголовков «Учебное пособие» и если вспомнить жесткие идеологические требования того времени, особенно к просветительской литературе, то можно представить, как непросто было преодолеть подобные «барьеры». К примеру, когда в середине 1980-х годов Анатолий Иванович по заказу издательства работал над трилогией о Марксе и Энгельсе, то уже после

этим позитивистски и почти агрессивно самоутверждающимся “дважды два” видно, что это место у Достоевского Чехов помнил и отрицательно скрыто цитировал <...> Чехов не верит в “религиозное движение” среди интеллигенции, а верит в культуру, которая и приведет “в далеком будущем” к познанию “настоящего Бога” – вместо, по-видимому, исторического христианства как уже “пережитка” или “остатка”. <...> Человечество вновь опознает Бога без имени как “настоящего Бога”, не “угаданного”, а рационально, “ясно” познанного в результате культурного творчества. Не угаданного верой, а доказанного разумом и культурой» [1]. Действительно, эта идея подтверждает мысль о том, что Чехов – человек поля, который всю жизнь находился в поиске Истины и Бога и который, вероятно, не до конца познал и нашел его для себя, и не потому, что не успел, а потому, что понимание и познание «настоящего Бога» для Чехова находилось целиком в будущем.

Таким образом, мы видим, что чеховских высказываний, воспоминаний о Достоевском и его творчестве сохранилось немного, но они имеют принципиальный характер. И хотя отдельные размышления и замечания о романисте не позволяют очертить истинный масштаб проблемы «Чехов–Достоевский», они служат основанием к постановке данного вопроса, становятся отправной точкой в дальнейшем компаративном изучении художественного мира двух высочайших авторов отечественной словесности.

Список использованных источников

1. Бочаров С. Г. Чехов и философия // С. Г. Бочаров [Электронный ресурс] // Энциклопедия культур DeJaVu. – Режим доступа : <http://ec-dejavu.ru/c-2/Chekhov.html>. Дата обращения: 16.08.2017.
2. Громов М. П. Скрытые цитаты (Чехов и Достоевский). Цит. по: Торопова Л. А. Островский, Достоевский и Чехов: об алгоритме поэтики XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 9 (27). – 2013. – Часть 2. – С. 187–196 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_9-2_51.pdf. Дата обращения: 16.08.2017.
3. Лазаревский Б. А. А. П. Чехов // Б. А. Лазаревский [Электронный ресурс] // Антон Павлович Чехов. – Режим доступа : <http://>

chehov.niv.ru/chehov/vospominaniya/lazarevskij.htm . Дата обращения: 16.08.2017.

4. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова : 1884 // Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наследие, 2000. – Т. 1: 1860–1888. – 2000. – С. 143–182. [Электронный ресурс] // Антон Павлович Чехов. – Режим доступа : <http://chehov.niv.ru/chehov/bio/letopis/letopis-1884.htm> . Дата обращения: 16.08.2017.

5. Немирович-Данченко В. И. Чехов // В. И. Немирович-Данченко // [Электронный ресурс] Антон Павлович Чехов. – Режим доступа : <http://chehov.niv.ru/chehov/vospominaniya/nemirovich-danchenko.htm> . Дата обращения: 16.08.2017.

6. Паперный З. С. Вступительная статья [Гришунин А. Л., Долотова Л. М., Мелкова А. С., Опульская Л. Д., Паперный З. С., Полоцкая Э. А., Сахарова Е. М.] Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982.

7. Турков А. «Неуловимый» Чехов // А. Турков [Электронный ресурс] // Антон Павлович Чехов. – Режим доступа : <http://chehov.niv.ru/chehov/vospominaniya/turkov.htm>. Дата обращения: 16.08.2017.

8. Чехов А. П. Записная книжка I // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982.

9. Чехов А. П. Осколки московской жизни // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982.

10. Чехов А. П. Осколки московской жизни. Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982.

УДК: 821.161.1;
82.091

«РАССКАЗЫ О ФИЛОСОФАХ» А. И. ДОМБРОВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мешков Валерий Алексеевич,

кандидат технических наук,

член редколлегии газеты «Обозрение крымских дел»

(г. Евпатория, РФ)

e-mail: M25V02A1948@yandex.ru

В работе показано, что крымский писатель-философ А.И. Домбровский был в определенной степени открывателем научно-популярного «философского жанра», по крайней мере, в СССР. Его «Рассказы о философах», изданные более 40 лет назад, с тех пор много раз переиздавались, а также переводились на другие языки. При высоких художественных достоинствах книга является полезным учебным пособием и популярным изложением истории философии. Это позволяет «Рассказам о философах» быть востребованными и сегодня, на фоне немногочисленных подобных изданий в России и за рубежом. На примере анализа «философии» Айн Рэнд показана ценность книги Домбровского для разоблачения идеалистических лжеучений и выработки объективного реалистического миропонимания.

Ключевые слова: *греческая история, греческая философия, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, объективизм, разумный эгоизм, альтруизм, миропонимание.*

© В. А. Мешков, 2018

This article raises the question of the need to create a special psychological and artistic textbook for adolescent reading.

Keywords: *reading, teenager, textbook, fiction.*

References

1. Anokhina E. Yu. Doklad na temu «Problema detskogo chteniya i internet» [Report on “the problem of children’s reading and the Internet”] // access mode: https://www.metod-kopilka.ru/doklad_na_temuquotproblema_detskogo_chteniyaquot-46307.htm (04.09.2017).

F. M. DOSTOEVSKY IN THE PERCEPTION OF A.P. CHEKHOV-READER

Blinova Anastasia Viktorovna,

*post-graduate student of the Department of Russian and foreign literature of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Russia)
e-mail: nastuxa_2006@list.ru*

The article presents an analysis of memoirs, statements, individual remarks and reflections of Anton Chekhov on the personality of Fyodor Dostoyevsky, his artistic principles and ideological covenants.

Keywords: *Memoirs, Letters, Analysis, Contacts, Comparison.*

References

1. Bocharov S. G. Chehov i filosofiya [Chekhov and philosophy] // G. S. Bocharov [Electronic resource] // encyclopedia of cultures DeJaVu. - Access mode : <http://ec-dejavu.ru/c-2/Chekhov.html> Oh . Date of access: 16.08.2017.
2. Gromov M. P. Skryityie tsitatyi (Chehov i Dostoevskiy) [Hidden quotations (Chekhov and Dostoyevsky)]. Cyt. po: Toropova L. A. Ostrovsky, Dostoyevsky and Chekhov: on the poetics algorithm of the XIX century // Philological Sciences. Issues of theory and practice. – No. 9 (27). - 2013. - Part 2. – S. 187-196 [Electronic resource]. - Access mode: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_9-2_51.pdf Oh . Date of access: 16.08.2017.
3. Lazarevsky B. A. A. P. Chekhov [A. P. Chekhov] // B. A. Lazarevsky [Electronic resource] // Anton Pavlovich Chekhov. - Access mode : <http://chehov.niv.ru/chehov/vospominaniya/lazarevskij.htm> Oh . Date of access: 16.08.2017.
4. Letopis zhizni i tvorchestva A. P. Chehova : 1884 [The chronicle of life and creativity of A. P. Chekhov : 1884 // the Chronicles of life and creativity of A. P. Chekhov] / Rus. Acad. sciences’. In-t world lit. they. A. M. Gorky. – M.: Heritage, 2000. – Vol. 1: 1860-1888. – 2000. – P. 143-182. [Electronic resource] // Anton Pavlovich Chekhov. - Access

mode : <http://chehov.niv.ru/chehov/bio/letopis/letopis-1884.htm> Oh . Date of access: 16.08.2017.

5. Nemirovich-Danchenko V. I. Chekhov [Chekhov] // V. I. Nemirovich-Danchenko // [Electronic resource] Anton Pavlovich Chekhov. - Access mode : <http://chehov.niv.ru/chehov/vospominaniya/nemirovich-danchenko.htm> Oh . Date of access: 16.08.2017.

6. Z. S. Paperny Vstupitel'naya statya [The Introductory article [Grishunin, A. L., Bolotova L. M., Malkova A. S., Opolska L. D., Z. S. Paperny, Polotsk, E. A., Sakharova E. M.] notes] // Chekhov A. P. Complete works and letters: In 30 t Works: 18 volumes / USSR Academy of Sciences. In-t world lit. they. A. M. Gorky. - Moscow: Science, 1974-1982.

7. The Turks A. «Neulovimiy» Chehov ["Elusive" Chekhov] // A. the Turks [Electronic resource] // Anton Pavlovich Chekhov. - Access mode : <http://chehov.niv.ru/chehov/vospominaniya/turkov.htm> Oh . Date of access: 16.08.2017.

8. Chekhov A. P. Zapisnaya knizhka I [Notebook I] // Chekhov A. P. Complete works and letters: In 30 t Works: 18 volumes / USSR Academy of Sciences. In-t world lit. they. A. M. Gorky. - M.: The Science, 1974-1982.

9. Chekhov A. P. Oskolki moskovskoy zhizni [The Fragments of Moscow life] // Chekhov A. P. Complete works and letters: In 30 t Works: 18 volumes / USSR Academy of Sciences. In-t world lit. they. A. M. Gorky. - M.: The Science, 1974-1982.

10. Chekhov A. P. Oskolki moskovskoy zhizni. Primechaniya [The Fragments of Moscow life. Notes] // Chekhov A. P. Complete works and letters: In 30 t Works: 18 volumes / USSR Academy of Sciences. In-t world lit. they. A. M. Gorky. - M.: The Science, 1974-1982.

3. Николаева О. Любовные доказательства.

4. Распутин В. Живи и помни.

5. Поляков Ю. Замыслил я побег...

6. Быков В. Альпийская баллада.

7. Айтматов Ч. Джамия.

Таким образом, мы поставили вопрос о необходимости создания специального пособия для подростков, включающего в себя междисциплинарные параллели (рассмотрение актуальных для подросткового возраста проблем на стыке психологии и литературы). Мы считаем, что такого рода пособие поможет решить проблему нравственного воспитания старших школьников и в том числе проблему подросткового чтения. Такое пособие могла бы быть полезным как на уроках по психологии, так и на уроках по литературе, поскольку является дополнением к официальной программе, которое развивает у учащихся интерес к научному поиску, является стимулом развития мыслительного процесса, логических построений. Тут не нужно что-то заучивать и сдавать экзамен, а нужно учиться думать и поступать нравственно.

Список использованных источников

1. Анохина Е. Ю. Доклад на тему «Проблема детского чтения и интернет» // режим доступа: https://www.metod-kopilka.ru/doklad_na_temuquotproblema_detskogo_chteniyaquot-46307.htm (дата обращения 04.09.2017).

ON NECESSITY OF SPECIAL BENEFITS FOR TEEN READ

Irina Vladimirovna Logvinova,

*PhD in philological Sciences, senior lecturer
Moscow Institute of music A. G. Schnittke (Moscow, Russia)*

Ekaterina Markovna Orlova,

*PhD in psychological Sciences, senior lecturer
Moscow Institute of music A. G. Schnittke (Moscow, Russia)*

вается тема уважительного отношения друг к другу. Книги, в которых он почерпнет морально-нравственные основы нормальных человеческих взаимоотношений.

Мы ставим проблему необходимости создания психолого-художественного пособия для подросткового чтения и предлагаем свой проект. Пособие задумано совместно с психологом, кандидатом психологических наук, преподавателем музыкального колледжа Московского института музыки им. А. Г. Шнитке Орловой Е. М. и состоит из двух разделов (названия условные, отражающие суть этих разделов): 1) Психология любви; 2) Художественная литература о любви.

В первый раздел должны войти тексты по психологии подросткового возраста, которые преподаватель психологии использовала бы в качестве иллюстративного материала и материала для творческих заданий на уроках психологии. К каждому тексту могут быть предложены интересные творческие задания, развивающие логику подростка, формирующие его нравственное поведение. Мы предлагаем включать в первый раздел хрестоматии классические, проверенные временем тексты таких философов и психологов, как З. Фрейд, К. Г. Юнг, О. Вейнингер («Пол и характер»), В. М. Бехтерев, М. Я. Басов, Б. Г. Ананьев, В. В. Розанов, П. Гумеров и др. Предполагается также использование опыта дореволюционных гимназий и старых гимназических учебников и пособий, а также привлечение православных авторов, в частности, о Иоанна Крестянкина. Цель первого раздела – познакомить учащегося с классическими научными текстами и концепциями, развивая его эрудицию.

Второй раздел должен содержать лекции-разборы текстов художественных произведений о любви жертвенной, благородной. Эти произведения должны помочь подростку задуматься о том, что такое настоящая любовь. У любви столько оттенков и смыслов, сколько людей на планете, но есть у них что-то общее, какая-то общая морально-нравственная основа, вечные ценности. Мы думаем, что в основу второго раздела могут быть отобраны следующие произведения (не входящие в школьную программу):

1. Эмден Э. Дом с волшебными окнами.
2. Осеева В. Динка.

УДК 821.161.1

АНТИНОМИИ РОМАНТИЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. П. ЧЕХОВА

Иванова Наталья Павловна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; (Симферополь, РФ); e-mail: n-p-ivanova@yandex.ru

В статье рассматривается реализация таких ключевых для романтического мировосприятия бинарных оппозиций, как «верх – низ», «ожидаемое / желаемое – действительное», «реальный мир – иномирие», в художественном пространстве произведений А. П. Чехова. В ходе анализа делаются выводы об особенностях ментального пространства этого автора, а также других писателей XIX века.

Ключевые слова: *ментальное пространство, художественное пространство, художественный мир, романтическое мировосприятие, бинарные оппозиции «верх – низ», «ожидаемое / желаемое – действительное», «реальный мир – иномирие».*

В конце XX века в литературоведении появились исследования, позволяющие квалифицировать литературный пейзаж как одно из основных средств реализации ментального пространства автора,

что дало возможность анализировать произведение на качественно новом уровне, обозначенном В. Н. Топоровым, указавшим на необходимость рассматривать художественный текст «сквозь призму пространственности» («Пространство и текст», 1983). Именно такого рода исследования проведены в монографиях В. Н. Гвоздеа «Меж двух миров. Некоторые аспекты чеховского реализма» (1999), М. О. Горячевой «Проблема пространства в художественном мире А. Чехова» (1992), А. Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» (2005). Однако методика рассмотрения ментального пространства автора посредством анализа экспликации ключевых бинарных оппозиций в картинах окружающего мира не являлась для них ключевой. При этом такая методика представляется весьма продуктивной и является основой проводимого исследования.

Целью статьи является анализ реализации таких ключевых для романтического мировосприятия бинарных оппозиций, как «верх – низ», «ожидаемое / желаемое – действительное», «реальный мир – иномирие», в художественном пространстве произведений А. П. Чехова. Задачи статьи: 1) интерпретировать картины окружающего мира в произведениях А. П. Чехова как фрагменты ментального пространства автора, отражающие его мировосприятие и систему ценностей; 2) на основе анализа фрагментов авторского ментального пространства сделать вывод об особенностях художественной системы писателя.

Творчество А. П. Чехова завершает художественную и ментальную эволюцию русской прозы XIX века. Малые жанры, которым отдавали предпочтение писатели рубежа XIX и XX веков, отражают традиции романного мышления, характерного для Золотого века русской литературы. По мнению М. Е. Елизаровой, действительность, отраженная в произведениях малых жанров, вызывает ощущение части обширного целого, стоящей за одним повествовательным планом многоплановости.

Подобной многоплановостью характеризуется и чеховское ментальное пространство, в котором нашли отражение практически все ключевые бинарные оппозиции русской литературы XIX века, что позволяет сделать выводы об итогах их эволюции: «...пространственный мир в произведениях Чехова, изначально понимаемый и

ков от чтения, и проблеме чтения как источника жизненного опыта. Так, Е. Ю. Анохина пишет: «В жизни детей чтение играет особую роль, гораздо более важную, чем в жизни взрослых. Поскольку дети и подростки еще не принимают участия во многих видах деятельности, формирующих личность, чтение является для них источником косвенного жизненного опыта» [1].

Нам видится проблема не в том, что подросток не хочет читать, а в том, что ему нечего читать, кроме предлагаемой школьной программы, которая кажется ему во многом скучной и устаревшей (например, поэзия Серебряного века увлекает далеко не всех подростков). Поэтому необходимо создать что-то качественно новое и, как говорится, на все времена. Так возникла идея специальной хрестоматии для старшеклассников, которая бы удовлетворила соответствующие их возрасту запросы.

Мы исходим из того, что, в силу своего возраста, подростки интересуются вопросами межличностных взаимоотношений, пола, любви. Существует огромное количество книг современных авторов, которые пишут на близкие подростку темы, однако, не все они имеют положительное влияние на психическое и половое развитие подростка. Хотя на книгах сейчас ставят маркировки 16+ и 18+, они доступны в сети Интернет, либо попадают в поле зрения подростка каким-нибудь иным способом. При этом, не все книги, имеющие ограничение по возрасту, на самом деле являются вредными для читателя, которому еще не исполнилось 16 лет. Например, «Русская канарейка» Дины Рубиной вполне может быть прочитана подростком. А вот романы Ч. Буковски, содержащие нецензурную лексику и аморальные сцены, конечно, мы бы подросткам рекомендовать не стали.

Мы считаем, что проблема состоит не в том, чтобы перебирать современных авторов и достоинства или недостатки их книг в расчете на подростковое чтение, а в том, чтобы создать учебное пособие, которое бы сориентировало подростка, что ему читать в поисках ответов на самые насущные его жизненные проблемы (он интересуется, в силу особенностей своего возраста, вопросами физиологии и психологии отношений с противоположным полом). Поэтому нужно дать ему для чтения такие книги, в которых разви-

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 1, 2018, ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О НЕОБХОДИМОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ ПОДРОСТКОВОГО ЧТЕНИЯ

Логвинова Ирина Владимировна,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московского института музыки им. А.Г. Шнитке
(г. Москва, РФ); e-mail: logvinova@instrao.ru*

Орлова Екатерина Марковна,

*кандидат психологических наук, старший преподаватель
Московского института музыки им. А.Г. Шнитке
(г. Москва, РФ)*

В данной статье ставится вопрос о необходимости создания специального психолого-художественного учебного пособия для подросткового чтения.

Ключевые слова: чтение, подросток, пособие, художественная литература.

Современный подросток, увлекающийся, в основном, компьютерами, которые развивают у него клиповость мышления и дробят картину мира, на наш взгляд, нуждается в пристальном внимании. Если проблемами чтения детей дошкольного и младшего школьного возраста исследователи занимаются постоянно, то подростковое чтение представляет собой широкое проблемное поле уже в силу того, что интересы современных подростков сильно зависят от изменений, происходящих в мире электроники и информационных технологий. Многие исследования посвящены отказу подрост-

рисующий как безграничный, оказывается рассечен, усложнен введением малых пространств. Эти очерченные микромиры, характеризующиеся определенным соотношением с макромиром, становятся выражением важнейших смысловых начал: связываются с судьбами героев, их образом жизни, включают в себя аксиологические константы чеховского миропонимания» [4, с. 70].

Традиционные для романтического мировосприятия оппозиции «верх – низ» и «ожидаемое – действительное» эксплицированы в картинах окружающего мира чеховской повести «Дуэль». Однако, в отличие от мировосприятия А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, в ментальном пространстве А. П. Чехова первая из указанных антиномий нивелируется, вторая же, как в ментальных пространствах А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, оказывается непреодолимой, так как о связанных с Кавказом ожиданиях Надежды Федоровны автор пишет следующее: «Когда она ехала на Кавказ, ей казалось, что она в первый же день найдет здесь укромный уголок на берегу, уютный садик с тенью, птицами и ручьями, где можно будет садить цветы и овощи, разводить уток и кур, принимать соседей, лечить бедных мужиков и раздавать им книжки; оказалось же, что Кавказ – это лысые горы, леса и громадные долины, где надо долго выбирать, хлопотать, строиться, и что никаких тут соседей нет, и очень жарко, и могут ограбить» [10, Т. 7, с. 370]. При этом существует контраст между описанием гор с указанием на их традиционно романтическую рецепцию и перечеркивающим ее восприятием этой картины природы: «Мрачная и красивая гора местами прорезывалась узкими трещинами и ущельями, из которых веяло наехавших влагой и таинственностью; сквозь ущелья видны были другие горы, бурые, розовые, лиловые, дымчатые или залитые ярким светом. Слышалось изредка, когда проезжали мимо ущелий, как где-то с высоты падала вода и шлепала по камням.

– Ах, проклятые горы, – вздыхал Лаевский, – как они мне надоели!» [10, Т. 7, с. 376].

Таким образом, в мировосприятии чеховских героев, в отличие от героев М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого, горы не становятся ценностным ориентиром, не служат ступенями на пути преодоления оппозиции «верх – низ», а их созерцание не является отправной

точкой духовных преобразований. То же происходит и с другими составляющими «верха» – небом и звездами, – описанными сквозь призму ключевой ментальной оппозиции «временное – вечное». К примеру, в повести «Степь» читаем: «... звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека...» [10, Т. 7, с. 65]. Однако традиционное восприятие неба как обители высших существ или душ умерших при этом сохраняется: 1) «Кузьма поглядел на образ, на небо, на деревья, как бы ища бога...» («Встреча») [10, Т. 6, с. 128]; 2) «...кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды, видит все, что происходит в Уклееве, сторожит» («В овраге») [10, Т. 10, с. 165]; 3) Липа «глядела на небо и думала о том, где теперь душа ее мальчика» («В овраге») [10, Т. 7, с. 173].

Нивелирование оппозиции «небо – земля» в чеховском ментальном пространстве отмечает и М. О. Горячева: «...традиционные смысловые начала здесь ярко не проявляются, а топоры “небо” и “земля” в чеховском мире даются не в противопоставлении, а в соединении как части единого целого – естественного мира, окружающего человека» [3, с. 146]. В отличие от романтиков, А. П. Чехов изображает в качестве связующего звена между землей и небом не горы, а человека, положение которого на ментальной оси «верх – низ» эксплицировано в рассказе «Счастье»: «Бодрствующий человек в центре мироздания: между спящими овцами и дремлющими звездами; он – связующее звено между животным “низом” и небесным “верхом”» [3, с. 148].

Существование в ментальном пространстве А. П. Чехова другой оппозиции – «ожидаемое / желаемое – действительное» – порождает свойственное А. С. Пушкину и Ф. М. Достоевскому стремление преодолеть ее посредством смены пространства: 1) «...солнечный свет и звуки говорили, что где-то на этом свете есть жизнь чистая, изящная, поэтическая. Но где она?» («Володя») [10, Т. 6, с. 205]; 2) «Бежать подальше от этих извергов, в Кубань, например... А как хороша Кубань! Если верить письмам дяди Петра, то какое чудное приволье на Кубанских степях! И жизнь там шире, и лето длинней, и народ удалее...» («Барыня») [10, Т. 1, с. 271]; 3) «Славные места!.. Приволье! Сказывают, птицы этой самой, дичи, зве-

3. Kur'yanov S.O. Neskol'ko slov o Krymskom tekste (Razgranicheniye ponyatiy Krymskiy motiv, obraz Kryma i Krymskaya tema) // Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii» Tom 27 (66). № 2. – S. 171–176.

4. Lyusy A.P. Naslediye Kryma: geosofiya, tekstual'nost', identichnost'. Moskva: Russkiy impul's, 2007. 240 s.

5. Novikov S. Pravila stikhoslozheniya. Simferopol': Krymskiy Arkhiv, 2008. 103 s.

6. Ovcharenko S. Staryye dvory: Sbornik. Simferopol', 2005. 75 s.

7. Tel'minova-Penziy L. Stikhi // Mode of access: URL: <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/611-stikhi> (data obrashcheniya 8.09.2017).

8. Timofeyeva T. Stikhi // Mode of access: URL: <http://krimforum.ru/archive/index.php/t-5662.html> (data obrashcheniya 8.09.2017).

9. Florenskaya I. Stikhi // Mode of access: URL: https://www.facebook.com/irena.florenskaya.7?ref=br_rs (data obrashcheniya 8.09.2017).

MYTH ABOUT EYPATORIA: IMAGES OF THE CITY IN THE WORKS OF THE CRIMEAN POETS

Tolokonnikova Svetlana Yurievna,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Researcher of the Research Department*

*Borisoglebsky Branch of Voronezh State University,
Voronezh Region, Borisoglebsk, ul. Narodnaya, 43,
tel.: +7 (47354) 6-04-92, e-mail: toloksvetlana@yandex.ru*

Crimean literature of the 20th-early 21st centuries is very patriotic. Patriotic plays an enormous role in the creative work of authors' themes of Eypatorians. There are a lot of the texts, where Eypatoria appears in a mythological image. The main goal of our research is a study of the way in which the myth about this city in the works of contemporary authors related to Eypatoria was formed. While analyzing the poetic texts the intertextual, mythopoetical and semiotic methods were used. The article concludes that in a poetry about Crimea, there is Eypatoria, a city which exists beyond the familiar concepts of time and space. It is a fairy city, where its real and mythological features are intertwined. We research signs of myth about Eypatoria in poems by S. Novikov, A. Abdulov, S. Ovcharenko, I. Florenskaya, T. Timofeyeva, L. Telminova-Penzij. Each of these poets create their own idea about Eypatoria. But in almost all the verses the same signs of the City appear: out of time nature, mythological chronotope, multiculturalism, the ability to divert the lyrical hero to the fairy world. Such an interpretation of this image largely correlates with the tradition of the Crimean text in Russian literature.

Keywords: *Eypatoria, Crimea, poetry, myth, chronotop, multiculturalism, space, time, image.*

References

1. Abdulov A. Stikhi // Mode of access: URL: http://crimea-tour.ru/eypatoriya_art.html (data obrashcheniya 8.09.2017).
2. Kur'yanova V. V. Krymskiy tekst v tvorchestve L. N. Tolstogo: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.02 Russkaya literatura. Simferopol', 2013. 241 s.

рья всякого и – боже ты мой! Трава круглый год растет, народ – душа в душу, земли – девать некуда!» («На большой дороге») [10, Т. 11, с. 189]; 4) «Сибирь – такая же Россия, такой же бог и царь, что и тут... Только там приволья больше и люди богаче живут. Все там лучше. Тамошние реки, к примеру взять, куда лучше тутошних!» («Мечты») [10, Т. 5, с. 400].

О непреодолимости же оппозиции «ожидаемое / желаемое – действительное» в чеховском ментальном пространстве наиболее убедительно свидетельствует рассказ «Мечты», в котором путники мечтают дойти до «привольных мест», однако действительность их не отпускает почти в прямом смысле этого слова: «Путники давно уже идут, но никак не могут сойти с небольшого клочка земли. Впереди них сажень пять грязной, черно-бурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стена белого тумана. Они идут, идут, но земля все та же, стена не ближе, и клочок остается клочком... Ноги путников вязнут в тяжелой, липкой грязи. Каждый шаг стоит напряжения» [10, Т. 5, с. 146].

И при этом герои очень скоро понимают, «что мечты о счастье не вяжутся с серым туманом и черно-бурой грязью», – в этом обнаруживается точка соприкосновения ментальных пространств А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского. Человек оказывается бессильным не только преодолеть пространство между желаемым и действительным, но даже до конца представить себе его: «Сотские напрягают ум, чтобы обнять воображением то, что может вообразить себе разве один только бог, а именно то страшное пространство, которое отделает их от вольного края» («Мечты») [10, Т. 5, с. 148]. Окончательным приговором попыткам преодолеть оппозицию «ожидаемое/желаемое – действительное» звучат слова Никандра и Птахи:

«– И впрямь тебе не дойти! – соглашается Птаха. – Какой ты ходок! Погляди на себя: кожа да кости! Умрешь, брат!

– Известно, помрет! Где ему! – говорит Никандр. – Его и сейчас в гошпиталь положут... Верно!

Не помнящий родства с ужасом глядит на строгие, бесстрастные лица своих зловещих спутников и, не снимая фуражки, выпучив глаза, быстро крестится... Он весь дрожит, трясет головой, и всего

его начинает корчить, как гусеницу, на которую наступили...» («Мечты») [10, Т. 5, с. 149]. В этом видится предвещание горьковской притчи о праведной земле, достижение которой являлось смыслом жизни одного из героев пьесы «На дне», поэтому особенно ясно, что приведенный выше диалог – это приговор самому бродяге, а заодно и мотиву дороги, существующему в ментальном пространстве романтиков. Таким образом, путь в никуда – это еще одна точка соприкосновения ментальных пространств А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского.

Невозможность преодолеть антиномию «ожидаемое / желаемое – действительное» путем смены обстановки приводит к тому, что в чеховской картине мира очень часто возникают многочисленные варианты замкнутого пространства, из которого нет выхода. Упомянув о них, автор эксплицирует состояние героя. По наблюдениям М. О. Горячевой, это яма («Огни»), ловушка и заколдованный круг («Палата № 6»), клетка и ловушка («У знакомых»), сумасшедший дом или арестантские роты и отдельные клетки («Дама с собачкой»), твердая скорлупа («Расстройство компенсации»), футляр («Человек в футляре»), колодец и скорлупа («Дуэль»).

Однако, в отличие от героев Ф. М. Достоевского, чеховские герои понимают невозможность преодолеть оппозицию «ожидаемое / желаемое – действительное» путем смены пространства: «...кто ищет спасения в перемене места, как перелетная птица, тот ничего не найдет, так как для него земля везде одинакова... Искать спасения в людях? В ком искать и как? Доброта и великодушные Самойленка так же мало спасительны, как смешливость дьякона или ненависть фон Корена. Спасения надо искать только в себе самом, а если не найдешь, то к чему терять время, надо убить себя, вот и все...» («Дуэль») [10, Т. 7, с. 381]. Интересно, что этот весьма реалистический вывод соседствует с парафразами следующих лермонтовских текстов и их романтическим индивидуализмом: 1) «...любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой» («Герой нашего времени») [6, Т. 4, с. 35]; 2) Но, потеряв отчизну и свободу, / Я вдруг нашел себя, в себе одном» («Отрывок») [6, Т. 1, с. 105]. Тем не менее, вывод о том, что причи-

некий универсальный мифологический образ Евпатории – необычного, сказочного города с особенной, сакральной действительностью. Такая трактовка данного образа во многом коррелирует с традицией крымского текста в русской литературе (о котором писали А.П. Люсьй [4], С.О. Курьянов [3], В.В. Курьянова [2] и ряд других исследователей). Особенности соотношения и взаимодействия мифа о Евпатории и крымского мифа мы планируем рассмотреть в своих последующих работах.

Список использованных источников

1. Абдулов А. Стихи // Mode of access: URL: http://crimea-tour.ru/evpatoriya_art.html (дата обращения 8.09.2017).
2. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02 Русская литература. Симферополь, 2013. 241 с.
3. Курьянов С.О. Несколько слов о Крымском тексте (Разграничение понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 27 (66). № 2. – С. 171–176.
4. Люсьй А.П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. Москва: Русский импульс, 2007. 240 с.
5. Новиков С. Правила стихосложения. Симферополь: Крымский Архив, 2008. 103 с.
6. Овчаренко С. Старые дворы: Сборник. Симферополь, 2005. 75 с.
7. Тельминова-Пензий Л. Стихи // Mode of access: URL: <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/611-stikhi> (дата обращения 8.09.2017).
8. Тимофеева Т. Стихи // Mode of access: URL: <http://krimforum.ru/archive/index.php/t-5662.html> (дата обращения 8.09.2017).
9. Флоренская И. Стихи // Mode of access: URL: https://www.facebook.com/irena.florenskaya.7?ref=br_rs (дата обращения 8.09.2017).

*В многомерном измеренье вижу греков и римлян...
Приезжал на поклонение в новую мечеть султан
(Л. Тельминова-Пензий
«Древний город, Черноморье...» [7]).*

В Евпатории С. Новикова можно заблудиться во времени, ведь этот город живет вне этой категории в ее привычном восприятии:

*Этот город – словно Мекка
Для киношников соседних:
Приснопамятного века
На песке оплот последний.*

*Переулочки и дачи,
Крыш татарских черепица...
В проходных дворах незрячих,
Как в столетях заблудиться...
(«Евпатория») [5, с. 22].*

Время в таких евпаторийских стихах не течет из прошлого в будущее. Это, скорее, сакральное мифологическое время, в котором все три обычные ипостаси – прошлое, настоящее и будущее – представляют собой единый конгломерат. Они переплетены, слиты, сосуществуют внутри отдельно взятого волшебного пространства Евпатории, омываемого морем – началом начал. Попав в этот необыкновенный циклический хронотоп, герои, как и сам город, приобретают божественное бессмертие. Выпав из него, они вновь оказываются в обычном тленном мире, лишенном чудес.

Итак, каждый из рассмотренных поэтов, с одной стороны, создает свое собственное представление о Евпатории. Оно сформировано его уникальным жизненным опытом, личными особенностями восприятия бытия и так далее. С другой стороны, практически во всех евпаторийских стихах появляются одни и те же приметы города: вневременность, мифологический хронотоп, мультикультурность, способность увести лирического героя в некий сказочный мир и пр. Таким образом, в поэзии крымских авторов создается

на невозможности преодоления оппозиции «ожидаемое/желаемое – действительное» кроется в самом ее носителе, справедлив для чеховского ментального пространства. Весьма убедительное доказательство этого тезиса встречаем в рассказе «В Париж», герой которого, получив возможность достигнуть желаемого путем смены пространства, восклицает: «В Париж! Ах, дурни, прости господа! Добро бы еще в Москву или в Киев, а то – на тебе! ... в Париж!.. Чтоб я пропал, ежели поеду!.. Что мы там с немцами делать будем?» [10, Т. 5, с. 49]. А главное, оппозиция «ожидаемое/желаемое – действительное», как практически все антиномии чеховского ментального пространства, сопрягается с его ключевой бинарной оппозицией «временное – вечное»: «В голове Саньки копошилось... одно недоумение: почему клады ищут только старики и к чему сдалось земное счастье людям, которые каждый день могут умереть от старости?» («Счастье») [10, Т. 5, с. 49].

Еще одна традиционно романтическая ментальная оппозиция «реальный мир – иномирие» также существует в чеховском ментальном пространстве. Интересно, что эта оппозиция характерна в большей мере для раннего творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, но для позднего творчества А. П. Чехова. При этом гоголевские традиции явно присутствуют в чеховских картинах окружающего мира.

Так, в Ефиме Жмене из рассказа «Счастье» совершенно отчетливо угадывается Басаврюк, при этом автором даже используются традиционные для гоголевского творчества украинизмы: «Тогда еще я заметил, что Жменя душу свою сгубил и нечистая сила в нем... Ефимка, бывало, смолоду все молчит и молчит, да на тебя косо глядит, все он словно дуется и пыжится, как пивень перед куркою. Чтоб он в церковь пошел, или на улицу с ребятами гулять, или в кабак – не было у него такой моды, а все больше один сидит или со старухами шепчется. Молодым был, а уж в пасечники да в бакчевники нанимался. Бывало, придут к нему добрые люди на бакчи, а у него арбузы и дыни свистят. Раз тоже поймал при людях шуку, а она – го-го-го-го! захохотала...» [10, Т. 5, с. 45]. Как и в «Вечере накануне Ивана Купала», описания представителя «иномирия» даны по принципу градации, так как следу-

ющее воспоминание о встрече со Жменей уже сопровождается картиной усиливающейся бури: «Гроза собиралась, и такая была буря, что сохрани царица небесная, матушка... Поспешаю я что есть мочи, гляжу, а по дорожке, промеж терновых кустов – терен тогда в цвету был – белый вол идет. Я и думаю: чей это вол? Зачем его сюда занесла нелегкая? Идет он, хвостом машет и му-у-у! Только, это самое, братцы, догоняю его, подхожу близко, глядь! – а уж это не вол, а Жменя. Свят, свят, свят! Сотворил я крестное знамение, а он глядит на меня и бормочет, бельмы выпучивши. Испужался я, страсть! Пошли рядом, боюсь я ему слово сказать, – гром гремит, молонья небо полосует, вербы к самой воде гнутся, – вдруг, братцы, накажи меня бог, чтоб мне без покаяния помереть, бежит поперек дорожки заяц... Бежит, остановился и говорит по-человечьи: “Здорово, мужики!”» [10, Т. 5, с. 46].

Интересно, что и в чеховском, и в гоголевском ментальном пространстве невозможно провести четкую границу между реальным миром и иномирием. Дьякон в «Дуэли» говорит: «А вот у меня есть дядька-поп, так тот так верит, что когда в засуху идет в поле дождя просить, то берет с собой дождевой зонтик и кожаное пальто, чтобы его на обратном пути дождик не промочил. Вот это вера! Когда он говорит о Христе, так от него сияние идет и все бабы и мужики навзрыд плачут, он бы и тучу эту остановил и всякую бы вашу силу обратил в бегство. Да... Вера горами двигает» [10, Т. 7, с. 368].

Однако в реальном мире возможно присутствие и составляющих отрицательного иномирия, как в «Случае из практики»: «Главный же, для кого здесь все делается, – это дьявол. И он думал о дьяволе, в которого не верил, и оглядывался на два окна, в которых светился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрел на него сам дьявол, та неведомая сила, которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничем не исправишь» [10, Т. 10, с. 38]. При этом составляющие отрицательного иномирия далеко не всегда названы, как в «Старом доме», однако их присутствие отчетливо ощущается: «А в этой квартирке из трех комнат все насквозь пропитано бактериями и бациллами. Тут нехорошо. Тут погибло много жильцов, и я положительно утверждаю, что эта квартира кем-то когда-то была прокля-

*Я живу в приморском городке
И прекрасней места нет на свете.*

*Здесь прибой сердито не ворчит,
Воздух свеж и полон вдохновенья.
Каждая из улочек звучит
Строчкой своего стихотворенья*

(«Кто живет на Яузе-реке...») [6, с. 6].

В текстах этого евпаторийца Город храним морем. Он «<...> драгоценной панагией / Дремлет на груди у Нептуна» («Сердце царапнула ностальгия...») [6, с. 7]. Море С. Овчаренко – это не величественная и полная тайн стихия, а скорее колыбель для лирического героя и его любимого Города.

Вневременность Евпатории – это еще один ее мифологический признак в крымской литературе. У каждого из поэтов он имеет собственные черты, однако есть и общая точка пересечения – особого рода синкретичность, характерная для мифического начала времен у многих древних народов. В нем запросто могут сосуществовать реалии, не сочетающиеся между собой в профанном, эмпирическом времени. Синкретизм художественного времени в текстах о Евпатории обычно передается через смешанные описания деталей жизни разных эпох и народов, которые тут и там мелькают в настоящем. Например:

*По серебряной дорожке прогуляюсь – в никуда,
В лунных блёстках изумрудней и прозрачнее вода.
Закружили переулки, древних улиц хоровод,
Приглашая на прогулку, вечность за руку ведёт.*

*Вижу старые кофейни, и фонтаны, и мостки...
Ловят рыбу, сушат сети, ходят в море рыбаки.
С минаретов муэдзины зазывают на намаз,
Собираются Ундины, тащат в бани чай и таз.*

*Качают волны бархатный ковёр
Морской травы, намытой зимним штормом.
В моём уме сплетается узор
Из прилетевших с ветром рифм проворных
(«Тайна творчества») [9];*

*Я на холстах песка у моря
Люблю этюды рисовать,
Встречать у пенной кромки зори,
И в мыслях строки рифмовать.
Над водной гладью серебристой
Парить восторженной душой,
Мир, ощущая светлым, чистым,
Ведомым Божьей красой!
(«Kredo») [9];*

*Молюсь, взирая в Небеса,
И милости прошу у Бога.
Молюсь и верю в чудеса
На трудной жизненной дороге.
А шторм шумит, и новый вал
Взлетает, разбиваясь в брызги.
За перевалом перевал
У нас с рождения до тризны.
Но знаю, что Господь ведёт
Людей к спасению с любовью.
Хоть и даётся переход
Порой с утратою и болью
(«У моря») [9].*

В большинстве стихов сборника «Старые дворы» С. Овчаренко тоже так или иначе появляется образ моря или чего-то несомненно морского. Поэт рисует картины подчеркнуто приморского Города (часто – именно с прописной буквы) с его милой и неповторимой камерной, курортной атмосферой:

та и что в ней вместе с жильцами всегда жил еще кто-то, невидимый» [10, Т. 6, с. 365]. Таким образом, в чеховских «произведениях обнаруживаются последствия взаимопроникновения первичного художественного мира, претендующего на достоверное отражение действительности, и мира гипотетического, параллельного, в котором возможно все» [2, с. 47].

Наиболее яркое воплощение такого рода двоемирия – повесть А. П. Чехова «Черный монах». Существование положительного иномирия здесь скорее угадывается, нежели обозначается явно: отсылкой к нему является тщательно выписанный образ сада. Представитель отрицательного иномирия – это, на первый взгляд, черный монах – своего рода демон-искуситель, носитель гордыни с его, по мнению И. Н. Сухих, продолжающим идеи Ф. М. Достоевского феноменом «вертикального мышления». Однако однозначности в разграничении иномирия на положительное и отрицательное нет, и в этом тоже видится отголосок гоголевских традиций (вспомним, к примеру, панночку из «Майской ночи» или черта из «Ночи перед Рождеством»).

Сад в «Черном монахе» при всей своей масштабности не совсем соответствует семантике Эдема, точнее говоря, это не совсем сад. В. И. Камянов пишет: «Сад был коммерческим и давал немалый доход. Подальше от усадьбы он переходил в диковатый, сумрачный парк, поближе к ней выглядел безвкусно-декоративным, выдавая суетность владельца. Егор Семенович Песоцкий – на распутье: привычная забота о выгоде сталкивается в его душе с претензиями садовода-эстета... “В нем уже сидело как будто бы два человека”, – замечает Чехов» [5, с. 85]. Однако и эффект от встреч с черным монахом не однозначно отрицателен. Как ни парадоксально, именно после них Коврин особенно полно воспринимает «райскую сторону» сада. М. О. Горячева называет результат контакта с теперь уже неясно какого знака иномирием «вдохновением», а В. Н. Гвоздей, анализируя художественное пространство повести в монографии «Меж двух миров», делает следующий вывод об А. П. Чехове: «По-видимому, он чего-то ждал от ненормальности и оттого уделял так много внимания выбитым из колеи людям. К прочным, определенным заключениям он, правда, не

пришел – несмотря на все напряжение творчества. Он убедился, что выхода из запутанного лабиринта нет, что лабиринт, неопределенные блуждания, вечные колебания и шатания, беспричинное горе, беспричинные радости, словом, все, чего так боятся и избегают нормальные люди, стало сущностью его жизни. Об этом и только об этом нужно рассказывать. Не мы выдумали нормальную жизнь, не мы выдумали ненормальную жизнь. Почему же только первую считают настоящей действительностью?..» [2, с. 37].

Истоки этой особенности чеховского ментального пространства, возможно, в таком феномене русской культуры, как «масонская эстетика». Без его осмысления, по мнению Е. К. Рыковой, «не может быть подлинно научного понимания развития русской литературы. Дело в том, что именно масонство, с его тягой к мистике и оккультизму, в большей мере способствовало формированию особого дискурса в искусстве – эзотерической традиции, которая проявила себя не только в эстетике романтизма, но и символизма. Именно масоны, получившие уроки античного и средневекового мистицизма, пытались разомкнуть оболочку действительности и заглянуть в темную тайну вечности» [7, с. 6]. В связи с этим исследователи характеризуют художественную систему А. П. Чехова как «магический реализм», в полной мере реализовавшийся в искусстве XX века.

Продолжая сравнение ментальных пространств А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского, невозможно не учесть мнение В. И. Камянова, считающего, что «если у Достоевского никогда не теряет остроты проблема ложной организации личности, то у Чехова – проблема ее дезорганизованности...» [5, с. 87]. Не эта ли проблема межмирности человеческой природы являлась ключевой и для лермонтовского ментального пространства? Возможно, корни такого мировосприятия в идеях протестантизма, которые начали распространяться в России еще в конце XVII века. И в связи с этим Е. К. Рыкова сообщает весьма интересные сведения: «Хорошо известен факт приезда в Москву проповедника, мистика и поэта Кульмана Квирина (1689), который был в результате его действий объявлен еретиком и сожжен на костре... Кульман Квирин был убежден, что разум человека выше церковного авторитета, что церковные таинства отвлекают его от внутренней работы над совершенствовани-

вечного космоса, который за людские грехи может обернуться и хаосом, уничтожающим все вокруг, поглотив землю.

У евпаторийских поэтов образ моря преимущественно космичен. Даже штормовые явления в их текстах не представляют собой угрозы людям. Скорее, они поражают гармонией мощи, красотой. У И. Флоренской морские пейзажи богаты и многокрасочны. Они наполняют мир лирической героини восхищением перед совершенством стихии, прекрасной в любое время года:

*Поверхность вод, как царская парча,
Качается, сверкая жемчугами.
В плен ледяной попал морской причал,
Белеют сваи ровными рядами.
На рейде силуэты кораблей,
Им к пристани, замёрзшей не пробиться.
Кружит в тревоге пара лебедей,
Не зная, где им лучше опуститься.
Песок на пляже словно тротуар,
Вдоль берега блестит хрустальный иней.
Струится в небо лёгкий, белый пар
От волн тяжёлых, серебристо-синих...
(«Зимнее море») [9].*

Или:

*Уставшее от мартовских штормов,
Чуть плещет море под фатой тумана.
На золоте песка со дна трава,
И бриз разносит свежий запах йода,
Стою на пляже и шепчу слова
Благодаренья Матушке-природе
(«Утренняя молитва») [9].*

Образ моря для И. Флоренской неразрывно связан с темами творчества, творца, Бога и молитвы. Вот лишь три примера из множества возможных:

имской, на которой расположены караимские Кенасы – храмовый музейный комплекс одного из коренных крымских народов. Как известно, еще территория Малого Иерусалима включает в себя Свято-Николаевский собор, мечеть Джума-Джами (Хан-Джами), мечеть Тахталы-Джами, Текие дервишей, синагогу Егие-Капай, Купеческую синагогу, армянскую церковь святого Николая, Восточные Гезлевские ворота, Турецкие и Римские бани, а также бывший доходный дом бывшего городского головы Семена Эзровича Дувана. Уже это простое перечисление артефактов, объясняет неизбежное появление мотива мультикультурности в произведениях евпаторийцев о родном городе, который живет и здравствует вот уже более 25-ти веков. Его пространство, усложняясь и меняясь, не стирает приметы прошлого, а совмещает их, совсем как тот, восточный Иерусалим – город и святыня иудеев, православных, католиков, протестантов и мусульман, прообраз библейского Небесного Иерусалима, мирового города, где должно обитать имя Господа и где преданный Богу народ будет вечно жить вместе с Богом (Откр. 21:3,4).

Центром особенного евпаторийского пространства во многих текстах (как, кстати, и гомеровских поэмах) неизменно становится вечное море, к которому ведут все земные пути. Стоит заметить, что это вполне обосновано прежде всего географически. К морю в реальной Евпатории действительно стекаются многие улицы. Однако образ моря в евпаторийской поэзии вполне традиционно приобретает сказочные, мифологические черты. В мировой мифологии море, океан обычно связаны с космическими началами. Практически в любой космогонии творение мира описывается как изначальное разделение антиномий и стихий, когда начинаются противопоставляться верх и низ, свет и мрак, суша и вода и т.д. Обычно земля поднимается из воды или при разделении океан окружает землю. Поэтому почти любая первоначальная мифологизированная карта мира трактует море-океан как границу профанного земного пространства: земля – это плоскость, омываемая морем, практически плавающая в нем. Древнейшие великие боги шумеров, финикийцев, представителей крито-микенской, эллинской, римской и многих других культур так или иначе связаны с морской стихией. Само же море – это одно из традиционных природных выражений

ем своего характера. По его мнению, в мире происходит перманентное противостояние Добра и Зла и что этот процесс происходит не только вне человека, но и в нем самом» [7, с. 43]. Являлся ли Квирин, чье имя столь созвучно фамилии героя «Черного монаха», его прототипом, узнать не удалось, однако такое сходство представляется весьма знаковым еще и потому, что взгляды Квирина на природу добра и зла нашли отголосок как в лермонтовском, так и в чеховском творчестве. Таким образом, мы можем сделать вывод о существовании точек соприкосновения ментальных пространств этих авторов в процессе экспликации оппозиции «добро-зло», обусловленном пониманием невозможности полного разграничения указанных категорий.

Свойственное А. П. Чехову ощущение дезорганизованности человеческой личности не могло не отразиться в описанных им картинах окружающего мира. Так, в повести «Огни» читаем: «Я думал, а выжженная солнцем равнина, громадное небо, темневший вдали дубовый лес и туманная даль как будто говорили мне: “Да, ничего не поймешь на этом свете!”» [10, Т. 7, с. 140]. В связи с этим справедливым представляется мнение А. Д. Степанова о том, что чеховский рассказ – это «чистая дескрипция: то, что можно пережить, испытать, но не понять и оценить» [8, с. 24].

Действительно, прямые выводы, характеризующие авторское ментальное пространство, в чеховских произведениях редки, однако картины окружающего мира позволяют сделать выводы о мировосприятии писателя, экспликации и переосмыслении им таких традиционных романтических антиномий, как «верх – низ», «ожидаемое / желаемое – действительное», «реальный мир – иномирие». Следовательно, для художественной системы А. П. Чехова характерна контаминация традиций реализма и романтизма, о чем позволяет судить анализ реализации ключевых для его ментального пространства бинарных оппозиций.

Список использованных источников

1. Белецкий А. И. Вопросы теории и психологии творчества / Александр Иванович Белецкий. – Харьков, 1923. – 282 с.

2. Гвоздей В. Н. Меж двух миров. Некоторые аспекты чеховского реализма / В. Н. Гвоздей. – Астрахань : Изд-во Астраханского государственного университета, 1999. – 128 с.

3. Горячева М. О. Проблема пространства в художественном мире А. П. Чехова : дис. ... канд. филолог. наук / М.О. Горячева. – М., 1992. – 232 с.

4. Елизарова М. Е. Творчество Чехова и вопросы реализма конца XIX в. / М. Е. Елизарова. – М. : Гослитиздат, 1958. – 200 с.

5. Камянов В. И. Время против безвременья: Чехов и современность / В. И. Камянов. – М. : Советский писатель, 1989. – 384 с.

6. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4-х томах / М. Ю. Лермонтов. – М. : Художественная литература, 1975.

7. Рыкова Е. К. Пути развития русской литературы в Екатерининскую эпоху: «свое» и «чужое» в литературе и на книжном рынке / Е. К. Рыкова. – Ульяновск : УлГТУ, 2008. – 172 с.

8. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.

9. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 218–252.

10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974-1986.

ANTINOMIES OF THE ROMANTIC WORLDVIEW IN A.P. CHEHOV'S ART WORLD

Ivanova Natalya Pavlovna,

Ph.D. in Philology, Professor of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia); e-mail: n-p-ivanova@yandex.ru

In the article is considered realization such key binary opposition for romantic world outlook, as "top – bottom", "expected / desired – real", "real world – another world", in A. P. Chehov's artistic space. Findings are done in the course of analysis about particularity of mental space of this author, as well as the other writers XIX age.

*Собор стоит на берегу, а рядом с ним мечеть,
Таких мечетей в мире три, есть повод посмотреть
(«Собор стоит на берегу...»)* [7].

С. Овчаренко:

*Так, видимо, угодно было Богу!
Чтоб город мирно жил и процветал,
Собор, мечеть, кенасы, синагогу
Заботливо вместил один квартал
(«Так, видимо, угодно было Богу!»)* [6, с. 8].

А. Абдулов:

*Где рядом собор и мечеть,
Люблю я лишь просто сидеть
На набережной и на море
И небо подолгу глядеть
(«Где рядом собор и мечеть...»)* [1].

Т. Тимофеева:

*Здесь своя история:
25 веков!
Ныне Евпатория,
Раньше был Гезлев...
Здесь все дышит верою,
Каждый угол свят:
Церковь православная
И мечеть стоят...
(«Мне судьбой назначено...»)* [8].

Все процитированные авторы имеют в виду пространство знаменитого евпаторийского Малого Иерусалима. Так назван участок Старого города, который вмещает в себя всего несколько кварталов – от Набережной им. В. Терешковой, где находится греческая православный храм святого пророка Илии, до той части ул. Кара-

сты С. Корнилов, Б. Шелуткевич и М. Голованевская, поэты С. Овчаренко, И. Флоренская, Т. Тимофеева, Л. Тельминова-Пензий и многие другие. Поэтическую дань городу отдают и другие крымские авторы, чья жизнь так или иначе пересеклась с городом, в том числе ялтинцев С. Новиков.

В поэзии Крыма Евпатория – это город, существующий вне привычных понятий о времени и пространстве. Это – город-сказка с хронотопом, в котором переплетаются реальные и мифологические черты.

Евпаторийское пространство в большинстве произведений – это средоточие признаков древних топосов: античной Керкинитиды, средневекового Гезлева, Евпатории времен Екатерины Великой, Николая Второго и т.д. У И. Флоренской, например, одной из главных примет, пришедших из греческого мира, становятся «<...> блики на крестах

/ В Свят-Никольском храме и в Ильинке» («Предновогодье») [9]. Ведь именно греки принесли России крещение, православие, благодаря чему Евпатория получила знаковые христианские храмы, стоящие в самом сердце города. При этом Флоренская подчеркивает теснейшее переплетение культур и религий, характерное для евпаторийского мира. В ее стихотворении «Евпатория», в частности, читаем:

*К заутрене зовут колокола
В Никольском Божьем храме, а напротив –
Аллаху зычно молится мулла,
И небо на востоке в позолоте [9].*

Отметим, что практически все евпаторийские поэты хоть единожды, хоть в одном своем стихотворении обязательно подчеркивают мультикультурность, мультирелигиозность родного города, которая зримо проявляется в гармоничном сосуществовании на общем и сравнительно небольшом пространстве святынь разных времен и народов.

Л. Тельминова-Пензий:

Keywords: *mental space, artistic space, art world, romantic world outlook, binary oppositions “top – bottom”, “expected / desired – real”, “real world – another world”.*

References

1. Beletskiy A. I. Voprosyi teorii i psihologii tvorchestva [Theory and psychology of creativity] / Aleksandr Ivanovich Beletskiy. – Harkov, 1923. – 282 p.
2. Gvozdey V. N. Mezhdvuh mirov. Nekotoryie aspekty chehovskogo realizma [Between two worlds. Some aspects of Chekhov's realism] / V. N. Gvozdey. – Astrahan: Izd-vo Astrahanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. – 128 p.
3. Goryacheva M. O. Problema prostranstva v hudozhestvennom mire A. P. Chehova [The problem of space in the art world by A. P. Chekhov]: Dis. ... kand. filolog. nauk / M. O. Goryacheva. – M., 1992. – 232 p.
4. Elizarova M. E. Tvorchestvo Chehova i voprosyi realizma kontsa XIX v. [The works of Chekhov, and questions of realism the late nineteenth century] / M. E. Elizarova. – M.: Goslitizdat, 1958. – 200 p.
5. Kamyanov V. I. Vremya protiv bezvremeniya: Chehov i sovremennost [Time vs timelessness: the Czechs and modernity] / V. I. Kamyanov. – M.: Sovetskiy pisatel, 1989. – 384 p.
6. Lermontov M. Yu. Sbranie sochineniy. V 4-h tomah [Works. In 4 volumes] / M. Yu. Lermontov. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975.
7. Ryikova E. K. Puti razvitiya russkoy literatury v Ekaterininskuyu epohu: «svoe» i «chuzhoe» v literature i na knizhnom rynke [Ways of development of Russian literature in the age of Catherine, “their” and “alien” in literature and the book market] / E. K. Ryikova. – Ulyanovsk: UIGTU, 2008. – 172 p.
8. Stepanov A. D. Problemyi kommunikatsii u Chehova [The problems of communication in Chekhov] / A. D. Stepanov. – M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2005. – 400 p.
9. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text] / V. N. Toporov // Tekst: semantika i struktura. – M., 1983. – P. 218–252.
10. Chehov A. P. Polnoe sbranie sochineniy i pisem v 30 tomah [Complete works and letters in 30 volumes] / A. P. Chehov. – M.: Nauka, 1974–1986.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

УДК: 82-1/9

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНЕ Ж. Ж. РУССО «ЮЛИЯ, ИЛИ НОВАЯ ЭЛОИЗА» И ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА «ЮЛИЯ»

Беляева Анастасия Николаевна,

*студентка 4 курса ФМКФиП направления «Филология»
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
(г. Барнаул, РФ); e-mail: IamSherlocked182@gmail.com*

В статье анализируются особенности психологизма в произведениях Ж. Ж. Руссо и Н. М. Карамзина, описываются сходство и различие в разработке писателями сентименталистской истории любви, а также типология и функции психологизма в романе и повести. Статья выявляет традиции и новаторство Карамзина в аспекте его диалога с Руссо, связанные с психологическими характеристиками героев, определяет особенности психологизма как нарративной стратегии в романе Ж. Ж. Руссо и повести Н. М. Карамзина.

Ключевые слова: Руссо Ж. Ж., Карамзин М. Н., «Юлия, или Новая Элоиза», «Юлия», психологизм, сентиментализм.

Эпоху сентиментализма принято считать истоком интереса писателей к психологической характеристике литературных героев, где необычайно важную роль играет выражение чувств

№ 1, 2018, ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

одни и те же приметы города: вневременность, мифологический хронотоп, мультикультурность, способность увести лирического героя в сказочный мир. Такая трактовка данного образа во многом коррелирует с традицией крымского текста в русской литературе.

Ключевые слова: Евпатория, Крым, поэзия, миф, хронотоп, мультикультурность, пространство, время, образ.

Крымская литература XX – начала XXI веков в целом очень патриотична. Это утверждение справедливо и для прозы, и для поэзии. Любовь к Отечеству проявляется в произведениях самых разных жанров. Если брать прозаические тексты, то это романы, повести, рассказы, автобиографические тексты в их различных вариантах – то есть практически все основополагающие жанровые разновидности эпоса. При этом, патриотическая поэзия редко бывает собственно гражданской в классическом смысле этого понятия. Больше всего она представлена пейзажной лирикой, в несколько меньшей степени – философской. Отдельное место можно отвести стихотворным произведениям исторического и даже историко-мемуарного плана, причем не поэмам (что было бы традиционно), а малым жанрам: песням, элегиям, посланиям и пр.

Одним из важных проявлений крымского патриотического начала можно назвать большое количество текстов о так называемой малой Родине, то есть о родном городе или селении – том месте, где биографический автор (либо герой произведения, лирический герой стихотворения) родился, вырос, жил и (часто) живет теперь, в момент написания данного текста.

Огромную роль патриотическая тематика играет в творчестве авторов евпаторийцев. При этом во многих текстах Евпатория предстает как некий мифологический образ. Главной целью нашей статьи стало исследование того, как именно формируется миф об этом городе в творчестве современных авторов, связанных с Евпаторией своей жизнью.

О Евпатории писали и пишут практически все уроженцы этого города, которые так или иначе пришли в литературу. Это, например, авторы художественной прозы Б. Балтер и Е. Никифоров, мемуари-

УДК 82-14.821.161.1

МИФ О ЕВПАТОРИИ: ОБРАЗЫ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ КРЫМСКИХ ПОЭТОВ

Толоконникова Светлана Юрьевна,

*кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник
Научного отдела Борисоглебский филиал Воронежского
государственного университета,
Воронежская область, г. Борисоглебск, ул. Народная, 43,
тел.: +7 (47354) 6-04-92, e-mail: toloksvetlana@yandex.ru*

Крымская литература XX – начала XXI веков очень патриотична. Огромную роль патриотическая тематика играет в творчестве авторов евпаторийцев. При этом во многих текстах Евпатория предстает как мифологический образ. Главной целью нашей статьи стало исследование того, как именно формируется миф об этом городе в творчестве современных авторов, связанных с Евпаторией своей жизнью. При анализе поэтических текстов нами использовались интертекстуальный, мифопоэтический, семиотический методы. В статье делается вывод о том, что в поэзии Крыма Евпатория – это город, существующий вне привычных понятий о времени и пространстве, город-сказка, в котором переплетаются реальные и мифологические черты. Нами исследуются признаки мифа о Евпатории в стихотворениях С. Новикова, А. Абдулова, С. Овчаренко, И. Флоренской, Т. Тимофеевой, Л. Тельминовой-Пензий. Каждый из этих поэтов создает свое собственное представление о Евпатории. Но почти во всех стихах появляются

персонажей. Данное явление интересовало многих исследователей, таких как Д. С. Лихачев, Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есин, А. Н. Кудреватых, О. Н. Осмоловский, В. В. Основин и других. В контексте сентиментальных произведений психологический анализ интересен тем, что только начинает формироваться, выступает новаторским приемом, поэтому его определение так важно.

Исследователь А. Б. Есин приводит основные составляющие психологической характеристики: «Психологизм в литературном произведении складывается из таких его форм, как внутренний монолог и диалог, авторское повествование о мыслях и чувствах героя, несобственно-прямая речь, психологические предметные детали, самоанализ персонажа, композиционно-повествовательные формы писем, дневников, снов, видений и т. д.» [4, с.19]. Это определение, особенно в связи с произведениями Ж. Ж. Руссо, показывает несомненно важное значение психологизма в литературной традиции сентиментализма, так как большинство из перечисленных компонентов присутствуют в романе «Юлия, или Новая Элоиза», а также в повести Н. М. Карамзина «Юлия». В связи с этим будет важно рассмотреть основные черты психологизма произведений Руссо и Карамзина.

Журнал «Литературный словарь» трактует функции психологизма с точки зрения нравственной проблематики: «...сложные жизненные ситуации заставляют человека глубоко задумываться над острыми философскими и этическими вопросами, искать свою собственную «правду», вырабатывать личную жизненную позицию» [8]. Очевидно, что психологизм тесно связан с темой нравственности в произведениях, а так как в интересующих нас текстах эта тема является одной из главных, то и психологическая характеристика является очень важной в контексте анализа творчества Ж. Ж. Руссо и Н. М. Карамзина. Нравственный выбор в произведениях приходится делать женским персонажам, поэтому их психологический портрет вырисовывается гораздо точнее и подробнее. Описание возлюбленных героинь строится на основе их поступков, поэтому эпизоды внутренних переживаний сопровождаются либо описанием их действий, либо размышлениями об этих действиях.

Как отмечает в своем исследовании А. Н. Кудреватых, психологизму в литературе свойственны два смысла: «широкий» и «уз-

кий» [7]. «Широкий» понимается как общелитературный, универсальный, «узкий» же относится только к определенной составляющей литературного произведения. И так как в контексте нашего исследования нас интересуют стилевые и художественные особенности романа Ж. Ж. Руссо и повести Н. М. Карамзина, то будет актуально именно «узкое» понимание психологизма. Оно характерно не только для интересующих нас писателей, но и для сентиментализма в целом, так как отражает особое мироощущение, понимание реальности сквозь призму психологии и описание ее в произведении с помощью чувств и переживаний героев. В этом случае может возникнуть вопрос: так как чувства героев важны и детально описываются практически в каждом известном произведении, независимо от автора и направления, тогда психологизм присутствует в них всех? На него можно ответить выводом А. Б. Есина: «Психологизм лишь в том случае является достоинством художественного произведения, когда он в этом произведении внутренне необходим» [3]. Таким образом, в рассматриваемых произведениях весь сюжет строится на чувствах героев и поступках, мотивированных чувствами и внутренними переживаниями, и, значит, в них присутствует психологизм именно в «узком» его значении.

Необходимо, однако, сразу отметить явное отличие в формах психологизма этих двух произведений. Л. Я. Гинзбург отмечает, что сами социальные основы западного и русского сентиментализма были различны: «повышенный интерес к внутренней жизни питал сентиментализм, ориентировавшийся при этом на единообразный идеал естественного и чувствительного человека. Специфика русского сентиментализма, как известно, состояла в том, что провозгласила его не буржуазия, породившая сентиментализм западный, но та среда, которую стали позднее называть “образованным дворянством”» [5, с. 9]. В эпистолярной форме романа «Юлия, или Новая Элоиза» акцентирована исповедальная форма психологического самоанализа личности, предполагающая изображение чувств и эмоций от первого лица, от лица, которое их, собственно, испытывает. Таким образом, мы узнаем героя как бы «изнутри», с его собственных слов. Формат повести у Н. М. Карамзина, напротив, предполагает в основном психологизм «извне» – это сторонние авторс-

10. Chernyshevskij N. G. Pis'ma ob Ispanii V. P. Botkina [Letters on Spain VP Botkin] Polnoe sobranie sochinenij [Full composition of writings] M. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1948. T. 4 : «Lessing i ego vremena». Stat'i i recenzii 1857 goda. – P. 222–245.

11. Elsner J. From the pyramids to Pausanias and Piglet: monuments, travel and writing. Art and Text in ancient Greek culture .Edited by Simon Goldhill and Robin Osborne. Cambridge university press, 1995. P. 224-254.

The article attempts to substantiate the assumption that a complex of works of "travel literature" of the XIX – early XX centuries can be classified as "supertext". Notes of travelers on the Crimea and travel guides are considered as structural elements of this system.

Keywords: "travel literature", *supertext*, *travel notes*, *guidebooks*.

References

1. Guminskij V. M. Problema genezisa i razvitiya zhanra puteshestvij v russkoj literature [The problem of the genesis and development of the travel genre in Russian literature]. Diss...kand.filol.nauk. M. 1979. 184 p.
2. Kupina N. A., Bitenskaya G. V. Sverhtekst i ego raznovidnosti [Supertext and its variants] Chelovek – Tekst – Kul'tura. Ekaterinburg, 1994. P. 214–235.
3. Maslova N. M. Putevoj ocherk: problemy zhanra [Track essay: problems of the genre] M., Znanie, 1980. 116 p.
4. Mednis N. E. Sverhteksty v russkoj literature: uchebnoe posobie [Supertexts in Russian Literature: A Tutorial] NNRU, 2003. 169 p.
5. Mihajlov V. A. Evolyuciya zhanra literaturnogo puteshestviya v proizvedeniyah pisatelej XVIII-XIX vekov [The evolution of the genre of literary travel in the writings of writers of the XVIII-XIX centuries] Dis. kand. filol. nauk. Volgograd, 1999. 199 p.
6. Pausanij. Opisanie Ellady [Description of Hellas] T. 1 – 2. SPb., Alteja, 1996. 238 p.
7. Rucinskaya I. I. Obrazy rossijskih regionov v kul'turnom prostranstve Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.[Images of Russian regions in the cultural space of Russia in the second half of the XIX - early XX century.] avtoreferat dis. dokt. kul'turologii. M., 2012. 44 p.
8. Skibina O. M. Zhanr putevogo ocherka na stranicah periodiki 80-90-h godov XIX veka [The genre of the travel essay on the pages of the periodicals of the 80-90s of the XIX century] Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2009. № 6.
9. Timofeev L. I. Kratkij slovar' literaturovedcheskih terminov. Posobie dlya uchashchihsya sred. shkoly [Short dictionary of literary terms] Moskva, Uchpedgiz, 1963. 192 p.

кие наблюдения над психологическим состоянием его персонажей. Чувства героев разворачиваются в сопоставлении с их действиями. И в соответствии с устоявшимися в психологии понятиями «эндопсихика» и «экзопсихика» в литературоведении применительно к анализу психологических состояний литературных героев, а также нарративных стратегий описания психологического мира, можно ввести понятия «эндопсихологизм» и «экзопсихологизм». При этом чувства героев изображены автором на фоне их поступков, позволяя читателю самому делать выводы о соотношении степеней искренности персонажей и силе их переживаний. Принципы сентиментализма были воплощены и в более поздних произведениях, об этом пишет исследователь Е. Ю. Сафронова: «Такие важные эстетические принципы сентиментализма как поэтизация обыкновенного, идеи внесловной ценности человека, значимости простых человеческих чувств, сострадание и переживание чужой судьбы как личной, уход в микромир простых человеческих переживаний и проблема истинности нравственных законов решены Достоевским в «Записках» с большой силой художественной выразительности» [9, с. 75].

Особенностью романа как жанровой формы является его предрасположенность к более детальному изображению внутреннего мира личности и духовного развития героя в целом. Об этом писал В. В. Копманец: «Роман является той жанровой формой, в которой психологический анализ реализуется полнее всего, целостно, всесторонне охватывая человеческую личность в ее многосложной обусловленности явлениями окружающего мира» [6, с. 52]. Однако в романе эпистолярном определенный нами эндопсихологизм выражается более естественно, глубоко, так как характеристика чувств дается от первого лица. Например, открыто и страстно писал о своих чувствах Сен-Пре в начале романтических отношений с Юлией: «Чем более я тобою очарован, тем возвышеннее становятся мои чувства. Прежде я совершил бы любой добрый поступок во имя добра, теперь же я совершил бы его, дабы стать достойным тебя» [2, письмо V к Юлии].

Произведение Карамзина «Юлия» относится к жанру повести, что предполагает небольшой объем. Содержательно повесть Н.М. Карамзина представляет собой концентрат действия, причем ро-

манного, следовательно, и психологизм в ней представлен сжато, емко, но от этого не менее полно и выразительно. За счет одной или нескольких фраз автор раскрывает целую ситуацию, спектр чувств или модель поведения: «Арису поклонились учтиво, – учтиво, более ничего. Спросили, здоров ли он, и не дождались ответа» [1]. Таков прием экзопсихологизма в повести «Юлия». Таким образом, эндопсихологизм тяготеет к развернутой романной форме повествования, а экзопсихологизм свойственен для литературных жанров небольшого объема.

Как в романе Руссо, так и в повести Карамзина психологический анализ становится основой для авторских размышлений не только о характере и поведении данных героев, но и об обобщенных чертах, образах, позволяет делать выводы о человеческой сущности и нравах в целом. Сен-Пре в своем письме рассуждает о необходимости любви в жизни человека, и это рассуждение скорее общечеловеческое, нежели личное: «...вся цель жизни – соединиться с тем, кто делает её для нас отрадней, ради этого стоит любить и за счастье сражаться...» [2, письмо XXVI к Юлии]. У Н. М. Карамзина подобные эпизоды направлены скорее на массовое нравоучение, изображение характерности, типичности модели поведения героя или героини для общества в целом: «Дивитесь, если угодно, прониканию красавиц! Скорее не приметят они солнца на ясном небе в полдень, нежели действия своих прелестей в глазах нежного мужчины, как бы ни хотел он, скрывать чувства свои» [1]. Подобные обобщения свидетельствуют о том, что социальный аспект произведения становится чертой психологизма, только описывает не одного конкретного человека, а все общество в целом или какую-либо отдельную группу людей. И, снова подводя с точки зрения внутреннего или внешнего типа выражения, в романе Ж. Ж. Руссо мы выделим эндопсихологическое обобщение, так как герои делают выводы обо всех людях, исходя из собственных переживаний и размышлений, а в повести Н. М. Карамзина – экзопсихологическое, так как исходит оно от автора и основано на авторских наблюдениях не за одним человеком, а за общественными тенденциями в целом.

Отметим, что в обоих произведениях практически у всех персонажей есть ярко выраженный психологический портрет. С одной

5. Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков : дисс. канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 199 с.

6. Павсаний. Описание Эллады. Т. 1 – 2. – СПб.: Алтейя. – 1996. – 238 с.

7. Рудинская И. И. Образы российских регионов в культурном пространстве России второй половины XIX – начала XX в. : автореферат дис. докт. культурологии. – М., 2012. – 44 с.

8. Скибина О. М. Жанр путевого очерка на страницах периодики 80–90-х годов XIX века / О. М. Скибина // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2009. – № 6.

9. Тимофеев Л. И. Краткий словарь литературоведческих терминов [Текст] : Пособие для учащихся сред. школы / Л. И. Тимофеев, М. Венгров ; Под общ. ред. действ. чл. Акад. пед. наук проф. Л. И. Тимофеева. – Москва : Учпедгиз, 1963. – 192 с.

10. Чернышевский Н. Г. Письма об Испании В. П. Боткина // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1948. – Т. 4 : «Лессинг и его время». Статьи и рецензии 1857 года. – С. 222–245.

11. Elsner J. From the pyramids to Pausanias and Piglet: monuments, travel and writing // Art and Text in ancient Greek culture/Edited by Simon Goldhill and Robin Osborne. – Cambridge university press, 1995. – P.224–254.

SEPARATE ASPECTS OF THE PHENOMENON OF THE 'LITERATURE OF TRAVELS' ON THE CRIMEA OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES AS SUPERETEXT

Kryukova Natalia Vasilievna,

PhD in Philosophy, associate professor,

*Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch)*

мещение по Крыму, способы и маршруты реализации, курортная и историческая ценность полуострова и др.

«5. Необходимым условием возникновения сверхтекста становится обретение им языковой общности, которая, складываясь в зоне встречи конкретного текста с внетекстовыми реалиями, закрепляется и воспроизводится в различных субтекстах как единицах целого; иначе говоря, необходима общность художественного кода» [4, с. 76]. Безусловно, языковая общность присуща субтекстам «литературы путешествий» по Крыму в полной мере, поскольку ключевым и объединяющим феноменом является репрезентация читателю описания различных реалий жизни полуострова.

«6. Границы сверхтекста и устойчивы и динамичны одновременно. У большинства из них более или менее ясно обнаруживается начало и порой совершенно не просматривается конец» [4, с. 76]. Данный признак абсолютно применим к предполагаемому нами сверхтексту, так как границы в рамках «литературы путешествий» по Крыму определить достаточно проблематично ввиду значительного количества субтекстов, которые можно рассматривать в данной категории.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что сверхтекст ««литература путешествий» по Крыму XIX – нач. XX вв.» имеет право на существование, что предполагает его дальнейшее исследование.

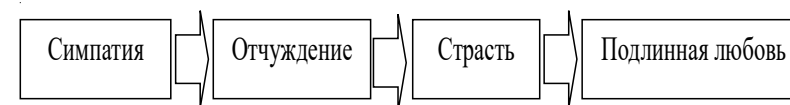
Список использованных источников

1. Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе : дисс. канд. филол. наук / В. М. Гуминский. – М., 1979. – 184 с.
2. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 214–235.
3. Маслова Н. М. Пугевой очерк: проблемы жанра / Н. М. Маслова. – М. : Знание, 1980. – 116 с.
4. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие / Н. Е. Меднис. – Издат-во ННРУ, 2003. – 169 с.

стороны, и в романе, и в повести не так уж много героев, с другой, их образы, их поступки и, в первую очередь, их чувства, важны для сюжета без исключения. Таким образом, психологизм как бы «пронизывает» сюжет, составляя его опору, основу.

И Ж. Ж. Руссо, и Н. М. Карамзин используют в произведениях персонажей неоднозначных, которые не могут быть отнесены либо к положительным, либо к отрицательным. Особенностью психологической характеристики каждого героя является наличие и добрых, и злых или эгоистичных побуждений, и обострение нравственного чувства, и притупление его, и разумный контроль своих действий, и подчинение своим порывам чувств – то, что позднее будет названо диалектикой высоко и низкого сознания в человеческой душе. Следовательно, нет и противопоставления образов, есть антитеза чувств. Например, страстной и бесконтрольной любви Сен-Пре к Юлии противопоставлено рассудительное, иногда даже немного холодное отношение к ней де Вольмара, любовь его «ровна и сдержанна». Так же у Н. М. Карамзина: любовь Ариса, верная и преданная, которая заставляет его терпеть обиды и простить измену, и противоположное ему чувство князя N*, пылкое, нетерпеливое, заставляющее желать отношений с Юлией без брачного обременения.

Важнейшей чертой психологизма как Ж. Ж. Руссо, так и Н. М. Карамзина является тонкое и наглядное описание эволюции чувств. Для сентименталистов важно не только состояние того или иного чувства на данный момент, но и его причины, связь с другими чувствами, а также последствия. Поэтому и в романе, и в повести психологизм можно считать динамичным. Особенно важным является психологический анализ героинь, эволюция их чувства. Более наглядно этапы можно представить следующим образом:

Эволюция чувств свидетельствует и о постоянных личностных изменениях героинь, как отмечает Е. Ю. Сафронова, «важное открытие сентиментализма – нетождественности человека самому себе, его способности быть разным» [9, с. 74].

Итак, можно сделать вывод: внутренняя или внешняя формы психологизма определяются

- 1) объемом произведения;
- 2) формой повествования;
- 3) лицом-повествователем.

Различные типы психологического описания формируют различия в сюжетах, героях и их характеристиках данных произведений. Выявленные в пределах «узкого» значения термина отличия позволяют говорить о том, что роман Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» – произведение, построенное на эндопсихологизме, а повесть Н. М. Карамзина «Юлия» – на экзопсихологизме, что выявляет значительное различие в описаниях чувств, их внешних проявлениях, а также социальной и нравственной проблематике произведений.

Список использованных источников

1. Карамзин Н. М. Юлия // М.: Издательство Московского университета – 1979. [Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0990.shtml]
2. Руссо Ж. Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Ж. Ж. Руссо // Изд.: Художественная литература, 1968.
3. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – М.: Флинта, МПСИ. 1988.
4. Есин А. Б. Художественный психологизм как теоретическая проблема / А. Б. Есин // Вест. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. – №1. – 1982. – С. 19
5. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург // Художественная литература. Ленинградское отделение. 1977. – С. 9.
6. Компанец В. В. Художественный психологизм как проблема исследования / В. В. Компанец // Русская литература. – № 1. – 1974. – С. 52
7. Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина // Екатеринбург. 2010. [Электронный ресурс. Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=641].
8. Литературный словарь (под ред. Александра Яковлева). – Москва, Луч, 2007 [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://>]

выступает не только Крым как локус, но и путешествие, ознакомление с данной местностью.

«2. ... сверхтекст, как всякое ядерное по своей структуре образование, предполагает наличие и знание читателем некоего не во все статичного, но относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста в целом, определяющих законы формирования художественного языка сверхтекста и тенденции его развития» [4, с. 75]. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что адресат (читатель) имеет достаточно четкий мотив ознакомления с текстами обозначенной категории (путешествие по Крыму).

«3. Синхроничность, своего рода симультанность, является необходимым условием восприятия сверхтекста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверхтекста. В синхронически представленном, как бы развернутом в пространстве полотне сверхтекста порой только и обнаруживаются важнейшие штрихи, не актуализированные в частных, отдельных субтекстах, и благодаря открытию и осознанию этих конституирующих черт сверхтекст начинает влиять на рецепцию внетекстовых реалий (а иногда и на сами реалии)» [4, с. 75]. Определив временные рамки исследования, можно предположить, что рассматриваемые в синхронии субтексты (очерки, заметки, путеводители и проч.) могут комплексно актуализировать полную картину внетекстовых реалий (локус Крым, его географические особенности, климатическая привлекательность, население, экономика и промышленность и др.) в восприятии рецепиента (читателя).

«4. Важным признаком сверхтекста является его смысловая цельность, рождающаяся в месте встречи текста и внеположенной реальности и выступающая в качестве цементирующего сверхтекст начала. При этом смысловой план сверхтекста нередко представляет внетекстовые смыслы с максимальной чистотой и акцентуированностью» [4, с. 75]. Говоря о смысловой цельности «литературы путешествий» по Крыму, нельзя не согласиться, что данный признак также присущ предполагаемому сверхтексту. Смысл – пере-

Записки путешественников (путевые очерки или заметки) естественным образом рознятся, так как представляют собой либо целостное литературное произведение, либо его фрагмент, посвященный описанию путешествия автора (реального или вымышленного) по отдельному региону. Можно предположить, что данная форма, помимо отражения исторических реалий, пейзажа, быта населения также служила формированию у адресата определенного впечатления от описываемой местности и играла существенную роль в репрезентации того или иного пространства.

Рассмотрим решение этой проблемы в рамках крымской тематики, ограничив временной промежуток XIX – нач. XX вв. В общем и целом весь комплекс данных произведений можно объединить в категорию краеведческой литературы. Можно назвать следующих авторов, уделивших теме путешествий определенное внимание в своих описаниях Крымского полуострова: М. Броневский, В. Х. Кондараки, Е. Л. Марков, Г. Э. Караулов, М. Сосногорова, С. Я. Елпатьевский, П. И. Сумароков, Ш. Монтандон и др.

Возникает вопрос, можно ли «литературу путешествий» по Крыму XIX – нач. XX вв. объединить в категорию «сверхтекст»? Вслед за Н. А. Купиной и Г. В. Битенской можно дать следующее определение сверхтекста: «Сверхтекст – совокупность высказываний, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормативного/анормального» [2, с. 215].

В качестве обоснования можно использовать признаки сверхтекста, приведенные Н. Е. Меднис.

«1. Каждый сверхтекст имеет свой образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе внетекстовые реалии-текст предстает как единый концепт сверхтекста. В роли такого центра для топологических сверхтекстов выступает тот или иной конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик; для именных текстов определяющими оказываются характеристики культурно-биографические» [4, с. 75]. В нашем случае, фокусирующим объектом

classlit.ru/publ/sochinenija_na_obshhie_temy/teoretia_literatury/psikhologizm_v_literature_ponjatie_i_primery/87-1-0-436].

9. Сафронова Е. Ю. Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг. / Е. Ю. Сафронова // Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 74–75.

PSYCHOLOGISM PROBLEM IN J. J. ROUSSEAU'S NOVEL "JULIE, OR THE NEW HELOISE" AND N. M. KARAMZIN'S STORY "JULIA"

Belyaeva Anastasiya Nikolaevna,

*student of Mass-media, Philology and Political Science faculty
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
"Altai State University" (Barnaul, Russia);
e-mail: IamSherlocked182@gmail.com*

The article considers features of psychologism in works of J. J. Rousseau and N. M. Karamzin, similarity and distinction in development of a sentimental love stories by writers, and also a typology and functions of psychologism in the novel and the story. The article reveals the traditions and innovation of Karamzin in aspect of his dialogue with Rousseau, that are connected with psychological characteristics of heroes, defines features of psychologism as narrative strategy in J. J. Rousseau's novel and N. M. Karamzin's story.

Keywords: Rousseau J. J., Karamzin N. M., "Julie, Or the New Heloise", "Julia", psychologism, sentimentalism.

References

1. Karamzin N. M. Yuliya [Julia] // М.: Publishing house of the Moscow university – 1979. [Electronic resource. Access mode: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0990.shtml].
2. Rousseau J. J. Yuliya, ili Novaya Eloiza [Julie, Or the New Heloise] // Prod.: Fiction. 1968.
3. Yesin A. B. Psihologizm russkoy klassicheskoy literatury [Psychologism of the Russian classical literature]. – М.: Flint, MPSI. 1988.

4. Yesin A. B. Hudozhestvennyiy psihologizm kak teoreticheskaya problema [Art psychologism as theoretical problem] // Vestnik of Moscow university. Ser.9. Philology. No. 1. 1982. Page 19.

5. Ginzburg L. Ya. O psihologicheskoy proze [About psychological prose] // Fiction. Leningrad office. 1977. Page 9.

6. Kompaneets V. V. Hudozhestvennyiy psihologizm kak problema issledovaniya [Art psychologism as research problem] // Russian literature. No. 1. 1974. Page 52.

7. Kudrevatykh A. N. Evolyutsiya psihologizma v proze N.M. Karamzina [Evolution of psychologism in N.M. Karamzin's prose] // Yekaterinburg. 2010. [Electronic resource. Access mode: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=641].

8. Literaturnyy slovar (pod red. Aleksandra Yakovleva) [The literary dictionary (under the editorship of Alexander Yakovlev)]. – Moscow, Beam, 2007 [Electronic resource. Access mode: http://classlit.ru/publ/sochinenija_na_obshhie_temy/teoretia_literatury/psikhologizm_v_literature_ponjatie_i_primery/87-1-0-436].

9. Safronova E. Yu. Diskurs prava v tvorchestve F. M. Dostoevskogo 1846–1862 gg. [A law discourse in F. M. Dostoyevsky's creativity 1846–1862] // Barnaul: Altai State University publishing house, 2013. Pages 74–75.

том, в той или иной степени следующие описательным принципам построения документального путешествия» [1].

В. А. Михайлов видит путешествие как «жанр художественной литературы, в основе которого лежит описание реального или мнимого перемещения в достоверном (реальном) или вымышленном пространстве путешествующего героя (чаще героя-повествователя), очевидца, описывающего малоизвестные или неизвестные отечественные, иностранные реалии и явления, собственные мысли, чувства и впечатления, возникшие в процессе путешествия, а также повествование о событиях, происходивших в момент путешествия» [5].

Некоторые исследователи определяют путешествие лишь как публицистический жанр. К примеру, Н. М. Маслова [3], подразделяя путешествия на «реальные» и «фантастические», подвергает анализу только «реальные» и относит их строго к публицистике.

Вероятнее всего, целесообразно вслед за О. М. Скибиной определить путешествие как «собирательную литературную форму», которая включает «на правах целого элементы разных жанровых образований, не делая разграничения между видами научными и художественными» [8].

В качестве структурных компонентов в комплекс «Литературы путешествий» можно включить путеводители и записки путешественников (или путевые очерки, заметки).

Подробный анализ путеводителей как жанра туристического дискурса с культурологической точки зрения мы находим у И. И. Руцинской [7]. Она отмечает, что поскольку одной из форм освоения пространства с XIX века стал туризм, необходимо было сконструировать образ осваиваемой территории, что и вызвало к жизни появление новых форм описания местности, и, в частности, создание путеводителей. Автор обозначает их как «жанр, предназначенный для целенаправленной презентации территории» [7]. И. И. Руцинская утверждает, что «путеводители, функционирующие в рамках туристской практики, приспособленные к ее запросам, репрезентирующие и конструирующие новый вид социального пространства – туристское пространство, также можно рассматривать в качестве текстов массовой культуры» [7].

щая какое-либо священное место, это осмотр всего того, что окружает и рассказ историй, связанных с этим местом.

Говоря о целях и задачах, которые ставил перед собой Павсаний, следует согласиться с мнением Дж. Элснера, который считает, что определяющей чертой и задачей путешествия и книги Павсания является призыв к этническому самоопределению греков [11].

Представляется целесообразным обратиться к определению понятия «путешествие» в литературоведении. «Краткий словарь литературоведческих терминов» Л. И. Тимофеева, М. Венгрова определяет путешествие как «произведение, в котором повествуется о бывшем в действительности или вымышленном путешествии в чужой, неизвестный или малознакомый край. В путешествии описываются наблюдения, впечатления путешественника, его открытия и приключения» [9].

Н. Г. Чернышевский указывал, что путешествие это жанр, который, «соединяя в себе элементы истории, статистики, государственных наук, естествознания и приближаясь к так называемой легкой литературе своею формою, как рассказ о личных приключениях, чувствах и мыслях отдельного человека в столкновениях его с другими людьми, - людьми, жизнь которых тем любопытнее для нас, что живут они в условиях иной обстановки, нежели публика, для которой предназначается книга, – путешествие совмещает в самой легкой форме самое богатое и заманчивое содержание. Путешествие – это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествознание. Каждому читателю даёт оно всё, что только хочет найти он» [10].

Определение путешествию мы находим у В. М. Гуминского: «Путешествие – жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить дополнительные – эстетические, публицистические, философские и другие задачи; особый вид литературных путешествий – повествования о вымышленных, воображаемых странствиях... с доминирующим идейно-художественным элемен-

УДК 82.09

СПЕЦИФИКА
ТОПОСНОГО СВЕРХТЕКСТА КАК ХОРОТОПА.
ФЕНОМЕН БАЛКАНСКОГО ХОРОТОПНОГО
СВЕРХТЕКСТА

Коробкина Елена Николаевна,

поэт, писатель, публицист,

член Южнорусского союза писателей (ЮРСП)

(г. Евпатория, РФ);

e-mail: e_koro@mail.ru

В статье исследуется специфика репрезентативного центра топического сверхтекста как сакрального ландшафта, хоротопа. Вводится понятие иеротопического метода создания сакрального пространства, данного Лидовым, и метод хоротопа Питера Брауна, формирующего топосный сверхтекст. Выявляется хоротопный метод исследования балканского сверхтекста как метод трансформации сакральных мест в единую конфигурацию балканской хоры посредством текстовых знаков и архетипических реалий. Принцип хорического был выявлен В. Н. Топоровым в парадигме балканского макроконтекста. Одиссея как провиденциальный миф балканского хоротопного сверхтекста.

Ключевые слова: *топосный сверхтекст, хора, сакральный ландшафт, коды хоротопа, балканский хоротопный сверхтекст.*

Хоротоп

*Ткется теменос в перекрест,
Нити бабушкой – крест в крест,
За крестами ей речью течь,
Белой речкою течь в млечь,
Для безудержных кобылиц
На четыре все речь длить.
Оком сокола обручен,
Тайным говором наречен.*

Елена Коро [7, с. 39]

Начало изучению топосных литературных сверхтекстов, посвященных «Петербуржскому тексту», положили работы ученых тартуско-московской семиотической школы Н. П. Анциферова [2], Ю. М. Лотмана [11], В. Н. Топорова [15].

В 1984 году в 18-м выпуске «Трудов по знаковым системам» Тартуского университета были опубликованы статьи В. Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”» и Ю. М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города». Тем самым, понятие «петербургский текст» было введено в научный оборот.

Исследователь В. В. Абашев, выявивший и разработавший «пермский текст», так объясняет рождение топосных текстов: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом, формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [1, с. 11–12].

Итак, мы видим, что основным критерием выделения топического сверхтекста в ряду литературных сверхтекстов является концепт конкретного локуса – места (города, региона, или даже ряда городов и мест – локусов – внутри региона) в единстве историко-культурно-географических характеристик, то есть в парадигме образно и тематически обозначенного центра, фокусирующего объект, – и вне текстовых реалий.

жащие для вышеуказанной цели литературные произведения (путеводители, очерки путешественников).

Обратимся к истории данного вопроса. Описания путешествий бытуют в литературе с древности. В качестве примера можно привести произведение Павсания «Описание Эллады» [6]. Какова же цель данного произведения? Путешествия какого характера совершали жители Древней Греции? Соглашаясь с некоторыми исследователями, будем утверждать, что подобные путешествия можно отнести к категории религиозных путешествий, а именно, паломничеств. Можно отметить, что произведение Павсания сочетает в себе античные традиции описания местности с отчетами о путешествиях, что основывается на модели Геродота. Работа Павсания не подразделяется на части: археологическую, религиозную, историческую, труд автора представляет собой образное единство. Одной из необходимых составных частей повествования Павсания становятся мифы о древнегреческих богах. Автор повествует о том, какие именно боги почитались в определенной части Греции и почему. Вероятно, произведение полностью соответствует маршруту автора в той последовательности, в которой он путешествовал и писал свои дневники, а затем перерабатывал их для публикации. Читатель оказывается при этом невольным спутником автора. Текст Павсания – это одновременно и описание путешествия по достопримечательным местам Греции, и в то же время это тщательно разработанный справочник по избранным областям.

Подробное описание маршрутов и исследование каждой области делало эту работу подходящей для использования в качестве путеводителя. Отдельные исследователи утверждают, что книги Павсания являлись путеводителем для паломников, что связано вплотную с распространением традиции путешествий и паломничества в Римской империи. Труд Павсания – это документ, посвященный путешествию по Греции, в котором автор посещает в основном священные места. Он отправляется из Афин в Дельфы через Олимпию и Пелопоннес. Скорее всего, автор не являлся паломником, ибо произведение не содержит описаний его ритуальных действий. Всё, что автор делает, находясь в святилище или посе-

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ И КРЫМСКИЙ МИФ В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 82.091

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА «ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ» ПО КРЫМУ XIX – НАЧ. XX ВВ. КАК СВЕРХТЕКСТА

Крюкова Наталия Васильевна,

*кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Севастопольского экономико-гуманитарного института
(филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
(г. Севастополь, РФ); e-mail: nkrjukowa1969@mail.ru*

В статье предпринята попытка обосновать предположение, что комплекс произведений «литературы путешествий» XIX – нач. XX вв. можно отнести к категории «сверхтекст». В качестве структурных элементов данной системы рассматриваются записки путешественников по Крыму и путеводители.

Ключевые слова: «литература путешествий», сверхтекст, путевые заметки, путеводители.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена следующими факторами: во-первых, необходимостью осмысления, каким образом с литературной точки зрения обеспечивается репрезентация определенного локуса широкому кругу адресатов (читателей), и, во-вторых, потребностью определить и охарактеризовать слу-

Исследователь О. И. Лыткина характеризует ядро топосного сверхтекста как «наличие образно и тематически обозначенного центра, фокусирующего объект, который в системе вне текстовые реалии – текст предстает единым концептом, например, таким концептом для топологических текстов является конкретный локус в единстве его историко-культурно-географических характеристик» [12, с. 607].

В данном контексте мы вводим понятие хоротоп как региональную матрицу локусов-мест, связанных в единое целое историко-культурно-географическими характеристиками в процессе постоянной репрезентации полилога дискурсов репрезентативного центра, совершающего прорыв в сферу символического и провиденциального. В. Н. Топоров в книге «Петербургский текст русской литературы» [15] отмечал, что со сверхтекстом «связываются высшие смыслы и цели». В этом контексте мы можем обозначить репрезентативный центр, или ядро топосного сверхтекста понятием хоротоп.

Рассмотрим понятие хоротоп как таковое.

Следует отметить, что известный британский ученый Питер Браун в 2006 году создал понятие хоротоп по аналогии с хронотопом Бахтина, выделяя в отдельную категорию пространственную продленность.

«Развивая эти наблюдения, я следовал великому русскому ученому Михаилу Бахтину, чьи исследования греческого эпоса и эллинистического романа обогатили нас термином «хронотоп». Бахтин употребляет его, чтобы обозначить периоды, в которых, как представлялось, обитали персонажи древней литературы, созданной до Нового времени. Я бы хотел предложить еще и термин «хоротоп», так как, подобно «хронотопу» Бахтина он может оказаться плодотворным. «Пространство» – такой же продукт человеческого воображения, как и «время» [5, с. 124] – пишет профессор Браун.

Он рассматривает хоротоп в контексте иеротопического метода конструирования «сакрального ландшафта», введенного в научный оборот современным исследователем А. М. Лидовым в работе «Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования» [10].

А. М. Лидов вводит понятие иеротопии: «Иеротопия – это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества... Иеротопический подход позволяет увидеть художественные объекты в контексте другой модели мира и прочесть их по-новому» [10, с. 13].

Итак, профессор Браун определяет хоротоп как метод моделирования сакрального ландшафта. В частности, он прослеживает органическую взаимосвязь «Жития св. Феодора из Сикеона (530–613)», написанного его последователем, ранневизантийским агиографом Георгием, с самим местом Сикеон, где и обитал св. Феодор.

«Такое создание «сакрального ландшафта» в центре Анатолии ранневизантийским святым и его биографом можно оценить, сравнив с подлинным, наблюдаемым ландшафтом, который мы можем идентифицировать. Возникает редкая возможность проследить процесс становления святого места и оценить византийскую эстетику, посредством которой оно описывалось в житии св. Феодора» [5, с. 125] – пишет профессор Браун.

Он проводит параллели между современным научным представлением о пространстве и пространственным видением ранневизантийского агиографа: «Пространство» современного ученого-археолога – это пространство, определенное расстояниями. Оно развертывается на картах, измеряется в километрах путешествий, оно ориентировано при помощи компаса на полюсы. Напротив, «хоротоп» Георгия был пространством ранневизантийского агиографа. Он был организован в терминах антитетических «зон», в которых расстояния исключались как не имеющие значения. Сикеон Георгия построен из таких совмещающихся зон. Каждая зона конструируется с затягивающей обстоятельностью, но вместе с тем постоянно остается неопределенным, где именно они находятся и какие между зонами расстояния» [5, с. 125].

Итак, мы видим, что хоротоп, или «сакральное пространство» построено по принципу мифологического пространства. Внутри него смещены не только представления о времени, но в данном ракурсе реорганизация внутреннего пространства хоротопа по принципу со-

28. Fadeyeva L.V. Rasskazy o blazhennykh i prozorlivykh v Inzenskom rayone Ul'yanovskoy oblasti: Katen'ka Pyatinskaya // Aktual'nyye problemy polevoy fol'kloristiki. Vyp. 3. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. S. 200–217.

29. Fadeyeva L.V. Rasskazy o razorenii svyatyni v sovremennoy ustnoy traditsii Pinezh'ya (k probleme spetsifiki syuzheta i zhanra) // Lokal'nyye traditsii v narodnoy kul'ture Russkogo Severa. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN. 2003. S. 123–126.

30. Fol'klornyy arkhiv Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN

31. Shevarenkova YU.M. Znamenityye blazhennyye Diveyevskoy zemli // Aktual'nyye problemy polevoy fol'kloristiki. Vyp. 2. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. S. 247–254.

32. Erlenveyn A.A. Narodnyye skazki, sobrannyye sel'skimi uchitelyami Tul'skoy gubernii v 1862 i 1863 godakh. M.: V tipografii F.B. Millera. 1863. 192 s.

33. Yasinskaya M.V. «Sveta belogo ne videt'...» (tema glaz i zreniya v formulakh yuzhnoslavyanskikh proklyatiy) // Slavyanovedeniye. – 2013. – № 2. – S. 79–89.

34. Yasinskaya M.V. Glaza i zreniye v yazyke i traditsionnoy narodnoy kul'ture slavyan // Slavyanovedeniye. 2014. №6. S. 47–57.

35. Yasinskaya M.V. Zaprety, svyazannyye so zreniyem, v traditsionnoy kul'ture slavyan // III Mezhdunarodnyy nauchnyy simpozium «Slavyanskiye yazyki i kul'tury v sovremennom mire». Trudy i materialy. M.: MAKSPress, 2016. S. 594–596.

etnografii (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR D.K. Zelenina L.: Nauka. 1979. S. 133–141.

16. Neklyudov S.Yu. Slepota demona i yeye literaturnyye perspektivy // Sila vzglyada: Glaza v mifologii i ikonografii. M.: RGGU, 2014. S. 125–147 (Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika).

17. Onchukov N.Ye. Severnyye skazki: Arkhangel'skaya i Olonetskaya gg. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1908. (Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii; T. 33). 752 s.

18. Petrukhin V.Ya. Yurodstvo // Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh. T.5 S (Skazka) – YA (Yashcheritsa). M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2012. S. 599–601.

19. Russkiye narodnyye skazki A.N. Afanas'yeva. V trekh tomakh [Izd. Podgot. L.G. Barag i N.V. Novikov; Otv. red. E.V. Pomerantseva, K.V. Chistov]. T. 2. M.: Nauka. 1985 («Literaturnyye pamyatniki»). 464 s.

20. Russkiye narodnyye skazki. Skazki, rasskazannyye voronezhskoy skazochnitsey A.N. Korol'kovoy [Sost. i otv. red. E.V. Pomerantseva]. M.: Nauka. 1969.

21. Skazki i predaniya Severnogo kraya [Zapis', vstupit, stat'ya i komment. I. V. Karnaukhovoy. Predisl. YU. M. Sokolova]. M.; L.: Academia, 1934. 446 s.

22. Skazki M.M. Korguyeva. Kn.1 [Zapis', vstupit. st. i komment. A.N. Nechayeva]. Petrozavodsk: Karel'skoye gosudarstvennoye izdatel'stvo. 1939. 725 s.

23. Skazki Terskogo berega Belogo morya [Izdaniye podgot. D.M. Balashov; Otv. red. E.V. Pomerantseva]. L.: Nauka, 1970. 448 s.

24. Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka. L.: Nauka. 1979. (SUS)

25. Tolstaya S.M. Pochemu slepoy ne vidit? (k etimologii slav. *slp-) // Slovenska utimogija danas. Beograd, 2007. S. 409–419

26. Tolstaya S.M. Glukhoy i slepoy // Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perpektive. M.: Izdatel'stvo «Indrik», 2008. S. 134–174 (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennyye issledovaniya).

27. Tolstoy N.I. Russkoye yurodstvo kak forma svyatosti // Ocherki slavyanskogo yazychestva. M.: Izdatel'stvo Indrik. 2003. S. 489–493.

вещающих антитетических зон, не имеющих определенного реального места, а также не определяемых реальных расстояний между зонами, говорит, нам о том, что хоротоп построен по принципу мифа.

Исследователь И.В. Комарова в 2015 году, обращаясь к иеротопическому методу Питера Брауна, выделяет различные формы выражения «хоротопа» в текстах духовного поэта 20 века Александра Солодовникова.

В данной парадигме мы видим ряд сквозных поэтических образов, связанных органично с сакральным ландшафтом наличием высшего провиденциального смысла. Атрибуты божественного проявляются в становлении в месте, в котором идеальное раскрывается благодаря духовному видению поэта.

В поэзии Александра Солодовникова, пишет Комарова, «хоротоп выражается на образном уровне через земные образы, цветовые контрасты, интертекстуальность, мотивный уровень. Именно бытие Бога в этом мире становится краеугольным камнем при включении того или иного образа физического пространства в поэтический текст. Хлеб, вино, деревья, цветы и др. интересны лирическому субъекту, если несут информацию о Творце, являются проводниками в духовную реальность, открывают тайну мироустройства, мироздания» [9, с. 187].

И. В. Комарова выделяет для интерпретации «хоротопа» такой аспект как «хора». С точки зрения исследователя Лидова:

«В богословии понятие «хора» становится краеугольным камнем, с помощью которого обосновывается принципиальное отличие иконы от идола. Идеальная икона всегда пространственна и всегда абсолютно конкретна, подобно тому, как Христос может одновременно пребывать на небесах и предлагать свою плоть в таинстве Евхаристии. То, что соединяет эти две рационально несводимые величины и есть «хора» – пространственное бытие Божие. В конечном итоге весь храм и все образы в нем призваны передать именно «божественную пространственность» [10, с. 18].

«Физическое пространство благодаря наличию «хоры» становится храмом, где действуют свои законы, где иерархию пространства можно постичь только духовным зрением» [9, с. 187] – делает

вывод исследовательница.

Автор этих строк в 2016 году на Всероссийском научном семинаре, посвященном 2400-летию со дня рождения Аристотеля «Corpus Aristotelicum в XXI веке», независимо от предыдущих исследователей, изобрела термин «хоротоп» и рассмотрела его коды и матрицу в контексте феномена балканского хоротопа на основании работ о балканском макроконтенте В. Н. Топорова [8].

На основании различий в представлениях о категориях пространства: «хорь» Платона и трех видов категории места Аристотеля: «топос» – местность, «платос» – плоская местность, «хорос» – нечто простирающееся [3], нами была выявлена парадигма хоротопа.

В диалоге Платона «Тимей» встречаются Сократ, Тимей, Критий и Гермекрат. Тимей и вводит загадочный термин «хора», рассуждая о миметической диаде полис-космос.

Платон пишет о хоре:

«Всегда воспринимаемая все, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в нее вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи – это подражания вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом.

Или это можно сравнить с тем, как при вычерчивании фигур на каких-либо мягких поверхностях не допускают, чтобы на них уже заранее виднелась та или иная фигура, но для начала делают все возможно гладким. Подобно этому и начало, назначение которого состоит в том, чтобы во всем своем объеме хорошо воспринимать отпечатки всех вечно сущих вещей, само должно быть по природе своей чуждо каким бы то ни было формам. А потому мы не скажем, будто мать и восприимчивость всего, что рождено видимым и вообще чувственным, – это земля, воздух, огонь, вода или какой-либо другой [вид], который родился из четырех [стихий] либо из которого сами они родились. Напротив, обозначив его как незримый, бесформенный и всеприемлющий вид, чрезвычайно стран-

i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoy fol'klor M.: Labirint, 2001. S.95–105.

5. Dobrovol'skaya V.Ye. Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvey // Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir. Vyp. 2. M.: GRTSRF. 1997. S. 76–88.

6. Dobrovol'skaya V.Ye. Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvey // Russkiy fol'klor. T. XXX. Materialy i issledovaniya. SPb: Nauka, 1999. S. 500–512.

7. Dobrovol'skaya V.Ye. Termin «mestnochtimyy» v fol'klornoy traditsii Severnoy Velikorossii // Kul'tura Russkogo Severa v preddverii tret'yego tysyacheletiya. Vologda: Legiya. 2000. S. 137–152.

8. Ivanova A.A. Legendy o prozorlivykh Urzhumskogo kraya // Aktual'nyye problemy polevoy fol'kloristiki. Vyp. 3. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. S. 187–199.

9. Kovalev I.F. Skazki I.F. Kovaleva [Zapis'i i komment. E. Gofman i S. Mints. Red. YU.M. Sokolova]. M.: Izd. Gos. Lit. muzeya, 1941 (Letopisi Gos. lit. muzeya. Kn. 11). 360 s.

10. Levkiyevskaya Ye.Ye. Poyas // Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh. T.4. P (pereprava cherez vodu) – S (Sito). M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya. S. 230–233.

11. Makhov A.Ye. Slepota i zreniye // Hostis antiquae. Kategorii i obrazy srednevekovoy khristinskoy demonologii. Opyt slovarya. M.: Intrada. 2013. S. 335–340.

12. Mikhaylova K. O semantike stranstvuyushchego pevtsa-nishchego v slavyanskoy narodnoy kul'ture // YAzyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996). M.: Izdatel'stvo «Indrik». 2004. S.132–156.

13. Moroz A.B. Ustnaya istoriya russkoy tserkvi v sovetskiy period (narodnyye predaniya o razrushenii tserkvey) // Uchenyye zapiski Rossiyskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova. Vyp. 6. M., 2000. S. 177–185.

14. Nevskaya L.G. «Slepota» i «glukhota» v balto-slavyanskoy traditsionnoy kul'ture i yazyke // Etnicheskoye i yazykovoye samosoznaniye. M.: Institut narodov Rossii. 1995. S. 106–107.

15. Neklyudov S.Yu. O krivom oborotne (k issledovaniyu mifologicheskoy semantiki fol'klornogo motiva) // Problemy slavyanskoy

The article discusses the problems connected with the representation of disability in the Russian fairy tale. Special attention is paid to speech and mental anomalies of fairy tale characters. The work attempts to reveal the peculiarities of representation of certain forms of alleged disability in Russian fairy tales. Mental and speech deviations in fairy tales, in contrast to other types of disability, are always imaginary diseases used by heroes for disguise. The inability of the hero to speak and behave accordingly to generally accepted standards is chosen by them as means of disguise, a way to hide their true nature or a peculiar form of ritual behavior necessary for contact with supernatural fairy being. Fabulous fantasy, using elements of everyday or ceremonial practices, in some cases tries to change them or reinforce. In the case considered by the author tale almost completely copies the ritual while changing only the context and the form of its commission. Despite the fact that verbal and mental disabilities are simulated by the heroes of fairy tales, they as well as the real disability work as a sign of some chosenness and abilities for heroic deed.

Keywords: *folklore, Russian fairy tale, speech and mental abnormalities, disability.*

References

1. Bayburin A.K. Poyas (k semiotike veshchey) // Iz kul'turnogo naslediya narodov Vostochnoy Yevropy (Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. Vyp. 45). SPb.: Nauka, 1992. S. 5–13.
2. Valentsova M.M. Chistyy // Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh. T.5 S (Skazka) – YA (Yashcheritsa). M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2012. S. 547–552.
3. Dobvol'skaya V.Ye. Les vs sad v russkoy volshebnoy skazke: syuzhetnaya funktsiya lokusov // Semantika sada i lesa v russkoy literature i fol'klore: sbornik nauchnykh statey. M.: MGPU, 2017. S. 5–19.
4. Dobvol'skaya V.Ye. Narodnyye predstavleniya o koldunakh v neskazochnoy proze // Muzhskoy sbornik. Vyp. 1: Muzhchina v traditsionnoy kul'ture: Sotsial'nyye i professional'nyye statusy i roli. Sila

ным путем участвующий в мыслимом, и до крайности неуловимый, мы не очень ошибемся» [13].

Между идеей – эйдосом – и копией помещается некий третий тип, опосредующий интеллигибельное и чувственно данное. Этот третий «вид» – хора. Хора – это именно то место, в котором происходит переход от умозрительного к материальному, где идея впечатывается в материи, это место, позволяющее осуществиться материализации идеи.

Хайдеггер интерпретирует три вида категорий места Аристотеля – простирающегося, места и вместилища иным образом, хора перестает быть простирающимся, но становится тем, «что занято тем, что тут находится», простирающееся теряет возможность бытия, место «топос» утрачивает смысл:

«У греков нет слова для «пространства». Это не случайно; дело в том, что они испытывали пространственность не на основе протяженности, но места (topos); они переживали его как chфра, что означает не пространство и не место, но то, что занято тем, что тут находится» [16].

Фигура платоновской хоры как предел, как хоризмос, как интервал между идеальным и объективным, изменяет и разделяет противоположности. Создает в продлении перекресток (крест), обозначенный понятием «хоротоп», место перекрестка как мест сакральных, так и топосов объективной реальности, точкой перекрестка которых и является фигура «абсолютно иного» – хоры.

В своих пределах хоротоп становится пограничной зоной. В ней благодаря точке хоризмоса – или перехода противоположностей, можно наблюдать склонность пространства к «перемене мест».

С точки зрения Аристотеля первейшим и самым распространенным видом движения является перемещение материальных тел в пространстве, т. е. перемена места, когда материальные тела, существуя в пространстве, перемещаются в нем.

С точки зрения «абсолютно иного», или хоры, в пограничной зоне перемена мест связана с направленностью самого пространства.

Итак, в нашем исследовании мы приходим к выделению особого пространства – хоротопа, перекрестка сакральных пограничных зон, совмещенных с реальными местами, накладывающих на них

свой отпечаток «иноного». Это особое пространство наделено «хорическими» качествами и имеет особые пространственные конфигурации.

Здесь мы и рассмотрим феномен балканского хоротопа.

В. Н. Топоров считает причиной постоянства пространства его «хорические» качества. Его «наполнение – «вещами», выступающими, как места, которые собирают вокруг себя пространство и передают свойства «материальности-материнства», самому этому пространству, становящемуся своего рода матрицей, в соответствии с которой начинает формироваться все, что входит в это пространство» [14, с. 11].

В. Н. Топоров обращает внимание, прежде всего, на особенности самого полуострова, имеющего уникальные пространственные конфигурации: чрезвычайную изрезанность («ажурность») береговой линии, горные вертикали и долинные горизонталы, открытость к семи морям и не только, локальные закрытости на пути к северу.

«Балканское пространство, – пишет он, – в его геофизическом (уже – ландшафтном) и природно-экологическом аспекте (...) выступает как мать всего порождаемого им в себе самом, как подлинная матрица, в соответствии с которой штампуются человеческая жизнь» [14, с. 15].

Внешняя конфигурация Балкан имеет чисто хорические черты, такие как открытость, ровность, горизонтальность, непрерывность как свойство того, что продолжает это пространство вовне (море).

Внутренняя же его структура характеризуется противоположными свойствами: относительной закрытостью, неровностью, вертикальностью, прерывностью. Внутреннее пространство Балкан организуется специфическим расположением гор. Особенности частных фрагментов горного рельефа задают членение на относительно замкнутые локусы. Степень «горного заполнения» пространства Балкан очень велика и «просветов» мало, а специфика расселения людей связана с расположением горных хребтов. Меридиальная направленность вдоль западной окраины от Альп до Средней Греции, определяющая и направленность рек и особенности расселения человека, и связи между отдельными локу-

28. Фадеева Л.В. Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области: Катенька Пятинская // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 200–217.

29. Фадеева Л.В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 2003. С. 123–126.

30. Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

31. Шеваренкова Ю.М. Знаменитые блаженные Дивеевской земли // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 247–254.

32. Эрленвейн А.А. Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии в 1862 и 1863 годах. М.: В типографии Ф.Б. Миллера. 1863. 192 с.

33. Ясинская М.В. «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. – 2013. – № 2. – С. 79–89.

34. Ясинская М.В. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. 2014. №6. С. 47–57.

35. Ясинская М.В. Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 594–596.

IMAGINARY ILLNESS OF THE HEROES OF RUSSIAN FAIRY TALES: THE IMITATION OF SPEECH AND MENTAL DISABILITIES (AT 532 “I DON’T KNOW” / ATU 314 “GOLDENER” AND AT / ATU 361 “BEAR-SKIN”)

Dobrovolskaya Varvara Evgenievna,

Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Head. Research Department of the State Center for Russian Folklore (Roskultproekt) of the Ministry of Culture of the Russian

16. Неклюдов С.Ю. Слепота демона и ее литературные перспективы // Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии. М.: РГГУ, 2014. С. 125–147 (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика).

17. Ончуков Н.Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 33). 752 с.

18. Петрухин В.Я. Юродство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.5 С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения. 2012. С. 599–601.

19. Русские народные сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах [Изд. Подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов]. Т. 2. М.: Наука. 1985 («Литературные памятники»). 464 с.

20. Русские народные сказки. Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А.Н. Корольковой [Сост. и отв. ред. Э.В. Померанцева]. М.: Наука. 1969.

21. Сказки и предания Северного края [Запись, вступит, статья и коммент. И. В. Карнаухова. Предисл. Ю. М. Соколова]. М.; Л.: Academia, 1934. 446 с.

22. Сказки М.М. Коргуева. Кн.1 [Запись, вступит. ст. и коммент. А.Н. Нечаева]. Петрозаводск: Карельское государственное издательство. 1939. 725 с.

23. Сказки Терского берега Белого моря [Издание подгот. Д.М. - Балашов; Отв. ред. Э.В. Померанцева]. Л.: Наука, 1970. 448 с.

24. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука. 1979. (СУС)

25. Толстая С.М. Почему слепой не видит? (к этимологии слов. *slp-) // Словенска утимогија данас. Београд, 2007. С. 409–419

26. Толстая С.М. Глухой и слепой // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Издательство «Индрик», 2008. С. 134–174 (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

27. Толстой Н.И. Русское юродство как форма святости // Очерки славянского язычества. М.: Издательство Индрик. 2003. С. 489–493.

сами, даже Дунай в этой части (от Белграда до Будапешта) течет в меридиальном направлении. В восточной части Балкан расположение широтное, как и течение Дуная от Белграда до его устья. На юго-восточной периферии низменные равнины, начинаясь от моря, глубоко вдаются внутрь полуострова. Эти долины и реки, текущие по ним, ставят совсем иной акцент – к морю кратчайшим путем.

Высокие горные вертикали играют доминирующую роль в балканском полуострове, задают внутреннюю ориентацию – от моря в центр, членят локусы человеческих поселений пустынными горными пространствами.

Особенность балканской хоры в том, что она ярко выраженный хоротоп, в котором хорические характеристики – открытость морю, горизонтальность равнин с их максимальной концентрацией наполненности – сочетаются с перемежающимися закрытыми локусами человеческих поселений в горных областях. Здесь фрагментарно сочетаются участки населенных местностей (хор) и пустынных горных областей (топосов), складываясь в уникальный хоротоп. Его своеобразие в разбросанности диаспор, в их межэтнической разъединенности и «балканскости», как принадлежности в общем пространстве к единому хоротопу. В данном исследовании мы рассматриваем его ракурсы относительно специфики наполненности пространства различными этническими диаспорами, относительно естественных границ и пограничных зон, зон отчуждения, пустынных горных участков – локальных топосов. Но естественным образом балканский хоротоп структурирует образ жизни людей, специфику их межнациональных отношений.

Итак, Балканы – сложно структурированная хора, с чисто хорическими материковыми характеристиками на юге и юго-востоке, с горным хоротопом на востоке и западе. И помимо всего прочего, островная часть Балкан вдоль побережья как морской хоротоп с множеством островов (хор) и топосом моря.

Такова специфика этого пространства. И как пишет академик Топоров: «"Балканский" модус жизни в течение тысячелетий как раз и определялся структурой этой матрицы – балканским пространством, хотя и не только им» [14, с. 15].

Один из переводов хоры, данный русским философом А. Г. Дугиным, «зияющая пасть» [6, с. 237].

В. Н. Топоров пишет о воронке Балканского полуострова, вовлекающей в пространство возможные потоки из разных точек центральной и восточной Европы, сужающейся к югу достаточно резко, тем самым, ускоряя и направляя все, что попало в воронку – к югу.

Но это внешняя конфигурация «разверстой пасти» балканской хоры. Уникальная развернутость контура балканского полуострова к семи морям, изрезанность и расчлененность береговой линии материкового пространства, и соответствующее этому обилие островов, выстраиваемых в сложнейшие конфигурации, создающие около балканское морское пространство.

Таким образом, возникает уникальный хоротоп, в котором хора и топос постоянно меняются местами в зависимости от векторов взгляда. В этой сложной изошренной полемике побережья, островов и моря балканская хора обретает черты хоризмоса, места встречи и перехода противоположностей. Суша и море здесь до такой степени органично, интимно переходят друг в друга, что связи их предельно облегчают коммуникацию, движение, путь. Суша зияющей пастью Сцилл и Харибд втягивает море в себя, а море манит обитателей материка в путь цепочкой островов.

Так само пространство как будто задает направленность пути. Когда Хайдеггер пишет о том, что греки переживали пространственность не как протяженность, но как погруженность в хору, в сакральное пространство мест, перед внутренним взором встает одиссея пространства. Встает как путь Одиссея, заданный изначально волей богов, по цепочке островов, каждый из них сакральный хоротоп, место, погружаясь в которое, как в хору, герои трансформируются этим местом согласно его внутренним мифологическим законам. И путь, от острова к острову, создает ту особую протяженность как погруженность в трансформационный переход. Дошедший до конца уже не тот, кем вышел вначале. В этом предназначенность хоры, постоянно изменять вошедшее в нее, в этом специфика хоротопа, как матрицы, сохранять сакральность хорического и создавать протяженность топосов не во времени, ибо в хоре нет

5. Добровольская В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 2. М.: ГРЦРФ. 1997. С. 76–88.

6. Добровольская В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Т.XXX. Материалы и исследования. СПб: Наука, 1999. С. 500–512.

7. Добровольская В.Е. Термин «местнотимый» в фольклорной традиции Северной Великороссии // Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия. Вологда: Легия. 2000. С. 137–152.

8. Иванова А.А. Легенды о прозорливых Уржумского края // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 187–199.

9. Ковалев И.Ф. Сказки И.Ф. Ковалева [Запись и коммент. Э. Гофман и С. Минц. Ред. Ю.М. Соколова]. М.: Изд. Гос. Лит. музея, 1941 (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 11). 360 с.

10. Левкиевская Е.Е. Пояс // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.4. П (переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения. С. 230–233.

11. Махов А.Е. Слепота и зрение // *Hostis antiquae*. Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М.: Intrada. 2013. С. 335–340.

12. Михайлова К. О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения Никиты Ильича Толстого (1923–1996). М.: Издательство «Индрик». 2004. С. 132–156.

13. Мороз А.Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 177–185.

14. Невская Л.Г. «Слепота» и «глухота» в балто-славянской традиционной культуре и языке // Этническое и языковое самосознание. М.: Институт народов России. 1995. С. 106–107.

15. Неклюдов С.Ю. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.К. Зеленина Л.: Наука. 1979. С. 133–141.

время инвалид представляет собой опасность для окружающих, поскольку может быть наказанием за грехи. В большинстве фольклорных жанров инвалидность всегда реальна, ее можно устранить или она остается с человеком на всю жизнь, она может привести его к вере, стать причиной смерти, физических и духовных мучений.

В сказочном тексте отношение к инвалидности иное. В сказках она бывает не только реальная, но и мнимая. Именно с помощью мнимого недуга сказочные герои скрывают свой истинный статус, помогают близким освободиться от чар и т.д. Ложная болезнь может выступать как своеобразное испытание героя. Необходимость в имитации инвалидности пропадает тогда, когда герой достигает желаемого результата.

Примечание

1. В Архиве КНЦ есть еще один вариант данного сюжетного типа. Он записан в 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова в д. Демидово в Заонежье [30, АКФ 70/34]. В этом тексте черт предлагает герою: «...котлы варить, подкладывать огонь, не стричься и не бриться, и богу не молиться».

Список использованных источников

1. Байбурин А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы (Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 45). СПб.: Наука, 1992. С. 5–13.
2. Валенцова М.М. Чистый // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.5 С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения. 2012. С. 547–552.
3. Добровольская В.Е. Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов // Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре: сборник научных статей. М.: МГПУ, 2017. С. 5–19.
4. Добровольская В.Е. Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор М.: Лабиринт, 2001. С.95–105.

времени, или оно абсолютно иное, но, создавая протяженность мест в пространстве, хоротоп формирует хронотоп [4].

Поэтому можно сказать, что и сама одиссея – хоротоп, матричные коды которого осуществляются в повторяемости мифологических сюжетов в балканском пространстве.

Возвращаясь к понятиям античной философии, к древнегреческим мифологическим сюжетам, мы реструктурируем современную матрицу, следуя методологии хоротопа Питера Брауна в более широком понимании этого метода. Сравнительный анализ показал, что наши исследования пересекаются, у них общий универсальный ключ, заложенный в античной философии, позволяющий успешно применять философские категории, созданные античными философами Платоном и Аристотелем, в современных философских, культурологических и литературоведческих исследованиях, в частности, мы создаем топосный сверхтекст на перекрестке наук: философии пространства (ландшафта), культурологии и, собственно, литературоведения.

Итак, мы можем выделить критерии хоротопа как ядра, как репрезентативного центра топосного сверхтекста.

Концепт хоротопа как репрезентативного центра сакрального ландшафта, структуру которого формирует сакральный текст: миф, связанный с данной местностью. Этот текст органично связан с местностью как таковой, ее пространственными конфигурациями. Сам концепт находится в постоянной репрезентации и трансформации в хронологической продленности. В том числе, он подвержен постоянному пересмотру базовых кодов и констант современными исследователями. Так фигура платоновской хоры подвергалась критике античными философами, в частности, Аристотелем, и по сей день находится в процессе переосмысления поколениями философов и школ, в том числе экзистенциалистами: Хайдеггером, постструктуралистами: Деррида, Кристева, школой современной русской философии: А. Г. Дугин.

В концепте топосного сверхтекста сакральный текст, миф не только связан органично со спецификой места, с его пространственными конфигурациями и свойствами, но и сам трансформируется спецификой местности.

Рассмотрим «балканский макроконтест» В. Н. Топорова как «балканский топосный свертхтекст-хоротоп».

Обратимся с этой целью к идее современной одиссеи в пространстве Балкан.

Рассмотрим, как проявляются коды балканского хоротопа в фильме известного греческого кинорежиссера Тео Ангелопулоса «Взгляд Улисса». Вначале обратим свой взгляд вглубь истории балканского кинематографа.

Первыми бросили взгляд и увидели землю Балкан греки. Не то, чтобы греки, братья Манаки, снявшие первый балканский фильм в 1905 году, не греки, но аромуны. Фильм был снят в Монастири, современной Битоле, входящей в состав Македонии, в то время, с первой балканской войны, в составе Сербии.

Первый взгляд аромунов братьев Манаки: греческая деревня Авделла, женщины в черном одеянии ткут. Возле лачуги 114-летняя бабушка братьев Манаки Деспина перебирает белую пряжу – где-то в Османской империи тех времен. Женщины разделяют и переплетают бесконечные белые нити.

Книга судеб, начало и конец эпох и войн, и странная мозаика времен. Как будто самой старшей из Ткачих дана отдельная привилегия: по произволу переплестать времена, сплестать обручально в ткань настоящего нити прошлого и будущего. И ткать на глазах удивленных зрителей – кадр за кадром – венчальное покрывало Балкан, в котором, плетясь гобеленами, прошлое с настоящим, дают новые взгляды будущих полотен, взгляды, кадр за кадром, из будущих эпох балканских странников-улиссов. Реальная биография братьев Манаки использована Тео Ангелопулосом в кинофильме «Взгляд Улисса», снятом в 1995 году, в котором целью главного героя является поиск их трёх первых кинолент.

В кадрах первого фильма и раскрывается матрица балканской хоры: греческая деревня, женщины-ткачихи, 114-летняя бабушка Деспина, полотно киноленты как изначальное полотно хоры, на котором не эйдосы, но сама хора собирает в себе сакральные вещи, формируя первый миф, создавая пра-матрицу Балкан. Символом пра-матери, созидающей реальность и будущность, бабушка Деспина, ткущая полотно на пороге дома, и женщины-ткачихи подобно

сой», «странный бледный, обросший бородой». В клинике его пытаются привести в норму, и поэтому одним из действий врачей становится бритье: «бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами», но всклокоченность волос остается: «со свеживающимся на лоб клоком волос».

Герой сказки именно такой – всклокоченный, грязный, не соответствующий общепринятым нормам поведения, поэтому его сторонятся и опасаются. Однако золото черта делает его сначала привлекательным для гуляк царства, потом для разорившегося царя, который согласен отдать за него одну из дочерей.

Старшие дочери, увидев «страшилище, волоса всклокочены, ногти невыстрижены, сопли не вытерты» [19, № 278] отказываются от брака, а младшая – соглашается. В ряде вариантов этой сказки царские дочери отказываются от нечесаного и немытого жениха, но соглашаются на брак с красавцем: «Она губы сморщила, как он такой долгой, некрасивой, ногти длинные и убежала» / «показался он ей чудным таким, ну как же, – волоса длинны, ногти длинны, повернулась и пошла проць» – «Вот прибыли оне в город, приворотил он, конечно, в парикмахерску, побрилсе, ногти остриг, помылсе и сделалсе таким бравым, фартовым детиной, што его совсем не узнают <...> пришла, посмотрела, кряду села на колени и стала его ласкать» [9, №23].

В данном сюжете мнимая инвалидность героя играет роль своеобразного двойного испытания. Сам герой оказывается достаточно упрямым, чтобы выдержать условия договора с чертом, а царская дочь достаточно доброй, заботливой и покорной (не столько отцу, сколько божьей воле, см. «Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что бог даст!» [19, № 278]), чтобы помочь царю-батюшке своим замужеством с «больным» человеком поправить финансы.

В сказках репрезентация инвалидности отличается от отношения к телесным и психическим недугам в фольклорной традиции в целом. Для народного мировоззрения физическая или психическая ущербность довольно часто становится неким знаком избранности, указанием на принадлежность человека к группе людей, наделенных особыми сверхъестественными способностями. В то же

крест, получает помощников-бесят, которые выполняют за него все поручения. Охотник, вступивший в сговор с дьяволом, должен выстрелить в крест церкви или в икону, за что получает дар никогда не промахиваться на охоте.

Сказочная поэтика использует мотив отказа от Бога, но никак его не разрабатывает. Так, в сказке М. М. Коргуева черт говорит герою: «...я только с тем тебя возьму в казаки, што сними крест и пояс и три года не стриги волос и ногтей, и не мойсе...» [9, №23]. В этом случае герой снимает не только крест, но и пояс, который в традиционной культуре является одним из сильнейших средств магической защиты [1, с. 5–13; 10, с. 230–233]. В дальнейшем этот мотив никак сказкой не обыгрывается, если не считать того, что мудрая жена дает герою совет как вернуть карты черту, и из слов нечистого духа мы узнаем, что герой мог оказаться в его власти: «...рано ты схватилсе, а то бы ты был мой» [9, №23].

Герой должен нарушать нормы поведения, причем нарушать так, как свойственно больным людям. В данном случае речь идет не о красоте и уродстве героя, а именно о нарушении поведения. Для окружения героя его «немытость» – это своеобразная болезнь. Здесь уместно вспомнить о Харальде Прекрасноволосом, который дал обет не стричь и не расчесывать волос, пока не завладеет всей Норвегией. Совершенно очевидно, что поведение будущего короля связано не с красотой или уродством, а с нарушением общепринятых норм поведения и гигиены, с одной стороны, и магическими свойствами, приписываемыми волосам, с другой. Чтобы достигнуть цели (у Харальда это объединение Норвегии, у героя сказки «Неумойка» – достижение богатства и женитьба на принцессе), нужно нарушить нормы, нужно вести себя так, как ведут себя психически нездоровые люди. Отметим также, что в народном сознании очень силен следующий стереотип: сумасшедший – это всегда человек с растрепанными, косматыми, всклокоченными волосами. Именно этот стереотип активно используется в литературе. См., например, портрет Мастера в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Булгаков противопоставляет портреты Мастера до попадания в психиатрическую клинику и после именно по признаку ухоженности и неухоженности: «Небритое лицо его дергалось грима-

пчелам возле матки, собирающие сакральные образы воедино, сплетая их тайно, скрытно венчальным покровом пра-Балкан.

Итак, нам явлен первичный код балканского хоротопа, тот самый изначальный сакральный балканский текст, матрица балканского сверхтекста, его хорическая обоснованность, высшая провиденциальная ценность.

Хорическая матрица Балкан, собирающая коды и символы первого балканского мифа, вплетающая в основу архетипы ушедших эпох и сакральные образы будущего.

Сценарий современной одиссеи находит своего Улисса.

В фильме Тео Ангелопулоса им становится безымянный кинорежиссер А (в его роли Харви Кейтель), вернувшийся на родину в Грецию ради поиска утраченных фильмов. Его одиссея смещается на балканский материк, и здесь мы обнаруживаем иные пространственные коды: эстафета пути по цепочке сакральных мест-островов оборачивается следованием по пограничным зонам, по зонам отчуждения материковых Балкан с их хорической предопределенностью.

Испытание смертью для безымянного А совершается на границе миров, государств и времен, на греко-болгарской границе, где его задерживают пограничники. Сцена диалога с таможенником переносится в 50-е годы, годы гражданской войны в Болгарии. В это время братья Манаки бегут из Греции в Болгарию. Безымянный А, становясь Янаки Манаки, переживает сцену расстрела, ему завязывают глаза черной повязкой, выводят, в ожидании смерти он произносит слово: «Почему?»

В снятом ранее, в 70-е годы, фильме «Млечный путь» Луисом Бунюэлем используется сходный прием наложения сюжетов. В путешествии героев фильма, паломников Жана (Лоран Терзиефф) и Пьера (Поль Франкёр) сквозь времена и места-палimpseсты мы встречаем кадры, когда действие переносится в том же месте в слой, смытый временем, но проявившийся внезапно в узле времен.

Эти узлы: перекрестки границ, пограничные зоны, подверженные в долгой хронологии времен переписыванию истории жесткой агрессией войн. Переписанные кровью и смертью, эти смы-

тые слои проступают в пространстве неожиданно для героев, что в поисках сокровенного проходят через все точки сборки, через все точки смерти, чтобы за пределами времен собрать все сакральные смыслы.

И Пьер в «Млечном пути» и безымянный А, вовлекшись точкой пересечений в чужую судьбу, в чужое, но значимое для этих безымянных героев, имя, переживают сцены расстрела, чтобы вернувшись в себя и к себе, продолжить путь до следующей точки смерти.

Мы же понимаем, что эти точки смерти – переходные места балканского хоротопа, в которых сакральные мифологические сюжеты звучат голосом действительности, а реальные ключевые события далеких эпох сакрализируют пограничные зоны сновидениями хоры. Венчальное покрывало Балкан становится погребальным.

Одиссеей имени расставлены пограничные точки-таможни. Хранители границ замирают птицами, шаг их прерван. В фильме греческого режиссера Тео Ангелопулоса «Прерванный шаг аиста» есть такой кадр: замерший пограничник на контрольной линии греко-турецкого пограничья с поднятой ногой, здесь шаг за пределы Греции дает полное право - на смерть.

Венчальное покрывало единого пространства в любой момент может стать погребальным. Таковы пограничные зоны, города-призраки точками сумерек внутри балканского пространства.

Тео Ангелопулос своеобразным приемом показывает эти приграничные лагеря ожидания. В «Прерванном шаге аиста» мы видим деревянные вагоны, в дверях которых беженцы с семьями, как будто, выставляют себя напоказ группе приезжих репортеров. Подобный эпизод в фильме «Взгляд Улисса»: на перекрестке греко-албанской границы группа нелегалов с мешками бежит на родину, и опять вдоль дороги от албанской границы стоят неподвижные молчаливые люди, не пугая, удивляя абсурдностью бездвиженности посреди снежной пустыни.

Они переходят границу, стремясь к свободе, и создают свои границы, живя каждый в своем мире, и никто не знает, это война

альная нечистота, которая была частью некоторых календарных и семейных обрядов, использовалось как средство охранительной магии и т.д. [Подробнее об этом см. 2, с. 547–552]. Герой сказки близок к юродивым, для которых была характерна телесная нечистота, поскольку они ориентировались на духовную благодать, а не на нормативную этику. Юродивый был свободен от рутинных бытовых норм, в том числе от телесной чистоты [18, с. 599–601]. И юродивые, и герой сказки нарушают нормы традиционного общежития, но в отличие от юродивых, для которых нечистота – это одна из форм религиозного антиповедения, для героя сказки это своеобразный знак избранности, указывающий на наличие у героя особых качеств и связи с «иным» миром.

Сказка сюжетного типа «Неумойка» редко встречается в русской сказочной традиции. Согласно указателю «Восточнославянская сказка» опубликовано всего три текста¹. В материалах А. Н. Афанасьева есть вариант сказки, в котором герою ставится условие «Три года не умывайся, не стригись и ногтей не обрезывай; отслужишь эту службу – тогда пойдем к королю, есть у него три дочери: две мои, а третья твоя будет!» [19, с. 439].

Сказка, опубликованная в сборнике А.А. Эрленвейна, представляет собой своеобразный народный роман, в котором помимо основной сюжетной линии, связанной с поисками жены, есть и второстепенные мотивы, одним из которых и является «Неумойка». В этом варианте унтер-офицер Пулька соглашается «не стричься, не мыться, Богу не молиться» [32, №13]. В данном случае, помимо нарушения требований, связанных с соблюдением физической чистоты, герой нарушает и еще одно правило, имеющее духовно-нравственную ценность – отказывается от исполнения религиозных норм. Тем самым он исключает себя из круга обычных людей, людей «этого» мира. Сказочник указывает на обособленность героя, но основное внимание сосредотачивает именно на нарушении гигиенических процедур, а не на отказе исполнять религиозные нормы. Если обратиться к текстам быличек о передаче мастерства, то очень часто представитель нечистой силы (леший, колдун, черт) выдвигает одним из условий именно отказ от веры и снятие креста, и в дальнейшем этот мотив разрабатывается – человек, снявший

ратно оседлал своего коня и помчался вперед. ... Но он каждый раз переряжался, и его нельзя было узнать, делался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать, красоты неописанной. И как увидела царевна такого красавца-богатыря, то сразу влюбилась в его... И вот он такой невероятной силы удар нанес, что сразу снес шесть голов... рассвирепел как лев, и нанес такой сильный удар, что снес ему своей саблей последние шесть башок» [9, №15].

Как видно из приведенных примеров, змея может победить только могучий богатырь, скрывающийся под маской полу-немого дурочка. Мнимая инвалидность может проявляться иначе. Герой имитирует некую аномалию поведения, некое психическое расстройство. Так, в сказке СУС 361 («Неумойка») герой заключает договор со своим противником (чертом) на соблюдение особого поведения, которое можно рассматривать как вид психического отклонения. Солдат должен «только пятнадцать лет не бриться, не стричься...» [19, с. 278], а окружающие – воспринимать его как человека, чье поведение не соответствует общепринятой норме. Неряшливость считается одной из патологий психического здоровья. Для обозначения психического расстройства, проявляющегося в пренебрежении гигиеническими нормами, используется психиатрический термин-эпоним синдром Диогена. Стоит обратить внимание и на то, что мелкие бесы, например, водяные демоны шиликуны отличаются лохматостью и неопрятностью, то есть герой сказки должен соблюдать не человеческую, а демоническую норму.

В традиционной культуре чистота, помимо физического измерения, несет и духовно-религиозную оценку. Если душа человека создана Богом и чиста, то тело, будучи изначально также чистым, было осквернено Дьяволом. Человек должен стремиться к этой изначальной чистоте и для этого соблюдать гигиенические требования: мыться, умываться, причесываться, стричь ногти и т.д. Неумытый человек сближался в оценке с нечистой силой. Ему запрещалось молиться, ходить в церковь, на пасеку, участвовать в целом ряде обрядовых действий. Перед началом целого ряда работ необходимо было вымыться и переодеться в чистую одежду. Но параллельно с обыденной и обрядовой чистотой существовала и риту-

между христианами и мусульманами, курдами или турками, революционерами и оппозиционерами?

Балканский тройной межцивилизационный узел: католический, православный, мусульманский; перекресток Запада и Востока, и несколько особняком Греция с ее древней утраченной цивилизацией.

Признать ли коды греческих мифов основополагающими для балканского пространства, пересеченного линиями меняющихся границ в ходе постоянных войн и межцивилизационных переделов?

Старик-таксист, везущий героя из Греции в Албанию в фильме «Взгляд Одиссея» Тео Ангелопулоса, говорит с горечью о том, что греки умирающий народ, завершивший свой трёхтысячелетний цикл среди древних развалин. Действие фильма происходит в середине 90-х годов 20 века.

Пятнадцать лет спустя в фильме «Аттенберг» греческого режиссёра Афины Рахель Цангари больной раком отец героини уже говорит о явлении утраты греками генома нации. Греция из страны пастухов, людей мыслящих мифами, познающих и сохраняющих мир с помощью мифов, неожиданно превратилась в общество IT технологий, не проходя индустриализации. Моменты старого мира, осколки древних мифов погребены среди уродливых обломков постмодерна в затухающей кривой бесплодия имен вне точек сакрального имени, в котором одном действуют древние коды.

21 век заговорил новым языком, герои фильмов современных греческих режиссеров Цангари и Йоргоса Лантимоса, пытаясь вернуть утраченные коды, играют в странные игры, имитируя повадки животных. Это людей эпохи IT технологий наглухо замуровано и отгорожено от собственных инстинктов в одномерном мире. Кто совершит путешествие за рамки себя и как: утренней пробежкой по-утиному? Сознание человека сузилось до игры-имитации. Кому придет в голову совершить одиссею в поисках сакральных смыслов, кто пойдет за древними мифами?

Безымянный А ищет первый миф о Балканах братьев Манаки, вершится одиссея скрытого кода, ответы в котором придут только тогда, когда свершится сага о конце дороги.

И если это сага о конце, то не знает безымянный А, потерявший в густом тумане в Сараево во время перемирия друга и его дочь, убитых абсурдно, по-кафкиански, у реки, не знает этой саги о конце. Вернувшись к началу и истоку, первому фильму братьев Манаки о ткачихах деревни Авделла, он достигает знания, что путь бесконечен, что путь обращен к началу. Но скрытое временем говорит Одиссею, что однажды он вернется в чужом платье и обличье к той, что ждала его, что узнает его она по запаху лимонного дерева и по любви его тела, вот только нет временной координаты у его возвращения.

Балканский сценарий, повторяясь циклично, разыгрывается вновь и вновь, и в одиссее балканского кода нет ни конца, ни надежды на завершение мифа.

Таким образом, мы видим, как эпические мифы хоры, разворачиваются вовне сюжетами хоротопа, циклическим незавершенным балканским сценарием, проявляющимся в моменты катастроф на протяжении всей истории Балкан.

Специфика балканского топосного сверхтекста (хоротопа) проявляется в повторяемости, цикличности мифологических сюжетов, чисто балканских сценариях, связанных с историческими событиями, особенностями расположения этносов на территории Балкан, с самой географической особенностью расположения мест, с ее хорической предопределенностью. Можно сказать, что в основе балканских хоротопов лежат балканские (и универсальные для данного пространства древнегреческие сюжеты) мифы, предопределенные исторической спецификой этнических и межконфессиональных отношений. Носители кодов балканской матрицы – узлы-палимпсесты исторических конфликтов, переписываемые в кодах единого балканского топосного сверхтекста как реальными событиями, повторяющимися в этих местах, так и переживаниями литературных героев, связанных в текстах и сценариях с событиями этих мест в исторической и художественной хронологии времен. Тем самым, общность художественных кодов хоротопным методом красной нитью проходит сквозь времена и проявляется в современных текстах в двойственности палимпсеста: коды прошедшего не утрачиваются, но проявляются в последующем символа-

– Незнаюшка, это ты покушал?

– Не знаю.

– Кто выпил?

– Не знаю.

– Кто четверть разбил?

– Не знаю.

Так и ушла» [20, с. 98–107].

Такое поведение очень близко к поведению юридивого, который довольно часто «пользуется немотой, повторением слов своего собеседника, заумью...» [27 с. 490]. Немота, непонятная большинству речь выступают своеобразным признаком сакральности, принадлежности к другому миру (ср. «не от мира сего»), и сказочный герой пытается именно отсутствием связной речи противопоставить себя всем остальным людям, позиционировать себя как «другого», чужого персонажа.

«Кучер кричит “Вороти!”. А он отвечает: “Не знаю”. – “Кто ты?”. – “Не знаю”. – “Человек ли?”. – “Не знаю”. ... Дали ему двадцать пять нагаек, а ему через кожан-то и не больно [21, № 47].

Такое поведение позволяет герою скрыть и свое истинное происхождение, и свои особые внешние данные (золотые кудри), и свою необыкновенную силу. Появись он при дворе царя с золотыми кудрями и в богатырском облачении, он тоже рассматривался бы как чужой, но от него бы и ждали подвига, подобающего таинственному воину. От больного калеки подвига не ждут. Традиция позволяет считать, что у такого героя не может быть никаких необычных способностей, но логика сказочного повествования, напротив, указывает на то, что именно такой «ущербный» герой обладает целым рядом необычных качеств, имеет чудесного помощника, связанного с «иным» миром и способен совершать подвиги. Именно это и увидела в Незнайке любимая царская дочь, которая из всех потенциальных женихов выбрала именно полу-немого калеку.

«Вот приходит очередь и да третьей дочери. Но она в последний раз все-таки принесла пишу Незнайку. И говорит: “А может, ты меня спасешь от съедения змея. Ведь у тебя же есть сила необыкновенная”. А Незнайко все время говорил одно слово: “Не знаю”, – и царевна ушла от него. Когда повезли царевну, то Незнайко об-

удалить его от себя, что, собственно, в сказке и происходит. Герой отправлен на работу в сад. Сад в сказке – это некая пограничная территория, место нахождения чудесных диковинок и прекрасных женщин, но в тоже время это место разрушения границы, место, доступное для проникновения представителей другого мира. Отсюда Змей или Вихрь уносят прекрасную царевну, герой похищает молодильные яблоки и живую воду, именно в саду героиня превращается из злой ведьмы в белую уточку или рысь, наконец, это место чудесного зачатия: «ветер заваял, ей подол подынулся, и она понесла. Сына родила, Ивана Ветровича» [17, №107]. Как видим, сад – это пограничное пространство, действуя в котором герой обособляет себя от остальных жителей царства [подробнее о пограничной семантике сада см. 3, с. 5–19].

Демонстрируя свою «инаковость», герой дистанцируется от других жителей царства, показывая своим обликом некую принадлежность к иномирным существам, с одной стороны, и наличие у него особых способностей, полученных после ряда испытаний, с другой. Иногда изменение внешности связано с колдовством чудесного помощника героя – его волшебного коня. Герой пролезает между ног коня и становится «страшным, лохматым, в коростах», «страшным, нехорошим, зеленым». Но даже в тех вариантах сказки, где герой не меняет внешность, а только скрывает свой истинный облик под нищенской одеждой, его полу-немота является своеобразным подтверждением умственной неполноценности. От проstackа и недотепы, который на все вопросы отвечает «Не знаю» или «Зеленый», никто не ждет, что он царский сын и прекрасный воин:

«Все люди гуляют, пляшут, барабаны бьют, а Незнайка в своей беседке сидит. Она приходит.

– Незнайка, пойдём на пир.

– Не знаю.

– Я тебе сюда принесу чего?

– Не знаю.

Принесла четверть водки, закуски.

– Незнаюшка, пей, ешь!

Она ушла, он из горлышка выпил, покушал, опять посиживает.

Она пришла опять, глядит – четверть выпита и разбита.

ми хоры. Воплощением такого хоротопного художественного видения становятся современные жанры искусства: изобразительного, литературного, кинематографического. Здесь текст пишется нелинейно, в него включаются фрагменты архетипического бессознательного сновидениями героев, видениями, переживаемыми ими как данность, как реальность. В античных текстах вторжение сверхъестественного обусловлено законами мифа, сверхъестественная трансформация героя задана условиями особого сакрального места в рамках античных мифов, как в «Одиссее» Гомера. В современных текстах архетипы старых мифов проявляются в особых сакральных местах хоротопно. Здесь важен герой, преследующий сверхцель в своем путешествии. Так безымянный А отправляется на поиски по балканскому полуострову в поисках утраченного сакрального балканского кода. Его вхождение в сакральное пространство и следование по нему согласно законам старых мифов выражается с помощью современных художественных средств. Это элементы сюрреалистического наложения: вторжения символов, размытых временем, в подсознание героя, опять-таки, в особых местах – узловых пограничных зонах – хоротопах. В них в критический для героя момент срабатывает старая сакральная матрица, и она символами видений трансформирует сознание героя, заставляя его пережить архетипический сюжет, мифологический сценарий которого уже не одним поколением связан с реальными событиями, происходившими в этих ключевых узлах. Таким образом, мы видим, что современные художественные методы: элементы потока сознания, сюрреализм, используются в этом контексте для того, чтобы проявить общую мифологическую составляющую происходящих событий, раскрыть их тайное сакральное предназначение. Скрытые символы, связующие воедино текстовые и вне текстовые знаки, выявляются хоротопным способом с помощью современных художественных средств.

Итак, мы можем проследить своеобразный рисунок балканского сверхтекста. Репрезентативный центр, балканская матрица, балканский миф, с его хорическими характеристиками: теменос с его атрибутами сакрального пространства: ткачихи, ткущие полотно самих пра-Балкан, в то же время, они - мойры, в руках которых само время. В этом главное свойство хоры: ткать узор, давать форму эйдосам, и

даже самому времени, которое в сакральном пространстве хоры лишено хронологической протяженности, равно как и само пространство лишено качества протяженности. И время, и пространство здесь матрично хоротопны. Творческое действие здесь священнодействие жрицы в теменосе, все атрибуты в котором несут высшую смысловую нагрузку и цель: трансформация форм в сакральном пространстве хоротопа – и репрезентация их вовне в качестве вневременных миметических образов, архетипичность которых оставляет свой отпечаток в развитии балканских сюжетов и сценариев, заставляя обращаться к ним снова и снова.

Итак, само пространство своими исконными конфигурациями собирает вокруг теменоса, сакрального центра, мифы, легенды, тексты, биографии, жития, истории, сплетенные с топосом хорическими узорами в единую конфигурацию хоротопа.

Балканская хора имеет свой неповторимый пространственный узор хоротопов, объединенных в единый полифонический космизм сакральных мест. Миметическая диада космос-полис раскрывается в контексте балканского свертхтекста полифонией антитетических зон. Однако отнесенность полилога дискурсов, сакральных текстов пограничных зон к единому свертхтексту хорически предопределена не только спецификой ландшафта, его пространственными архетипическими кодами. Но и модальностью провиденциального смысла, раскрываемого в кодах постоянной репрезентацией в историческом времени как узловых проблем данных мест в архетипической незавершенности сюжетов, так и единого универсального мифа этого пространства, его Одиссеи как особого, присущего балканской хоре, сакрального смысла. Провиденциальным мифом, организующим балканский свертхтекст, является его Одиссея. И каждое новое поколение странников-улиссов по-новому раскрывает старый миф о главном в литературных текстах различных жанров, кинематографических сценариях, на полотнах художников. Мифологемы архетипическими реалиями текстов сквозят на протяжении времен, задавая особый модус балканскому свертхтексту, его Одиссее.

Итак, характеризуя балканский хоротопный свертхтекст, мы можем сказать, что его ядро – сакральный ландшафт, или цепочка

выми плодами герой угощает неверную жену, а потом лечит ее от физического уродства второй разновидностью.

Однако значительно чаще в сказках встречается мнимая инвалидность, когда герой по той или иной причине имитирует недуг. В этом случае задействуются другие типы инвалидности. Это может быть просто некая болезнь, при которой персонаж должен лежать. Так, в сказках СУС 315 («Звериное молоко») сестра героя притворяется, что лишилась возможности ходить, потому что она тяжело больна. Девушка имитирует болезнь по наущению противника героя: «А ты, – говорит, – заболей, как будто сухота; а брат придет, скажи, что вот отец башню работал – зайти, а не выйти, так мне бы с той башни опилочков...» [23, № 56]. Послушавшись советов, сестра героя прикидывается тяжело больной: «И на другое утро, когда он пришел, сестра лежала уже в постели, совершенно претворяясь, как будто чуть жива» [9, № 17], «притворилась больной и слегла в постель, чуть еда в сознании уже лежа» [9, № 18]. Брат для ее излечения должен добыть молоко медведя, волка или льва, яблок, груш или «опилочков», которые находятся в дальнем и опасном месте. В данном случае болезнь является поводом для отсылки героя из дома для того, чтобы он погиб, а инвалидность сымитированной.

Однако чаще в сказках имитируют недуг положительные персонажи. Именно мнимая болезнь таких героев связана с немотой или речевыми нарушениями. И это не случайно.

Герой сказки практически всегда оказывается на границе миров, в ситуации, когда он должен скрывать свою истинную сущность. Полная или частичная немота становятся средством маскировки героя, своеобразного обособления и дистанцирования от людей.

Наиболее ярко такая мнимая полу-немота реализуется в сказках сюжетного типа СУС 532 («Незнайка»). В вариантах данного сюжета герой имитирует не только полу-немоту, но и вызывающую ее умственную неполноценность. Несоответствие нормам поведения подкрепляется и внешним обликом героя, который с помощью внутренностей животных, смолы, сена, мусора и других средств имитирует кожные заболевания. Они должны, с одной стороны, вызвать к нему сострадание, но с другой, – заставить окружающих

«инным миром»), наделен особыми, сакральными знаниями. Именно к нему в случае необходимости будут обращаться за помощью и советом. Не случайно считалось, что наиболее точные предсказания делают слепые предсказатели, лучше всего лечат люди с физическими недостатками и так далее. Такое отношение закреплено в пословицах «Умудряет Бог слепца», «Слепец духом прозревает» и т.д. Способностью к прорицанию в русской традиции наделяются «божьи люди», необычный внешний вид (различные телесные аномалии) и поведение (психические аномалии) которых выступают своеобразным указанием на то, что данный человек предсказывает судьбу [8, с. 187–199; 28, с. 200–217; 31, с. 247–253; 7, с. 137–152; 4, с. 95–105].

Такие формы инвалидности как слепота, глухота и различные виды телесных увечий представлены в русской фольклорной традиции довольно разнообразно. Психические и речевые отклонения встречаются существенно реже. Особняком стоит немота, которая в фольклоре практически идентична молчанию, являющемуся формой ритуального поведения. Невозможность говорить – это своеобразный знак принадлежности к «иному» миру, к сверхъестественным силам, к опасным, знающим с нечистой силой, людям.

При анализе сказочных текстов становится очевидно, что реальная инвалидность в русских волшебных сказках – явление относительно редкое и почти всегда связанное именно с положительными героями, утратившими в результате козней антагониста конечности или зрение («Слепой и безногий» СУС 519; «Правда и Кривда» СУС 613, «Безручка» СУС 706). Безусловно, есть второстепенные персонажи, страдающие тем или иным недугом: царь-отец, который ослеп от старости и нуждается в молодильных яблоках и живой воде, царевны, страдающие от неизвестной болезни, которую не могут вылечить самые мудрые доктора, но удается простому солдату и т.д. Есть в этом списке больных и отрицательный персонаж – неверная жена героя сказки «Рога» (СУС 566). Однако ее болезнь – типичный пример наказания за неправильное поведение. Герой, обманутый царевной, попадает в лес и находит там чудесные плоды. Когда он съедает одну разновидность этих плодов, у него вырастают рога, а от другой они отваливаются. Пер-

сакральных мест, объединенных проявлениями универсального балканского мифа, его одиссеи, заданной оригинальным узором пространственной конфигурации. Одиссея мест структурирована по принципу мифа, это своеобразный трансформационный переход сквозь сакральные пространства мифологических древнегреческих островов, пограничных хоротопных зон балканского пространства. Мы наблюдаем провиденциальность балканских сценариев. Особую выделенность сакрального, явленную в текстах скрыто, за кадром, мифологемами старых мифов. Также хорически, т. е. в трансформационных видениях в особых антитетических зонах, в которых смещаются временные пласты, и совмещаются как архетипические реалии мифов, так и реальные события, произошедшие в этих особых точках смерти, зонах отчуждения, создавая сюрреалистический узор происходящего здесь и сейчас в пространстве самого текста. Мы можем отметить, что универсальным мифом для Балкан, формирующим балканские тексты в свертхтекст, является одиссея, явно и неявно сквозящая символами и образами, сюжетными переходами сквозь хоротопные зоны, внутренней мотивацией развития самого сюжета, рядом художественных приемов, сквозных для таких текстов.

Балканский хоротопный свертхтекст формируется сакральным ландшафтом – балканской хорой, репрезентируется хоротопно в контексте ряда произведений, собираясь в единый свертхтекст.

Список использованных источников

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века [Текст] / В. В. Абашев. — Пермь : Кн. изд-во, 2008. — 404 с.
2. Анциферов Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. — М., 1991.
3. Аристотель Собрание сочинений / Аристотель. — М : Мысль, 1981. Том 3. — С. 123–160.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М. : Худож. лит, 1975. — С. 234–407.

5. Браун П. Хоротоп: св. Федор Сикеот и его сакральная среда // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. – М., 2006. – С. 124–125.

6. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект, Гаудеамус, 2011. – 500 с.

7. Коро Елена. На стыке ойкумен: глоссарий хоротопа / Елена Коро. – Екатеринбург : Ridero, 2017. – 118 с.

8. Коробкина Е. Н. Феномен балканской хоры: коды матрицы и пограничные зоны хоротопа в свете категорий пространства Аристотеля // Материал опубликован на сайте Всероссийского научного семинара «Corpus Aristotelicum в XXI веке». Адрес: <http://aristotle.mya5.ru/materialy-dokladov/>.

9. Комарова И. В. Пространственная парадигма поэзии Александра Солодовникова / И. В. Комарова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №4 (18). – С. 182–187.

10. Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. – М., 2006. – С. 9–58.

11. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ю. М. Лотман – СПб., 2002.

12. Лыткина О. И. Типология топосных свертхтекстов в русской языковой картине мира [Текст] / О. И. Лыткина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Лингвистика. – 2010. – № 4 (2). – С. 607–610.

13. Платон. Собрание сочинений / Платон. – М. : Мысль, 1994, Т.3. – 654 с.

14. Топоров В. Н. Балканский макроконтэкст и древнебалканская неолитическая цивилизация / В. Н. Топоров // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. – М. : Индрик, 2007. – 352 с.

15. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб., 2003. – 616 с.

роду, либо своеобразной формой ритуального поведения, необходимого для контакта с иномирным существом. Сказочная фантастика, используя элементы бытовых или обрядовых практик, в ряде случаев старается их изменить или усилить. В рассматриваемом в статье случае сказка практически полностью копирует ритуал, изменяя лишь контекст и форму его совершения. Несмотря на то, что речевые и психические недуги имитируются героями сказки, они, как и обычная инвалидность, становятся знаком некой избранности героев, их способности к сказочному подвигу.

Ключевые слова: фольклор, русская волшебная сказка, речевые и психические аномалии, инвалидность.

Предметом данной статьи является имитация героями сказок отдельных речевых и психических заболеваний, то есть своеобразная ложная инвалидность.

В традиционной культуре отношение к болезням и инвалидности неоднозначное. Репрезентация инвалидов в фольклоре привлекала внимание многих ученых. Чаще всего предметом их исследований становились слепота [25, с. 409–419; 12, с. 132–156, 34, с. 47–57] или глухота [14, с. 106–107; 26, с. 134–173]. Основное внимание в этом случае обычно сосредотачивается на текстах мифологической и религиозной народной прозы, предписаниях, нормативах и паремических перформативах [33, с. 79–89; 35, с. 594–596]. В этих текстах слепота или глухота становится отличительной чертой мифологического персонажа, его своеобразной характеристикой [15, с. 133–141; 16, с. 125–147; 11, с. 335–340] или результатом проклятья, нарушения запрета [33, с. 79–89; 35, с. 594–596], совершением неправильного поступка или святотатства [5, с. 76–88; 6, с. 500–512; 13, с. 177–185; 29, с. 123–126].

В народном мировоззрении отношение к физическим недостаткам человека (а не мифологического персонажа) имеет двойственный, амбивалентный характер. С одной стороны, физическая или психическая неполноценность – это божья кара. С другой стороны, физиологическая ущербность рассматривается как некий знак избранности, указание на принадлежность человека к группе «знающих» – на то, что это не совсем обычный человек, что он связан с

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

№ 1, 2018, ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16. Хайдеггер Мартин. Введение в метафизику / Мартин Хайдеггер. – Йельский университет, 1959. – 302 с.

THE SPECIFICS OF THE TOPOS SUPERTEXT AS THE CHOROTOP. THE PHENOMENON OF THE BALKAN CHOROTOP SUPERTEXT

УДК 398.21

МНИМЫЕ БОЛЕЗНИ ГЕРОЕВ РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК: ИМИТАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ И РЕЧЕВЫХ НЕДУГОВ (СУС 532 «НЕЗНАЙКА» И СУС 361 «НЕУМОЙКА»)*

Добровольская Варвара Евгеньевна,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
заведующая отделом научных исследований
Государственного центра русского фольклора
(Роскультпроект) Министерства культуры Российской
Федерации, 107031, Москва, Петровский пер., д. 6,
тел. 8 (903) 126-54-83, e-mail: dobrovolska@inbox.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с репрезентацией инвалидности в русской волшебной сказке. Особое внимание уделяется речевым и психическим аномалиям сказочных героев. В работе предпринята попытка выявить особенности репрезентации отдельных форм мнимой инвалидности в русских волшебных сказках. Психические и речевые отклонения в сказках, в отличие от других типов инвалидности, всегда являются мнимыми болезнями, которые герои имитируют. Неспособность героя полноценно говорить и вести себя соответственно общепринятым нормам выступают либо средством маскировки, способом скрыть свою истинную при-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-01-00145 (проект «Репрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья»)

Korobkina Yelena Nikolayevna,

poet, writer, publicist,
member of the South Russian Union of writers (URSP)
(Evpatoryia, Russia); e-mail: e_koro@mail.ru

The article investigates the specifics of the representative center of the topical supertext as a sacred landscape, a chorotop. Introduces the concept of the hierotopical method of creating of the sacred space, this Lidov, and the method of chorotop of Peter Brown, forming the topos supertext. Revealed the chorotop method of the study of the Balkan supertext as a method of the transformation of the sacred places in a single configuration of the Balkan chora through of the text characters and the archetypal realities. The principle of chorycal were identified by V. N. Toporov in the paradigm of the Balkan macro-context it is. Odyssey as a providential myth of the Balkan chorotop supertext.

Keywords: *the topos supertext, chora, the sacral landscape, codes of chorotop, Balkan chorotop supertext.*

References

1. Abashev V. V. Perm kak tekst. Perm v russkoy kulture i literature HH veka [Perm as the text. Perm in Russian culture and literature of XX century] / V. V. Abashev. – Perm: KN. publishing house, 2008. – 404 p.
2. Antsiferov N. P. Dusha Peterburga [The Soul Of St. Petersburg]. M., 1991.
3. Aristotle. Sobranie sochineniy [Collected works]. - M: Thought, 1981. Volume 3. – S. 123–160.
4. Bakhtin M. M. Formyi vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays

on historical poetics] // Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. – Moscow: Khudozh. lit, 1975. – S. 234–407.

5. Brown P. Horotop: sv. Fedor Sikeot i ego sakralnaya sreda [Hortop: St. Theodore Sikeotes and its sacred environment] // Hierotopy. Creation of sacred spaces in Byzantium and medieval Russia, Ed.-comp. A. Lidov. M., 2006. – Pp. 124–125.

6. A. G. Dugin, Martin Haydegger: vozmozhnost russkoy filosofii [Martin Heidegger: the possibility of Russian philosophy]. – M.: Academic project, Gaudeamus, 2011. – 500 p.

7. Coro Elena. Na styike oykumen: glossariy horotopa [At the junction of oikumen: Glossary of horoscope]. Yekaterinburg: Ridero, 2017. 118 p.

8. Korobkina, E. N. Fenomen balkanskoy horyi: kodyi matritsyi i pogranichnyie zonyi horotopa v svete kategoriy prostranstva Aristotelya [The phenomenon of Balkan choirs: the codes of the matrix and the border area of homotopy in the light of the categories of space Aristotle] // Material published on the website of the all-Russian scientific seminar “Corpus Aristotelicum in the XXI century”. Address: <http://aristotle.mya5.ru/materialy-dokladov/>

9. Komarova I. V. Prostranstvennaya paradigma poezii Aleksandra Solodovnikova [Spatial paradigm of poetry of Alexander Solodovnikov] // Scientific Herald of the Voronezh state University of architecture and civil engineering: Linguistics and intercultural communication. - 2015. - №4 (18). – S. 182 to 187.

10. Lidov A. M. Ierotopiya. Sozdanie sakralnyih prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya [Eurotopia. Creation of sacred spaces as a form of creativity and subject of historical research] // Hierotopy. Creation of sacred spaces in Byzantium and medieval Russia, Ed.-comp. A. Lidov. M., 2006. – Pp. 9–58.

11. Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemyi semiotiki goroda [Symbolism of St. Petersburg and the problem of semiotics city] // Lotman Yu. M. History and typology of Russian culture. SPb., 2002.

12. Lytkina O. I. Tipologiya toposnyih sverhtekstov v russkoy yazykovoy kartine mira [Typology of topos supertexts in the Russian language worldview] / O. I. Lytkina // Vestnik of Nizhny Novgorod state University. H. I. Lobachevsky: Linguistics. – 2010. No. 4 (2). – Pp. 607–610.

13. Plato. Sobranie sochineniy [Collected works]. – M.: Thought, 1994, Vol. 3. – 654 p.

14. Toporov V. N. Balkanskiy makrokontekst i drevnebalkanskaya neoeneoliticheskaya tsivilizatsiya [Balkan and macro-context it is drevnerusskaya geoenergetika civilization] / East and West in the Balkan picture of the world. The Memory Of Vladimir Nikolaevich Toporov. – Moscow: Indrik, 2007. – 352 p.

15. Toporov V. N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannyye trudyi [The Petersburg text of Russian literature: Selected works]. SPb., 2003. – 616 p.

16. Heidegger Martin. Vvedenie v metafiziku [An introduction to metaphysics]. Yale University, 1959. – 302 p.